

АРГЕНТИНСКИЙ ЭТНОС

Этапы формирования и развития

Шейнбаум Л.С.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

А. С. Шейнбаум

АРГЕНТИНСКИЙ ЭТНОС

**ЭТАПЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ**

Ответственный редактор
И. Ф. ХОРОШАЕВА

vk.com/ethnograph

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

В монографии исследуются особенности формирования этноса в конкретных социально-экономических и политических условиях Аргентины от вторжения испанцев в XVI в. на Рио-де-ла-Плату до 70-х годов XX в. Показано своеобразие этого процесса, раскрыты важные проблемы консолидации аргентинской нации. Книга — первая монографическая работа, посвященная развитию одной из современных латиноамериканских наций.

Изучение этносов выдвинулось в ряд важнейших проблем этнографической науки, прежде всего отечественной. Немалую роль здесь сыграли объективные процессы, происходящие в мире. Именно в последние десятилетия бурного научно-технического прогресса, преобразующего облик планеты, с особой наглядностью обнаруживается относительная устойчивость такого феномена, как этнос. Перед учеными встает вопрос о том, почему наряду с продолжающимся во все более широком масштабе стиранием этнических различий и пивелировкой культуры происходит дальнейшее развитие этнических особенностей на основе традиционной культуры народов. Как справедливо заметила советский ученый-латиноамериканист И. А. Тертерян, «в противовес всем тенденциям к пивелировке в наше время ощущается могучая и неукротимая тяга к познанию собственной национальной самобытности и к ее утверждению»¹.

Термин «этнос», издавна употреблявшийся в качестве эквивалента слову «народ», получил в последнее время довольно широкое распространение. Советские ученые понимают под этносами исторически сложившиеся человеческие общности, каждая из которых обладает не только определенной внутренней целостностью, но и специфической совокупностью черт, отличающих ее от других подобных образований. Этноты характеризуются устойчивостью основных свойств культуры (языка, религии, народного творчества, обычаев, норм поведения и т. п.). В то же время на разных исторических стадиях характер одного и того же этноса меняется, приобретая новые черты.

В Советском Союзе общая теория этноса получила наиболее детальную разработку². Однако по некоторым вопросам среди наших ученых до сих пор еще нет единых устоявшихся взглядов: споры идут в отношении и терминологии, и типологии этнических общностей, поэтому особое значение приобретает конкретно-исторический анализ явлений, связанных со сложением и эволюцией того или иного этноса.

С этой точки зрения естественный интерес у специалистов вызывают исследования по Латинской Америке. Современные латиноамериканские этноты сравнительно молоды, что дает редкую возможность изучать их на достаточно ранних стадиях. Кроме того, при наличии многих сходных черт, которые роднят эти новые этноты в рамках всего региона — от аргентинцев и чилийцев до кубинцев и пуэрториканцев — важно выявить различия между ними и таким образом определить своеобразие и неповторимость каждого.

Аргентина входит в группу крупнейших и наиболее развитых в социальном отношении стран Латинской Америки. Население ее достигло к 1980 г. 27 863 тыс. человек. Доля живущих в стране неаргентинцев, т. е. выходцев из других стран в первом поколении, стала неуклонно падать с началом первой мировой войны и составляет сейчас менее 7%. Долгое время страна выступала на мировом рынке исключительно как поставщик сельскохозяйственного сырья и продовольствия, однако уже в 60-е годы XX в. ее роль в международном разделении труда изменилась в связи с достигнутым уровнем развития национальной индустрии. По численности промышленных рабочих Аргентина занимает ведущее место среди стран Латинской Америки, а по соотношению городского и сельского населения (80:20) приблизилась к крупнейшим капиталистическим державам мира. Такого рода изменения социально-экономической структуры объективно способствуют усилению национальной консолидации.

В этническом плане уровень сплоченности аргентинцев проявляется в общности их языка, обычаев, традиционно-бытовой культуры, в единстве национального самосознания и специфических черт национальной психологии, отражающих их общий исторический опыт.

У каждого из латиноамериканских народов свое происхождение и своя история. Изучение того и другого позволяет лучше понять культуру и современные национальные процессы в этих странах. Аргентинский этнос имеет свой отчетливо выраженный характер. Отдельные черты его сравнительно хорошо изучены (язык, пародная музыка, основные жанры поэтического фольклора, некоторые бытовые традиции). Тем не менее многое в аргентинской культуре остается еще неясным, в том числе из-за слабой изученности этнической истории аргентинцев.

Главная задача настоящей книги — выявление специфики сложения аргентинского этноса. Для этого необходимо было выделить основные этапы его формирования и показать качественные особенности каждого из них³.

Концепция формирования и развития аргентинского этноса, предложенная в книге, основывается на общих методологических разработках советских этнографов и учитывает конкретные исследования по этническим процессам в других странах, в первую очередь Латинской Америки.

Формирование этнических общностей в указанном регионе определяли универсальные, общенсторические закономерности. В то же время в этом процессе проявились особенности, присущие только Латинской Америке как совокупности стран, обладающих особым историческим опытом и представляющих собой своеобразный культурный ареал в современном мире. Реальная основа типологического единства большинства государств Центральной и Южной Америки была заложена в период, когда обширные территории, хотя и расчлененные административными

границами, на протяжении трех веков входили в колониальную империю Испании.

В случае Аргентины мы имеем дело с весьма специфичным, во многом отличным от европейской (а отчасти и латиноамериканской) модели процессом формирования этноса в условиях смешения различных рас и народов, усложненным переселенческим фактором. В этом регионе, например, непосредственное воздействие индейцев или негров на этнокультурные процессы было более слабым, чем в ряде других стран Латинской Америки. В формировании аргентинского этноса основную роль сыграли сложившиеся в колониальный период группы населения — главным образом креолы и гаучо. Европейская иммиграция XIX — начала XX в. так или иначе дала себя знать почти повсюду в Латинской Америке. Особое же значение иммиграции в развитии аргентинского этноса объясняется прежде всего ее огромными размерами (Аргентина в этом отношении не имела себе равных среди стран региона), а также присущими именно аргентинской иммиграции чертами и степенью достигнутой к тому времени этносоциальной консолидации самих аргентинцев.

Отличительные черты формирования аргентинской нации тесно связаны с особенностями развития капитализма, основой которого здесь с самого начала стало латифундистско-скотоводческое, торгово-экспортное хозяйство. В то же время на стадии сложения наций проявился общий для латиноамериканских республик периферийный характер капитализма, ориентированного на внешний рынок, укрепивший их типологическое сходство. Во многих из них национальное ядро географически тяготело к побережью (косте), в то время как во внутренних, мало освоенных областях («интериоре») сохранялась этническая структура донационального периода. Существование подобных этносоциальных различий внутри одного государства и в настоящее время характерно для многих стран региона.

Этническая история аргентинцев исследуется в настоящей работе на сравнительно большом хронологическом отрезке: середины XVI в. (время вторжения испанцев в район Рио-де-ла-Платы) — 70-е годы XX в. В той мере, в какой позволял имеющийся в нашем распоряжении материал, уделялось внимание анализу наиболее важных моментов и аспектов формирования аргентинского этноса.

Несмотря на то что история и культура Аргентины изучаются в нашей стране уже многие годы, о самих аргентинцах, их этногенезе и истоках национальной культуры известно немного. При этом нередко высказываются ошибочные, с нашей точки зрения, утверждения. Так, в вопросе о сущности национальной культуры аргентинцев часто переоценивается роль европейской иммиграции и в то же время недооценивается вся предшествующая этническая история народа.

В аргентинской историографии, как правило, понятие нации отождествляется с понятием государства. Соответственно, за точку

отсчета истории аргентинской нации берется день провозглашения независимости и таким образом исключается весь колониальный период. А между тем для Аргентины, как и для большинства латиноамериканских республик, он имел особое значение в формировании будущей нации: именно в колониальный период уходит своими корнями современный аргентинский этнос и там прежде всего следует искать истоки его самобытности. Без учета этого периода и последующих десятилетий образования единого государства нельзя понять ни сущности креольской культуры, ни характера межэтнических отношений эпохи массовой иммиграции.

Следует обратить внимание на одну из особенностей этногенеза аргентинцев, по существу выпавшую из поля зрения ученых. Дело в том, что, как и в других испанских колониях Америки, особую роль в формировании населения и в этнокультурных процессах на Рио-де-ла-Плате сыграла метисация³. По словам мексиканского исследователя Л. Сеа, «в Латинской Америке произошла самая выдающаяся в планетарном масштабе метисация населения. Кровь и культура коренного населения стала огромным тиглем для крови и культуры народов нашей Америки»⁴. Аргентина не явилась в данном случае исключением. Следует подчеркнуть, что завоевание страны шло не из Испании, а из ранее созданных ею южноамериканских колоний, и большинство его участников уже были метисами. В той или иной степени метисированными по своему происхождению являлись новые группы населения, сложившиеся на территории Аргентины, — креолы, метисы-земледельцы северо-западных провинций и скотоводы-гаучо пампы. Не случайно именно в Аргентине еще в XIX в. крупный писатель и общественный деятель Доминго Фаустино Сармьенто разработал применительно к своей родине концепцию «цивилизация — варварство». Болезненно воспринимая культурную отсталость Аргентины, Сармьенто осудил метисацию, ставшую, по его мнению, основным препятствием на пути развития страны. Он первым призвал к «оздоровлению» аргентинской нации путем «замены» ее метисного населения европейцами.

С конца XIX в. эта расистская по существу идеология стала орудием государственной политики Аргентины. Наряду с конкретными мерами по привлечению иммигрантов, уничтожением индейцев и дискриминацией «цветного» населения правящими кругами сознательно создавался миф об исчезновении в Аргентине индейцев и негров, об исключительной расовой однородности населения. Со школьной скамьи детям прививалось чувство особой гордости от сознания принадлежности к «бланкитуд», т. е. к «сообществу белых». В стране усиленно насаждался новый стереотип аргентинца с европейским обликом, европейскими заплатами и манерами и, напротив, безжалостно развенчивался прежний национальный герой (а теперь «бродяга» и «злодей») — гаучо.

Действительность должна была рано или поздно опровергнуть этот миф, как бы прочно он ни утвердился в сознании многих аргентинцев. Иммиграция европейцев на самом деле произвела глубокие изменения в социальной и этнической структуре населения страны, в большой степени сосредоточенного в столице и ее пригородах. Но ставить знак равенства между Аргентиной и Буэнос-Айресом все же нельзя. Там, где иммиграция была незначительной, особенно в северо-западных провинциях — наиболее старом районе освоения страны, аргентинское население с большой долей индейской и негритянской крови сохраняло прежний физический тип и исконные традиции своих предков. С 30—40-х годов XX в. в связи с развитием промышленности в Буэнос-Айресе и полным прекращением иммиграции из-за начавшей второй мировой войны большое число жителей отсталых северо-западных провинций стали переезжать в столицу, изменяя облик Буэнос-Айреса, подобно заокеанским иммигрантам начала века. Проблема так называемых «черноголовых» (*cabecitas negras*) — кличка иммигрантов из глубинных районов, получившая социальный оттенок, — существует в Аргентине по сей день⁵. Само ее возникновение подтверждает необходимость серьезного внимания к колониальному периоду, к процессу метисации и характеру региональных различий в складывании мультиэтнической общности.

Европейская иммиграция вписала особую главу в этническую историю страны. С началом ее, т. е. с последней трети XIX в., национальное развитие Аргентины пошло по пути, отличному от большинства других латиноамериканских республик, где этническая консолидация продолжалась на базе внутренних этнических ресурсов. Однако собственно этнические процессы периода массовой иммиграции в Аргентине широко не изучались. Только в последнее время стали проводиться серьезные этносоциологические исследования современных иммигрантских групп с целью выявления особенностей их ассимиляции.

В задачу настоящей книги входило не столько изучение механизма взаимодействия разных национальных групп с принимающим обществом, сколько определение того влияния, которое иммиграция в целом оказала на уже сложившийся аргентинский этнос.

Недостаточная изученность конкретных черт креольской культуры и их эволюции под воздействием культуры европейских иммигрантов в отдельных случаях затрудняла нашу аргументацию. Все же в той мере, в какой это было возможно, мы останавливали внимание на изменениях отдельных элементов культуры, прежде всего духовной, которые несут на себе этническую специфику, — языке, самосознании, фольклоре.

Основным источником для написания книги послужили публикации документов колониальной эпохи и периода образования государства, статистические материалы, мемуарная литература, а также неопубликованные документы, обнаруженные нами в

Центральном государственном историческом архиве СССР. Эти документы касаются главным образом эмиграции из России в Аргентину, но содержат также сведения более широкого характера — об условиях жизни и судьбах важнейших переселенческих групп в Аргентине.

Необходимость привлечения большого количества источников и литературы (помимо исторических и этнографических работ, были использованы также труды экономистов, социологов, географов, филологов, лингвистов) связана с характером самого исследования, которое включает множество аспектов.

Изучение важнейших этапов сложения и эволюции аргентинского этноса находится по существу на начальном этапе, поэтому мы не можем претендовать на исчерпывающее освещение темы. Многие вопросы, поднятые в книге, пугдаются еще в специальной разработке. Надеемся все же, что настоящая книга поможет восполнить существенный пробел в изучении этнической истории Аргентины.

* *
*

В аргентинской историографии собственно этнические процессы остаются пока в тени в сравнении с тем вниманием, которое уделяется социально-экономическим проблемам и политической истории страны. Наглядное подтверждение этому — недавно опубликованная Центром социальных исследований при Институте Торкуато ди Телья в Буэнос-Айресе «Библиография работ по народонаселению Аргентины»⁶. Из более чем ста названий по различным вопросам демографии, территориального размещения населения, социально-политических и экономических изменений и т. д. только одно касается этнорасовых отношений в Аргентине колониального периода.

В работах зарубежных ученых, в том числе аргентинских этнографов, вообще не принято ставить вопрос об этносе в том виде, как это делается в советской этнографии. Поэтому в настоящем историографическом очерке трудно говорить о выделении и тем более о критическом разборе каких-либо сложившихся направлений в изучении аргентинского этноса.

В то же время в общен исторических, публицистических, социологических работах по Аргентине нередко встречаются рассуждения о сущности аргентинской нации и национальной жизни в целом. В такого рода литературе отсутствуют научные критерии понятий «нация», «национальная культура» и т. п. И все же можно выявить основные тенденции в подходе к национальной истории. Представители одной из них связывают национальную самобытность с испано-креольской или даже с индейской традицией и с противоборством европейскому влиянию. Представители другой, напротив, видят главный фактор формирования аргентинской нации в «европеизации» Аргентины, отталкиваясь при этом от известной схемы Сармьенто «цивилизация — варварство».

Так называемые «националисты», к одним из ярких представителей которых можно отнести Хоакина Гонсалеса, сводят все культурное наследие прошлого страны к испанской основе. Они исключают иммиграционный вклад и сознательно игнорируют наличие индейского пласта в основании новой культурной общности колониального периода.

Марксистская интерпретация этноисторического развития Аргентины позволяет вскрыть односторонность и необоснованность каждой из упомянутых точек зрения, отражающих борьбу направлений в буржуазной идеологии страны.

Что касается наиболее важных общенсторических работ по Аргентине, в которых затронуты и интересующие нас проблемы, то оценка им была уже дана в советской историографической науке⁷.

В настоящем обзоре мы остановимся в основном на двух группах исследований, стоящих ближе всего к изучаемой теме и не павших еще отражения в отечественной историографии: 1) касающихся сложения населения на территории колоний Рио-де-ла-Платы и 2) относящихся к проблеме иммиграции.

К первой группе принадлежат прежде всего труды аргентинского историка и лингвиста Анхеля Росенблата. В 1945 г. он опубликовал монографию «Индийское население Америки с 1492 г. до настоящего времени»⁸. В расширенном переиздании этой книги (1954) второй том получил подзаголовок «Метисация и социальные касты»⁹. Основой исследования А. Росенблата послужило изучение демографической эволюции во всех странах Латинской Америки. Оценки ученого опираются на тщательный анализ и сопоставление разнородного материала и, несмотря на обнаружившуюся впоследствии необходимость внесения тех или иных поправок, до сих пор пользуются доверием специалистов. Книги Росенблата, написанные с либеральных позиций, представляют интерес не только в отношении подсчетов численности индейцев: они также проливают свет на характер этнорасовых взаимоотношений. Исследователь отдал должное значению расового смешения в росте населения американских колоний Испании, в том числе колоний Рио-де-ла-Платы, и, что особенно ценно, показал значение другого аспекта метисации — ее роль в качестве нивелирующего механизма, ведущего к размыванию социальных «каст», созданию которых с самого начала способствовала политика метрополии. Росенблата упрекали в том, что, хотя от него не ускользнула разница между биологической метисацией и культурной, ему не удалось в должной мере соблюсти здесь необходимую дистанцию¹⁰. Упрек, не совсем справедливый, хотя и не случайный, так как он отражает возникшее расхождение в пользовании общепринятыми терминами «метис», «метисация». Дело в том, что антропологическое понятие «метис» на определенном этапе испанской колонизации обрело новый смысл. Биологическое и культурное в нем как бы слились воедино. Когда Росенблат писал, что среди участников первых экспеди-

ций, прибывших на Рио-де-ла-Плату из Асунсьона, Чили и Перу, было много метисов¹¹, то он имел в виду группу населения, противопоставлявшуюся испанцам не только в расовом, но также в социальном и культурном планах.

В аргентинской историографии лишь недавно произошел поворот в сторону более научного подхода к проблемам расовых и культурных взаимоотношений. В 60-е годы XX в. вышло несколько подобного рода работ, в которых привлечен обширный документальный материал, в том числе ранее неизвестный, по интересующим нас вопросам. К достоинствам этих трудов относится, кроме того, региональный подход, позволяющий показать масштабы и специфику метисации в разных районах Рио-де-ла-Платы. Так, новаторский характер, безусловно, имеет исследование одного из ведущих аргентинских историков-экономистов Рикардо Сорракина Беку «Мобильность индейцев и метисация в колониальной Аргентине»¹², вышедшее в 1967 г. в западногерманском историческом ежегоднике. Используя архивные источники, автор показал региональные особенности метисации населения в их тесной связи с развитием хозяйственных отношений на территории бывшего вице-королевства. Плодотворной оказалась попытка выявить роль экономики, в частности хозяйственного обмена, в массовом передвижении населения и в смешении ранее обособленных групп. Сорракин Беку справедливо отметил сложность статистического анализа метисации и необходимость критического отношения к данным XVIII в., искажающим реальное соотношение этнорасовых групп.

На год раньше указанного исследования Сорракина Беку в Аргентине вышла монография Э. Эндрекса «Метисация в Кордове. XVIII — начало XIX в.»¹³. В этом исследовании выявляются особенности позднего этапа метисации в районе Кордовы, тяготеющем к Буэнос-Айресу, когда белые перестали быть одним из основных компонентов расового смешения. Оно продолжалось в основном среди индейцев, метисов, негров и мулатов. Тогда же четче обозначилась социальная иерархия внутри населения вице-королевства, основанная на принципе «чистоты крови» и выталкивании на нижние ступени социальной лестницы лиц смешанного расового происхождения. Эндрекс показал, что метисация в Аргентине выходила за рамки только расового процесса: по словам ученого, она способствовала возникновению нового этнического компонента «населения, которое, сохраняя расовые различия, шло по пути формирования общности, единой по своим интересам, обычаям и по своему положению в обществе»¹⁴. Вместе с тем книга Эндрекса повторяет многие традиционные оценки своих предшественников. Разделяя консервативные взгляды известного испанского правоведа и историка XVII в. Хуана Солорсано-и-Перейры, Эндрекс связывает маргинализацию метисов со значительно усилившимся в XVIII в. участием негритянского компонента в процессе метисации. Однако более убедительно звучит последующее утверждение о том, что главная причина

дискриминации метисов крылась не столько в самих расовых предрассудках, сколько в боязни креолов потерять свои привилегии.

К проблеме метисации непосредственное отношение имеет деятельность католической церкви — главной законодательницы норм морали в жизни колоний. Формально церковь не осуждала и не поощряла смешение рас, но на практике, как верно отметил Эндрек, объявляя незаконными все внебрачные связи (а таковыми было большинство межрасовых союзов), церковь закрепляла социальное неравенство метисов.

Одна из самых важных глав книги Эндрека — «Социальная иерархия» — посвящена взаимосвязи метисации и кастовой организации колониального общества. Ссылаясь на источники, автор приводит убедительные факты о нарастании ограничительных мер в отношении «цветных» каст, об ужесточении расового законодательства. Однако общие рассуждения ученого подчас противоречивы, а иногда и просто наивны. Например, относительно менее тяжелой участи негров рабов в Кордове по сравнению с их положением в других частях вице-королевства Эндрек объясняет особым «милосердием» здешних хозяев¹⁵. Идеализация им общества Кордовы (*la sociedad cordobesa*) вылилась также в выводе о том, что рабы получили освобождение исключительно благодаря своему трудолюбию¹⁶.

Много новых фактов содержится в разделе о бродяжничестве — характерном, хотя и не специфически латиноамериканском, явлении, просуществовавшем на Рио-де-ла-Плате вплоть до конца XIX в. Сам Эндрек видит в бродяжничестве лишь социальное зло, хотя вернее было бы назвать социальным злом ту отсталую систему землевладения и землепользования в пампе, которая «высвобождала» и обрекала на бродяжничество множество пеонов и гаучо. Бродяжничество как источник «разложения нравов, распространения азартных игр и преступности» действительно осуждалось и преследовалось в стране законом. Но важно отметить, что в культурно-этнической сфере оборотной стороной бродяжничества были определенное ослабление региональной замкнутости населения и стирание некоторых культурных различий в пользу единого рио-платского образца народной, в особенности простонародной культуры.

К тому же типу работ, вводящих в научный оборот богатый архивный материал, относится вышедшая в Буэнос-Айресе в 1969 г. книга Хорхе Комадрана Руиса «Демографическое развитие Аргентины в колониальный период»¹⁷. Это исследование целиком построено на данных статистики и может служить своего рода источником при изучении многих вопросов народонаселения Аргентины. Его автору удалось показать динамику роста различных в этнорасовом отношении групп населения в наиболее крупных городах и провинциях. При этом выдвигавшиеся ранее в литературе общие положения о региональных особенностях формирования населения колонии получили в книге необ-

ходимую конкретизацию. Эта задача, по признанию самого автора, была одной из основных целей исследования.

К слабым сторонам книги можно отнести использование автором статистических данных без достаточной их предварительной обработки. В результате многие таблицы или сводки статистических данных оказываются несопоставимыми из-за разнохарактерности выделяемых граф. Социальные сведения очень ограничены. Осталось нераскрытым этническое содержание понятия «метисы» в случаях, когда они выделялись официальной статистикой. Неясно, включены ли в эту категорию гаучо — своеобразная этносоциальная прослойка населения Аргентины.

Несмотря на то что литература о гаучо, не говоря уже о художественной, насчитывает не один десяток названий, до сих пор специальных научных исследований историко-этнографического характера, посвященных гаучо, нет. В этих условиях приходится анализировать разбросанный в большом числе книг и статей (они указаны в библиографии) фактический материал, чтобы выявить их роль в собственно этнической истории Аргентины.

Гаучо принадлежит особое место в формировании национального самосознания и культуры. Они не были одним лишь символом аргентинского патриотизма, к которому прибегают в поисках идеала национальной самобытности. Это вполне реальная часть населения страны, сыгравшая роль одного из основных компонентов этноса. Важностью данной проблемы объясняется то немалое место, которое уделено ей в нашей работе.

В 1977 г. вышла книга В. Б. Земскова «Аргентинская поэзия гаучо»¹⁸. В ней дан анализ исторической эпохи формирования молодой аргентинской нации, ставшей одновременно эпохой развития новых этнокультурных традиций. В разделе об историко-культурных условиях и предпосылках появления поэзии гаучо автор указал существенную особенность процесса возникновения самого слоя свободного пастушеского крестьянства — гаучо. Прежде чем прибыть в пампу, часть из них прошла через города Испании, Парагвая, Перу, Чили, да и самой Ла-Платы. Будучи по характеру сельской или крестьянской, культура гаучо поэтому несла и элементы городской культуры, что очень ярко отразилось в формах фольклора гаучо, но, видимо, им не ограничивалось. Для нашей темы не менее важны также теоретические разделы книги о диалектической связи генезиса литературного течения и литературно-общественной мысли с изменением самого общества, его этносоциальной и политической структуры.

Массовая европейская иммиграция, лавиной обрушившаяся на Аргентину с конца 60-х годов прошлого века с установлением на Ла-Плате относительного политического спокойствия, произвела изменения во всех сферах общественной жизни. Однако быстрее всего вызванные ею изменения проявились в экономическом развитии страны. С данным обстоятельством связано то основное направление в изучении иммиграции, которое с самого

начала сложилось в аргентинской историографии. И в дальнейшем, по мере все более усиливавшегося интереса к проблемам иммиграции это направление сохраняло свой приоритет. Некоторые работы, посвященные социально-экономическому аспекту иммиграции, носили в основном описательный характер. Их главной целью были практические рекомендации, по взгляду на иммиграцию с позиций господствующих слоев общества ограничивал ценность содержащихся в них общих оценок и выводов.

Пионером изучения истории иммиграции в Аргентину можно считать Хуана Альсину. Его книги «Европейская иммиграция в Аргентине» (1898) и «Иммиграция в первое столетие независимости» (1910) получили большую известность и положили начало национальной историографии иммиграции.

Альсину интересовали в основном вопросы, связанные с иммиграционной политикой и соответствием ее национальным интересам. Долгие годы он возглавлял Департамент иммиграции, и неудивительно, что в своих выводах Альсина руководствовался прежде всего практическими соображениями.

Большое значение в своей основной работе об аргентинской иммиграции¹⁰ Альсина придавал успешной ассимиляции иммигрантов как важного условия культурного и социально-политического развития нации. Им впервые был поставлен вопрос о социальных условиях Аргентины с точки зрения их содействия или препятствования ассимиляции европейцев и их детей. Не располагая в то время достаточным документальным материалом, Альсина строил свои рассуждения довольно умозрительно, что сказалось на их субъективности и недостаточной обоснованности. Так, из всех факторов, способствующих ассимиляции, он отдавал неоправданное предпочтение натурализации иммигрантов, т. е. приобретению ими аргентинского гражданства (вместе с правом голоса). В то же время Альсина умалял значение смешанных браков, ошибочно полагая, что «в связях, где мужчина — иностранец, а женщина — аргентинка (каких было большинство), не происходила натурализация мужчины, а, напротив, он оставался со своими прежними представлениями иностранца, прививая их своей жене; не он ассимилировался ею, а она (им)»²⁰. В то же время Альсина верно подметил, что «щедрый приманки гуманизма недостаточны для ассимиляции иммигранта»²¹, поэтому он призывал правительственные органы содействовать быстрейшему включению европейцев в национальную жизнь. Однако, выступая за предоставление широких прав иммигрантам разных национальностей и вероисповеданий с буржуазно-демократических позиций, Альсина по существу разделял заимствованную из Европы концепцию превосходства одних народов над другими и оправдывал прикрывавшуюся интересами ассимиляции государственную политику отбора иммигрантов по национальности.

В работах аргентинских историков, подводивших первые итоги периоду массовой иммиграции, роль ее в национальном раз-

витии Аргентины рассматривалась прежде всего с точки зрения земледельческой колонизации страны. Типичной для того времени можно назвать книгу Т. Дампана «Иммиграция и аграрная проблема в Аргентине»²². Автор ее не скрывает своей приверженности экономической школе Уэпли, Джеймса, Брайса и других ученых, уделявших большое внимание экономическому стороне иммиграции и рассматривавших иммиграцию в национальном и международном плане как результат чисто экономических процессов, происходящих в капиталистическом мире.

В начале XX в. с проникновением германского капитала в Аргентину было связано всестороннее изучение этой страны в Германии. На немецком языке выходят статьи и монографии по Аргентине с описанием ее природных особенностей, исторического и хозяйственного развития, общей характеристикой населения²³. Как правило, в этих работах содержатся сведения об иммиграции, главным образом о немецкой, значение которой для Аргентины, однако, преувеличивалось. Особое место среди такого рода литературы и по своему объему, и по широкому охвату темы занимает исследование Георга Хиллера «Иммиграция и колонизация в Аргентине»²⁴. Для его написания привлечена официальная аргентинская иммиграционная статистика, позволявшая показать динамику иммиграционного движения с 1857 по 1910 г. и, насколько это было возможно, — национальную структуру аргентинской иммиграции. Специальный раздел посвящен анализу иммиграционной политики Аргентины, критическому разбору важнейших иммиграционных декретов, механизма вербовки иммигрантов в Европе и деятельности агентов по устройству иммигрантов внутри страны. В исследовании Хиллера дана сравнительная характеристика основных иммигрантских групп, правда, этот раздел менее всего подкреплен документально и носит скорее беллетристический, чем научный характер. В целом книга Хиллера до сих пор не утратила своей ценности.

К наиболее известным работам по аргентинской иммиграции начала XX в. относятся научные труды Энрике Дикмана, одного из лидеров основанной в 1886 г. социалистической партии Аргентины. Будучи выходцем из иммигрантской среды и активным участником рабочего движения, Энрике Дикман по-новому осветил связь иммиграции и колонизации. В монографии «Население и иммиграция»²⁵, автор опирается на положения главы о «Новейшей теории колонизации» «Капитала» Маркса. Э. Дикман разоблачает истинные цели капиталистической колонизации в Аргентине, которые состояли в создании многочисленного неимущего сельскохозяйственного пролетариата и в ограничении доступа крестьян к земле систематическим и искусственным увеличением цен на нее. Дикман впервые ясно показал, что аграрная политика местной олигархии и латифундии сдерживают иммиграцию и отрицательно влияют на судьбы иммигрантов в Аргентине, а в конечном счете — на дальнейший политический и социальный прогресс в стране. Дикмана интересовали также измене-

ния в аграрных отношениях, вызванные иммиграцией. В этой связи он обращает внимание на ухудшение положения аргентинских неопов (*los peones criollos*), «вытесняемых либо иностранной техникой, либо иностранным специалистом»²⁶. И здесь Дикман видит только один выход: сделать их самостоятельными производителями, свободными крестьянами, вернуть им землю, которая у них отнята. В целом для работ Дикмана характерна та социально-политическая заостренность, которая наиболее последовательно проявилась в дальнейшем в трудах аргентинских исследователей-марксистов.

Во время первой мировой войны иммиграция в Аргентину сократилась, упав ниже уровня эмиграции. Европа лишилась многих тысяч людей и пуждалась в рабочих руках. После мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. интерес к проблемам иммиграции затухает, вновь оживившись только перед второй мировой войной. В единственной монографии об иммиграции в Аргентине, вышедшей в тот период²⁷, как и в книгах начала века, она рассматривается в свете проблемы «колонизация и население». Автор книги Фернандо Артуро Бидабере придает большое значение экономической политике иммиграции и колонизации, а точнее — аграрной политике правительства. Программа положительных социально-экономических преобразований, предложенная Бидабере, явно утопична для условий Аргентины, но ей предшествует в книге критический анализ экономического положения и иммиграционной политики страны с 1857 по 1939 г., который представляет интерес и для нашей темы.

Односторонний подход к изучению проблем иммиграции (преимущественно в связи с аграрной колонизацией) сохранялся вплоть до 60-х годов XX в. По-видимому, последнюю дань этой традиции отдал Гастон Гори, выпустивший в 1964 г. книгу «Иммиграция и колонизация в Аргентине»²⁸. Ничего существенно нового в изучение истории земледельческой колонизации автор не внес. Все же более подробно, чем прежде, в его книге рассмотрены условия создания первых земледельческих колоний в провинциях Санта-Фе и Энтре-Риос, многие из которых были однородными по национальному составу. В таких колониях иностранцы имели возможность сохранять свои традиции, верования, язык, обычаи, отличные от аргентинских и тем самым препятствовавшие смешению их культуры с элементами национальной культуры (*los elementos nativos*). Но, как признает сам автор, этот тип колоний не был в дальнейшем характерен для Аргентины. Поздние переселенцы периода массовой иммиграции, подчеркивает Гастон Гори, отличались от первых тем, что не могли стать собственниками земли, а превращались в арендаторов или неонов²⁹.

В 60-е годы в историографии аргентинской иммиграции утверждаются тенденции, зародившиеся еще в работах крупного аргентинского демографа директора Национального статистического управления Алехандро Бунхе. В статье, опубликованной

в 1928 г.³⁰, А. Бунхе дал анализ изменений контингента иммигрантов за период с 1857 по 1926 г., в котором впервые наряду с национальным учитывался и профессиональный состав иммигрантов. В 1964 г. вышла книга Роберто Кортеса Конде о связи иммиграции с возникновением промышленности в Аргентине³¹. Этот аспект иммиграции затрагивался автором и в более ранних работах³². В своих статьях и книгах 60-х годов Кортес Конде опирается на материал общенациональных переписей. Он сравнивает участие в промышленности аргентинцев и иммигрантов, выделяя среди тех и других собственников предприятий и занятых на них рабочих, что очень существенно для более полной оценки роли иммигрантов в процессе индустриализации страны и в создании национальной буржуазии.

С конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. изучение иммиграции поднимается на еще более высокую ступень. Немалая заслуга в этом принадлежит созданному в Буэнос-Айресе Научному центру — Институту Торкуато ди Телья, положившему начало широким социологическим, в том числе историко-социологическим, исследованиям, сочетающим количественный метод анализа социальных процессов с построением общих концепций. По существу сложилось новое направление в изучении социальных изменений, которое характеризуется дифференцированным подходом к характеристике населения, в частности выделением социальных классов, или страт, как среди уроженцев страны (*los nativos*), так и среди иммигрантов (*los extranjeros*). Благодаря высокому профессиональному уровню работы Института Торкуато ди Телья завоевали авторитет в Аргентине и за рубежом. Прежде всего это относится к трудам таких представителей школы социологической, как Джинио Джермани, Альфредо и Зульма Речини де Латтес, много и плодотворно работающих в области изучения миграционных движений и их влияния на эволюцию социальной структуры Аргентины³³. Однако сходные положения и выводы исследований требуют критического подхода. Так, Дж. Джермани дает очень неопределенную схему социальной стратификации аргентинского общества колониального периода³⁴. Из-за отсутствия строго научных критериев выделения тех или иных социальных групп в схеме Дж. Джермани в одной страте оказываются, например, и свободные, и находящиеся в услужении, и рабы. Основным определяющим признаком страт в этой и других схемах Джермани является уровень дохода. В данном случае аргентинские социологи повторяют одну из методологических ошибок североамериканцев, вскрытую советскими исследователями. В частности, И. А. Бадалян писал, что буржуазные ученые игнорируют объективную основу социально-классовой структуры общества, а выделяемые ими страты характеризуются «не по их отношению к средствам производства, а по ряду «вторичных» признаков, общих всем входящим в страту индивидам. Поэтому классовое общество ...изображается в качест-

ве механического сочленения различных страт»³⁵. Отсюда некоторая произвольность и противоречивость выводов.

Важным аспектом исследования иммиграции в последние годы стало обращение к истории урбанизации Аргентины. Наибольший вклад в изучение аргентинской иммиграции под этим новым углом зрения принадлежит североамериканским историкам³⁶. Примечательно, что если в самих Соединенных Штатах эта проблема (иммиграция — урбанизация) рассматривается в двух аспектах — в связи с историей американских городов и в связи с историей рабочего класса, — то в аргентинской литературе преимущественное внимание уделяется лишь одному из них — влиянию иммиграции на рост рабочего класса и возникновение рабочего движения в Аргентине и во всей Латинской Америке. В отличие от США, где капитализм стремительно развивался не только вглубь, но и вширь и крупные промышленные города возникали на периферии, в Латинской Америке конца XIX — начала XX в. росли в основном столичные города, к тому же по преимуществу они выполняли роль центров банковской деятельности, а также внутренней и внешней торговли³⁷. В Аргентине наиболее быстрыми темпами благодаря иммиграции рос Буэнос-Айрес. Здесь раньше, чем в других латиноамериканских странах, сформировался рабочий класс, и не случайно, что в специальных социологических работах связь иммиграции и урбанизации в Аргентине прослеживается на примере Буэнос-Айреса.

Из общих работ по иммиграции, вышедших в 70-е годы XX в., отметим книгу прогрессивного аргентинского историка Хосе Панетьерри «Иммиграция в Аргентину»³⁸. Характерно, что Х. Панетьерри до этого был известен в основном как автор трудов по экономической истории Аргентины, в том числе по истории рабочего класса. Особенно интересен раздел, посвященный характеристике периода после второй мировой войны. Именно с этого времени существенно изменился этнический состав иммиграции. Значительное место в нем заняли выходцы из соседних с Аргентиной стран, постепенно полностью заменившие европейских иммигрантов. В связи с этим, как справедливо отмечает Х. Панетьерри, Аргентина вступила в новую фазу своего социального и этнического развития.

Изучению истории массовой европейской иммиграции отведено большое место в исследовании французского социолога Г. Бурде «Урбанизация и иммиграция в Латинской Америке», опубликованном в Париже в 1974 г.³⁹ Особый интерес представляют разделы книги об отдельных иммиграционных группах, их роли в социально-экономических и демографических процессах.

Те или иные аспекты иммиграционной проблемы затронуты также в общих работах по истории, социологии, философии и культуре Аргентины. В них нередко поднимаются наиболее близкие к нашей теме вопросы о месте европейской иммиграции в становлении национального самосознания, о направлении асси-

миллионных процессов, об историко-культурном своеобразии аргентинцев. Наиболее ценной для нас и по проблематике, и по методологии является книга аргентинского историка-марксиста, члена ЦК Коммунистической партии Аргентины Эктора Агости «Нация и культура», вышедшая в Буэнос-Айресе в 1959 г. и переведенная в 1963 г. на русский язык. Это исследование написано с марксистско-ленинских позиций и отличается глубоким освещением ряда важнейших вопросов формирования нации и национальной культуры, а также некоторых аспектов идеологической борьбы и национально-освободительного движения в Латинской Америке. Диалектический подход к определению сущности современной аргентинской нации и того места, которое заняла в ней иммиграция, позволил Э. Агости по-новому раскрыть сложность формирования национальной культуры, национальной психологии и всего того, что автор называет национальным характером. Э. Агости показал в своей книге непосредственную связь культурных проблем буржуазной нации с борьбой классов. Книга состоит из пяти относительно самостоятельных очерков, каждый из которых написан в полемическом духе и затрагивает общетеоретические вопросы. Прочная методологическая основа и хорошее знание конкретики придают убедительность позиции автора. Важно подчеркнуть, что, высоко оценивая значение иммиграции для национального развития Аргентины, Э. Агости вместе с тем убежден, что «аргентинская нация является продуктом XIX в.»⁴⁰, т. е. в основных чертах она сложилась без участия массовой европейской иммиграции.

Автор сформулировал суть взаимодействия национальной «креольской» культуры с иммигрантскими, которая состояла, по его мнению, в растворении иммигрантов в принимающем обществе с одновременной модификацией национальной культуры, обогащавшейся новыми чертами, заимствованными у иммигрантов.

Справедливо отвергая обе концепции аргентинской культуры — «националистическую» и «космополитическую», — Агости ближе всех подошел к истине, показав реальную роль «креольского» наследия и культурного вклада иммигрантов в формировании современной национальной культуры.

¹ См. дискуссию об историко-культурной самобытности Латинской Америки. — Лат. Америка, 1981, № 2, с. 77—78.

² См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; Он же. Современные проблемы этнографии. М., 1981; Он же. Очерки теории этноса. М., 1983; Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. В этих работах содержится обширная библиография вопроса.

³ См.: Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974 и др.

⁴ Лат. Америка, 1981, № 2, с. 79.

⁵ Ratier H. El cabecita negra. Buenos Aires, 1976.

⁶ Müller M. S. Bibliografía para el estudio de la población de la Argentina. — Desarrollo económico, Buenos Aires, 1973, v. 12, N 48.

⁷ Такого рода анализ содержится в кн.: Очерки истории Аргентины. М., 1961; Штрахов А. И. Война за независимость Аргентины. М., 1976.

- ⁸ *Rösenblat A.* La población indígena de América desde 1942 hasta la actualidad. Buenos Aires, 1945.
- ⁹ *Rösenblat A.* La población indígena y el mestizaje en la historia de Ibero-América. Buenos Aires, 1954, v. I—II.
- ¹⁰ El mestizaje en la historia de Ibero-América. México, 1961, p. 12.
- ¹¹ *Rösenblat J.* La población..., v. II, p. 127.
- ¹² *Zorraquín Becú R.* La movilidad indígena y el mestizaje en la Argentina colonial.— In: *Jahrbuch für Geschichte vor Stadt, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas.* Köln, 1967, Bd. 4.
- ¹³ *Endrek E.* El mestizaje en Córdoba. Siglo XVIII y principios del XIX. Córdoba, 1966.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 7.
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 25.
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 26.
- ¹⁷ *Comadrán Ruiz J.* Evolución demográfica Argentina durante el período hispano (1535—1810). Buenos Aires, 1969.
- ¹⁸ *Земсков В. Б.* Аргентинская поэзия гаучо. М., 1977.
- ¹⁹ *Alsina J.* La inmigración en el primer siglo de la Independencia. Buenos Aires, 1910.
- ²⁰ *Ibid.*, p. 200.
- ²¹ *Ibid.*, p. 184.
- ²² *Damián T.* El problema del inmigrante y el problema agrario en la Argentina. Buenos Aires, 1912.
- ²³ *Schmidt W., Grotewold Ch.* Argentinien. Hannover, 1912; *Regel F.* Argentinien. Frankfurt a. M., 1914; *Wolf J.* Die Einwanderungspolitik in Argentinien im Jahre 1907.— In: *Süd- und Mittelamerika.* Berlin, 1908.
- ²⁴ *Hiller G. Dr.* Einwanderung und Kolonization in Argentinien. Berlin, 1912.
- ²⁵ *Dickmann E.* Población e inmigración. Buenos Aires, 1946.
- ²⁶ *Ibid.*, p. 95.
- ²⁷ *Bidabehre F. A.* El problema inmigratorio (sus características en la República Argentina). Buenos Aires, 1940.
- ²⁸ *Gori G.* Inmigración y colonización en la Argentina. Buenos Aires, 1964.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 75.
- ³⁰ *Bunge A. E.* Setenta años de inmigración.— *Revista de economía argentina*, Buenos Aires, 1928, año 10, v. XX, N 120.
- ³¹ *Cortés Conde R.* Movimiento inmigratorio y surgimiento de industrias en Argentina (1870—1914). Buenos Aires, 1964.
- ³² *Cortés Conde R.* Problemas del crecimiento industrial de la Argentina.— *Desarrollo económico*, 1963, v. 3, N 1—2; *Idem.* La formación de la Argentina moderna. Buenos Aires, 1963.
- ³³ *Germani G.* La estratificación social y su evolución histórica en Argentina.— In: *Argentina conflictiva.* Buenos Aires, 1972; *Lattes A.* Las migraciones en la Argentina entre mediados del siglo XIX y 1960; *Lattes Z.* El proceso de urbanización en la Argentina.— *Desarrollo económico*, 1973, v. 12, N 48.
- ³⁴ *Germani G.* La estratificación..., p. 95.
- ³⁵ *Бадалян Н. А.* Некоторые методологические аспекты этнической проблематики в работах современных социологов и этнографов Запада.— *СЭ*, 1976, № 1, с. 165.
- ³⁶ См., например: *Solberg C.* Immigration and Urban Social Problems in Argentina and Chile, 1830—1914.— *The Hispanic American Historical Review*, Durham, May 1963, vol. XLIX, N 2; *Baily S.* The Italians and the Development of Organized Labor in Argentina, Brasil and the United State (1880—1914).— *Journal of Social History*, New York, 1969—70; v. 1, N 2; *Cornblit O.* European Immigrants in Argentine Industry and Politics. New York, 1967.
- ³⁷ См. об этом: *Первушин А. С.* Демографические проблемы урбанизации Латинской Америки.— В кн.: *Вопросы теории и политики народонаселения.* М., 1970, с. 104.
- ³⁸ *Panettieri J.* Inmigración en la Argentina. Córdoba — Buenos Aires, 1970.
- ³⁹ *Bourdé G.* Urbanisation et immigration en Amerique Latine. Paris, 1974.
- ⁴⁰ *Агости Э.* Нация и культура. М., 1963, с. 44.

**ФОРМИРОВАНИЕ
ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ
НА РИО-ДЕ-ЛА-ПЛАТЕ**

**Исходные компоненты населения
и их взаимодействие**

Колониальному периоду в истории Аргентины предшествовала длительная эпоха заселения ее обширной территории предками современных индейцев, их расселения с севера на юг и формирования локальных этнических групп. Миграционные волны, прибывавшие с севера, северо-запада и северо-востока, приводили к смене археологических культур. Внутренние миграции и военные столкновения между индейцами самым непосредственным образом влияли на процессы консолидации и этнической дезинтеграции. Однако испанское завоевание имело ни с чем не сравнимое воздействие на судьбу аргентинских индейцев (как и на индейцев всей Латинской Америки). В короткий период исчезли целые племена, нарушилось самостоятельное развитие уцелевших этнических групп. И хотя индейцы на этих землях еще в течение двух столетий составляли наиболее многочисленную часть населения, их роль в этнических процессах существенно изменилась: завоевание положило начало формированию новой испаноязычной этнической общности на территории Ла-Платы.

Сведения об образе жизни и особенно о характере социальных отношений индейцев Аргентины ко времени испанского завоевания немногочисленны, отрывочны и в некоторых случаях противоречивы. Тем не менее они позволяют выявить большие различия стадийного и этнокультурного характера среди первобытных племен, населявших те или иные районы страны. Важной особенностью условий формирования доиспанских культур в Аргентине было наличие в пределах ее обширной территории нескольких природно-хозяйственных зон. С этим было связано и образование различных хозяйственно-культурных типов, относительно обособленных друг от друга.

Аргентинские ученые выделяют шесть культурных ареалов или так называемых «культурных областей», которые сложились на территории страны до испанского завоевания¹. Не вдаваясь в детализированную оценку этой схемы, можно сказать, что она вполне приемлема для самой общей характеристики региональных этносоциальных различий к моменту завоевания.

Первая область — предгорья и равнины подножия Анд на всем их протяжении от Жужуя до Сан-Хуана — была населена осед-

лыми земледельческими племенами с развитой социальной организацией и богатой материальной культурой. Кроме диагитов (наиболее многочисленных и изученных среди них), занимавших центральную часть андских предгорий, здесь обитали кальчаки, килме, луле, топокота, уарпе, атакаменьо, сапавиропа и другие племена. По физическому облику все они относятся к андскому типу. Еще в самом начале завоевания испанцы дали общее название «диагиты» многочисленным племенам гористого района, противопоставив их равнинным индейцам — «хури». Однако об этническом единстве этих племен говорить нельзя, хотя культурное сходство, несомненно, существовало. Аргентинский исследователь Капальс Фрау выделяет среди андских племен три основные группы — пуларе, кальчаки и диагиты². По классификации аргентинского археолога Эприко Палавесино, их было четыре, включая коменчингонов района Кордовы³.

Диагиты испытали влияние своих северных соседей — кечуа. Это нашло отражение в сходных элементах культуры, в распространении языка кечуа среди некоторых групп, говоривших ранее на разных диалектах языка «какана». Диагиты использовали систему ирригации и строили оборонительные сооружения, которых не существовало в других районах страны. Науке пока не известно, в какой мере инкское завоевание коснулось диагитов, зато их единодушно относят к наиболее развитым племенам из встреченных испанцами на территории Аргентины.

О культуре диагитов к началу завоевания известно сейчас немного, и материал этот значительно уступает тому объему знаний, который накоплен по другим группам, обитавшим в Чако, пампе и Патагонии. К общим элементам культуры индейцев обширной андской области относят тип хозяйства, основанный на интенсивной обработке земли (для выращивания зерновых, картофеля, бобовых) и на разведении ламы, развитие некоторых производств (текстильного, гончарного и др.), тип одежды⁴ и сравнительно сходную социальную структуру.

Вторая область — аргентинское Чако. Кроме современной провинции Чако, она охватывала территории Формосы, Сальты, Сантьяго-дель-Эстеро и север провинции Санта-Фе. В субтропических лесах этой равнины обитали племена нескольких языковых групп: гуайкуру, матака, тупи, аравакской и др. Основная часть конгломерата племен аргентинского Чако довольно поздно вступила в постоянный контакт с белым населением. Это обстоятельство стало важным фактором сохранения их традиционной культуры, знакомство с которой дают труды иезуитских миссионеров XVII в., а также известные монографии исследователей начала XX в. Э. Норденшельда, А. Метро и др.⁵

Главными занятиями индейцев Чако в XVI в. были собирательство, рыбная ловля и охота. Каждая племенная группа, возглавляемая вождем, имела определенную территорию, и нарушение установленных границ вызывало частые столкновения. По своей численности индейцы Чако стояли на втором месте после

андских племен, по существенно уступали им в уровне социального и культурного развития.

Третья область охватывала междуречье Параны и Уругвая, так называемую «аргентинскую Месопотамию», и Литораль, т. е. земли к востоку от междуречья, вдоль Атлантического океана. В этой обширной и в целом малонаселенной зоне к приходу испанцев обитали гуарани, чарруа и керанди. Основной очаг расселения гуарани был расположен на землях нынешнего Парагвая, но и в Аргентине они занимали значительную, хотя и некомпактную территорию. Всего здесь насчитывалось до пяти локальных групп гуарани. Полнее и более детально изучены гуарани крайней северо-восточной части области, где действовали «отцы» духовного ордена иезуитов. Ежегодные отчеты иезуитов («Картас апун-ас») содержали разнообразный материал о культуре гуарани миссий Парана, Таре, Игуасу, Гуайра и др. Кроме того, сведения о них имеются в хрониках завоевания Ла-Платы и в трудах историков XVII—XVIII вв. М. Течо и П. Лосано.

Относительно высокий уровень хозяйственного развития, достигнутый благодаря ранним навыкам в земледелии (подсечно-огневого типа), и особенности общинной организации гуарани (в том числе институт взаимопомощи родственников-мужчин по линии жены) обеспечили испанцам эффективность эксплуатации труда индейцев гуарани.

К югу от гуарани лежали земли племени чарруа (главным образом в границах современного Уругвая) и керанди. По типу культуры те и другие стояли ближе к бродячим охотничьим племенам пампы.

Четвертая самая обширная культурная область доиспанского периода — равнины пампы (включавшая нынешнюю провинцию Буэнос-Айрес, южную часть Кордовы, часть Сан-Луиса, Мендосы, провинции Ла-Пампа и Неукен) к началу завоевания была населена относительно редко. Основные ее обитатели — индейцы языковой группы пуэльче — были пешими охотниками на оленей, пум и гуакако. Индейцев пуэльче (название, данное им арауканами) испанцы прозвали пампасскими индейцами или просто «пампа» (существовало и более широкое применение этого термина). Сами себя они называли «генпаке» или «гюппюна кюна»⁶. Предполагают, что племена южной пампы первыми наряду с луком и стрелами стали использовать в качестве охотничьего оружия знаменитое бола, хотя наиболее широкое употребление бола получило у техуэльче и арауканов. Последние появились в пампе еще до вторжения испанцев, но до XVIII в. случаи их проникновения с запада через южные отроги Анд были редкими.

Область Патагонии — пятый культурный ареал, включавший территорию нынешних провинций Рио-Негро, Чубут и Санта-Крус. В этом трудном для освоения крае обитали племена языковой группы техуэльче⁷. Представителей одного из родственных племен члены экспедиции Магеллана (1520) прозвали большеногими (по-испански «патагонес»), откуда произошло название всего края.

(Патагония)⁸. Техуэльче жили относительно небольшими группами, охотились на гуанако и страусов, занимались собирательством. В холодных горных условиях Патагонии сложился своеобразный уклад жизни индейцев, широко использовавших шкуры гуанако в качестве одежды и материала для постройки жилищ. До контакта с арауканами индейцы Патагонии не знали ни гончарства, ни обработки металла. Охотились с помощью лука, реже — палицы (макана) и бола. Орудия изготавливали из камня, раковин и кости.

В качестве последней культурной области выделена относящаяся к Аргентине восточная часть Огненной Земли. Аргентинскую часть острова населяли племена двух языковых групп — биа и ягана (самопозвание «ямана»). Обе группы различались между собой как по физическому типу, так и по некоторым элементам культуры. Первые относят к пешим охотникам, вторых — к морским охотникам-рыболовам. Тем не менее всех огнеземельцев объединяют в один культурно-хозяйственный тип, так как ряд общих черт хозяйства и быта отличает их от остальных соседних племен. Индейцы Огненной Земли, по общему мнению специалистов, стадially принадлежали к наиболее отсталым группам из встреченных европейцами не только в Южной Америке, но и в других районах земного шара.

Таким образом, к XVI в. этнокультурная карта Аргентины представляла собой довольно пеструю картину: от наиболее высококоразвитых днагитов на северо-западе до самых примитивных племен огнеземельцев на юге. В результате завоевания многое в первоначальной этнической карте изменилось. Важно отметить, однако, что этническая неоднородность и значительная разница в уровне хозяйственного и культурного развития автохтонного населения легли в основу и специфических региональных различий внутри будущего вице-королевства Рио-де-ла-Плата.

От открытия устья Ла-Платы Хуаном Диасом де Солис (1516) до начала завоеваний лежащих за ним земель прошло более двух десятилетий. За этот период испанцы покорили Мексику, Центральную Америку, Перу и вторглись в Чили. К 1536 г., т. е. ко времени прибытия к берегам Ла-Платы испанского конкистадора Педро де Мендоса, у завоевателей был накоплен большой опыт в подчинении и усмирении аборигенов. Кроме того, экспедиция Мендосы считалась самой крупной (2650 человек⁹) и наиболее оснащенной из всех прежних заморских экспедиций испанской короны. Оба эти обстоятельства сыграли немаловажную роль в сравнительно быстром установлении контроля над большей частью территории Аргентины.

Завоевание Ла-Платы велось почти одновременно из трех областей — Парагвая, Перу и Чили. Из Асунсьона, заложенного в 1537 г. на р. Парагвай, испанцы проникли в бассейн Параны, где один за другим возводились города: Буэнос-Айрес (1536), Санта-Фе (1573), Бермехо (1585) и Корриентес (1588). Отряды с севера проникали через Пушу и долину Умауака. Они основали города Сантьяго-дель-Эстеро (1553), Сальта (1582) и Жужуй (1593). Из

Чили шло завоевание соседних областей Аргентины, где возникли города: Мендоса (1561), Сан-Хуан (1562) и Сан-Луис (1596). Все-го за период с 1536 г. до конца XVI в. было заложено не менее 25 населенных пунктов, игравших роль форпостов, хозяйственных, административных или религиозных центров.

Незавоеванными оставались территории на севере, между реками Рио-Саладо и Парагваем, а кроме того, весь юг Аргентины за 36-й параллелью (широта Буэнос-Айреса). К концу XVI в. силы испанской короны, захватив огромную империю, были порядком истощены. К тому же на юге, в открытой степи, конкистадоры оказывались беззащитной мишенью для внезапно обрушивавшихся на них индейцев пампы, превратившихся к тому времени в конных охотников. Попытки подчинить охотничьи племена пампы были надолго прекращены. Как подчеркивает большинство историков, существование открытой границы на юге и постоянная необходимость защиты своих поселений от нападения индейцев стали для первопоселенцев и их потомков своеобразным спланивающим фактором.

Чаще всего завоевание новой территории, осуществлявшееся из исходного пункта (обычно это был город, лежащий на берегу реки), проходило несколько этапов, так что освоенная вначале зона постепенно расширялась, захватывая оба берега реки, водопой, лагуны и т. п. По мере того как усадьбы колонистов все более удалялись от города, сопротивление индейцев усиливалось. Их атаки порой достигали ворот самих городов и в дальнейшем в стратегических местах стали строить специальные форты для охраны от набегов индейцев.

В ходе завоевания внутренних районов Аргентины часть индейцев была истреблена, а некоторые небольшие племена на северо-западе исчезли полностью¹⁰. О численности индейцев к началу конкисты достоверно ничего не известно. По подсчетам Анхеля Росенблата, в пределах теперешней Аргентины к 1570 г. их осталось примерно 300 тыс.¹¹ Оценка ученого весьма приближительна. По отношению ко всей обширной территории Аргентины указанная численность индейцев может показаться ничтожно малой, но следует учесть, что преобладающее число их было сосредоточено в сравнительно ограниченной зоне, где впоследствии разместились основные хозяйственные центры испанской колонизации.

О территориальном размещении аборигенного населения также нет точных данных. Аргентинский географ О. Диффриери, сопоставив различные источники второй половины XVI в., полагает, что в то время на северо-западе насчитывалось около 215 тыс. индейцев, в Чако — 50 тыс., в Междуречье — 20 тыс., в пампе — 30 тыс., в Патагонии — 10 тыс.¹² Общая численность индейцев, по Диффриери, не намного расходится с результатами подсчетов А. Росенблата. Таким образом, можно сказать что 2/3 всех индейцев приходилось на северо-западный предгорный район. Этот же район в наибольшей степени привлекал к себе испанских колонистов. Дело в том, что в отличие от британских поселенцев в Северной

Америке испанцы в Южной Америке создавали свои колонии руками индейцев. Естественно, что рентабельность такого хозяйствования зависела от численности и уровня культуры аборигенов.

Заселение Аргентины европейскими поселенцами шло медленно. Предпочтение, отдаваемое испанцами северо-западному району, имело ряд причин. Географически этот район соседствовал с крупнейшими очагами испанской колонизации Южной Америки — Лимой и Сантьяго-де-Чили. Хозяйственные связи метрополии с Ла-Платой в течение продолжительного времени поддерживались только через Лиму. Все это привело к более раннему заселению испанцами внутренних плоскогорий Аргентины по сравнению с остальной ее территорией. Города, основанные здесь, принадлежат к числу старейших в Южной Америке.

Что касается первоначально открытых де Солисом земель, то отсутствие по берегам Ла-Платы оседлого индейского населения, которое можно было бы использовать для работы в колониях, равно как и постоянные набеги охотничьих племен южной пампы, вынудили испанцев отказаться от интенсивного освоения этого края. Первое поселение Пуэрто-Санта-Мария-де-Буэнос-Айрес, заложенное Мендосой в 1536 г., было разрушено индейцами. Вновь удалось основать Буэнос-Айрес только в 1580 г.

Несмотря на выгодное положение на берегу Атлантического океана и в устье крупнейшей реки, Буэнос-Айрес вначале играл довольно скромную роль. Лишенные, как полагали испанцы, каких-либо естественных богатств, земли по берегам Ла-Платы представлялись им малообещающими. В целях обеспечения своей монополии на торговлю с колониями Испания наложила запрет на использование в торговых целях всех портов, кроме одного, — в Центральной Америке. Товары из метрополии для Буэнос-Айреса должны были выгружаться в Портобелло на Панамском перешейке, на мулах их перевозили через перешеек, грузили на суда, следовавшие до перуанского порта Кальяо, затем они шли в Лиму, а из Лимы за четыре месяца через огромные сухопутные пространства, через Андские перевалы, минуя Потоси, Тукуман, Кордову, прибывали к месту назначения.

Участь первых поселенцев побережья была незавидной. На месте, кроме продовольствия, ничего не производилось, а привозные испанские товары стоили слишком дорого. «Если Тукуман прославился как самая дорогая область испанского мира, то что же говорить о Санта-Фе, Асунсьоне, Корриентесе или Буэнос-Айресе, удаленных от Тукумана еще на сотни и сотни лиг», — писал по этому поводу аргентинский историк Родольфо Пуингрос¹³. Многие испанцы переселялись в более богатые колонии на территории современных Чили, Перу и Боливии либо возвращались на родину. По подсчетам хрониста Васкеса де Эспиноса, к 1615—1617 гг. в городах побережья проживало около 2,5 тыс. испанцев¹⁴, в то время как на северо-западе (исключая города, лежащие к югу от Кордовы) — почти 9 тыс.¹⁵

Сравнительная малочисленность общего потока испанских переселенцев в Аргентину может быть объяснена отсутствием у них особой заинтересованности в освоении этой области и строгими ограничениями, с которыми ко второй половине XVII в. был сопряжен выезд испанцев из метрополии в новые колонии. Важной особенностью колонизации Аргентины являлся также состав отрядов конкистадоров и первых переселенцев. До сих пор мы лишь условно называли их испанцами. В действительности же Аргентину завоевывали и заселяли не столько выходцы из самой Испании, сколько испанцы, прожившие много лет в других, ранее завоеванных южноамериканских колониях, или даже уроженцы этих колоний. Часть из них родилась от индейских матерей — дочерей касиков и других «знатных» индейцев.

Литораль, т. е. приатлантическая зона, заселялась сначала конкистадорами, прибывшими из соседнего Парагвая. Данные источников сходятся в том, что большая часть этих отрядов состояла из испано-индейских метисов, уроженцев Асунсьона. Только после экспедиции Хуана де Гарай, вторично основавшей Буэнос-Айрес, сюда начали прибывать переселенцы из Испании; многих из них на этот раз, отмечает А. Росенблат, сопровождали их жены и дети¹⁶. В центрах колонизации прибрежного района часть вновь, прибывших испанцев смешивалась со «старожилами» — с метисами и креолами (потомки испанцев, рожденные в колонии). То же самое происходило в других районах Аргентины, колонизация которых началась из Перу и Чили. Так формировалось белое население колонии, в ранний период колонизации определявшееся статистикой как испанское, хотя на самом деле эта группа включала креолов и часть метисов; другая часть метисов попала в группу индейцев.

К концу XVI в. на территориях, управлявшихся Мендосой и его преемниками, было образовано три административных района: губернаторство Тукуман, провинции Куйо и Рио-де-ла-Плата. Все три политико-административные единицы вошли в состав одного вице-королевства — Перу. Так называемая «Королевская провинция Рио-де-ла-Платы», к которой относились земли в бассейне Ла-Платы, Параны и Уругвая, позднее, в 1617 г., была разделена на два губернаторства: Ла-Плата со столицей в Буэнос-Айресе и Гуайра, или Парагвай, со столицей в Асунсьоне (с этих пор началось обособление Парагвая от Рио-де-ла-Платы).

Развитие всех трех вновь созданных административных районов имело много общего, что сближало их между собой и отличало от соседних колоний. Рост населения происходил здесь в основном за счет местных уроженцев. «Испанская группа» с завершением завоевательных походов (конец XVI в.) пополнялась почти исключительно креолами и метисами. Главным признаком принадлежности к белым становилось социальное положение. Креолы, как и испанцы, относились к господствующей группе общества, хотя на них не распространялись многие привилегии испанцев. Те из креолов, кто мог доказать своей долгой и верной службой

преданность королю и кто имел «безукоризненную» родословную, пользовались исключительными правами (могли получить энкомьенду, передать ее своему сыну и т. д.). Удаленность резиденции вице-короля ослабляла контроль над обширными ла-платскими колониями. Это обстоятельство должно было отразиться на раннем проявлении тенденции к обособлению и самостоятельности, особенно у креольского населения, приобретавшего постепенно черты этнической обособленности.

Индейцы составляли первоначально большинство населения и в течение колониального периода оставались важным социальным и демографическим фактором, хотя их численность неуклонно падала. Но участие аборигенов в формировании новой этнической общности было более ограниченным, чем их роль в хозяйственной жизни колониальных областей и в демографических процессах. Завоеватели, подчинив индейцев экономически, и все прочие отношения с ними строили на принципах господства — подчинения. В принудительном порядке им навязывали испанский язык и христианство.

Индейцы не только не могли стать сколько-нибудь равноценными партнерами испанцев в формировании нового этноса, но и лишились условий для продолжения своего развития на прежней этнокультурной основе: от многочисленных племен, «консолидировавшихся или находившихся в процессе консолидации», после завоевания остались лишь отдельные «островки или осколки»¹⁷ этнических общностей, оказавшиеся к тому же в неестественных для себя условиях жизни и труда.

Политика Испании в отношении коренного населения колоний не отличалась последовательностью. С одной стороны, она была направлена на ассимиляцию индейцев, чему способствовали новый режим труда и целый комплекс норм, предусматривающих их «европеизацию». С другой стороны, согласно так называемым «Новым законам» 50-х годов XVI в., предписывалось изолировать индейцев в их поселках во избежание вредных действий по отношению к ним и деморализующего влияния со стороны испанцев, метисов и др.¹⁸ Несмотря на частые нарушения на практике этого закона, такая двойственная политика испанцев к индейцам, как показал в своей книге шведский историк Магнус Мёрнер, затрудняла христианизацию индейцев и восприимчивость ими испанского языка, что в свою очередь рассматривалось властями как одна из задач колонизации¹⁹.

В целом можно считать, что более развитая и монолитная «культура конкисты» противостояла тому, что осталось от культуры индейцев: в Аргентине это была «совокупность тех или иных уцелевших черт культуры, в лучшем случае — более или менее связанных между собой»²⁰.

В этих условиях сложилась одна из особенностей этнических процессов колониальной Аргентины, которая заключалась в том, что на захваченной испанцами территории непосредственное участие индейцев в процессах культурного обмена, культурного

смешения было минимальным. Гораздо большее значение для формирования новой этнической общности в провинциях Ла-Платы имело физическое смешение испанцев с индейцами.

Метисация как фактор этнической консолидации

Физическое смешение испанцев и индейцев с появлением новой, сначала в чисто расовом, а затем и в расово-этническом отношении прослойки населения — метисов — было общим явлением испанской конкисты и колонизации Нового Света. Причиной этого послужили прежде всего острая нехватка женщин среди белого населения на протяжении большей части колониального периода и отсутствие у испанцев резко выраженных расовых предрассудков.

На Рио-де-ла-Плате, в Тукумане и Куйо наблюдались сходные процессы. О диспропорции между мужчинами и женщинами среди конкистадоров на аргентинской территории можно судить даже по отдельным фактам. В экспедиции Мендосы, которая положила начало фактическому завоеванию Ла-Платы, на 1800 испанских мужчин приходилось всего 8 женщин. Когда Гарай несколькими десятилетиями позже вторично основывал Буэнос-Айрес, его отряд, сформированный в Парагвае, состоял из 66 человек, среди которых была 1 женщина.

При сложившемся среди колонистов соотношении полов никакие юридические нормы, введенные короной для разделения между расами, не смогли приостановить физическое смешение испанцев и индейцев, которое началось еще во время завоевания. До сравнительно недавнего времени об истинных масштабах этого процесса в колониальной Аргентине было известно крайне мало. Исследования Рикардо Сорракина Беку, Эмилиано Эндрекса и Хорхе Комадрача Руиса²¹ показали, что смешение рас стало важным фактором демографического роста во всех районах Рио-де-ла-Платы.

Появление новой испано-индейской расовой группы повлекло за собой изменения не только в антропологическом составе населения, но и в социальной структуре колониального общества. Между двумя противостоящими друг другу полюсами — испанцами и индейцами — образовалась новая промежуточная расово-социальная прослойка.

Большинство метисов рождалось «незаконно» и оставалось в материнской группе, но по внешним признакам они отличались от индейцев. Вырастая, такие дети испытывали отчуждение со стороны обеих «группировок» — белых и индейцев. Слово «метис» стало синонимом понятий «незаконнорожденный» и «неприкаянный». Инструкции вице-короля Гарсиа де Кастро губернаторам Перу 1566 г. обязывали «выгонять всех метисов, кото-

рые проживают среди индейцев, и отсылать их в ближайшие поселения испанцев, чтобы там они изучили и освоили занятия, а не скитались, как они скитаются без дела, подавая плохой пример» индейцам²².

Колониальные власти с помощью церкви не раз стремились стабилизировать социальную структуру в колониях. Католическая церковь преследовала внебрачное сожитие и заставляла испанца жениться на индейке. Даже если белый отец был известен и брал на себя воспитание прижитого от индейки ребенка, этот ребенок рассматривался как незаконный. Согласно королевскому указу от 1618 г., дети замужних индейок наследовали социальный статус отца, а незамужних — матери²³. Но действительность ломала эту схему. Прежде всего в городах появилась и с каждым годом увеличивалась прослойка местных уроженцев смешанного происхождения, рожденных вне брака, т. е. вне закона, и потому не имеющих права наследования. Белые отцы их часто вообще не были известны, а матери-индейки потеряли связи с индейской общиной: поэтому таких детей нельзя было отнести ни к белым, ни к индейцам.

На первоначальном этапе положение метисов отличалось большими преимуществами по сравнению с положением индейцев. В отличие от индейцев метисы были освобождены от принудительных работ и подушной подати. Но они были лишены многих гражданских прав, что ставило их гораздо ниже креолов. В отличие от последних метисы не могли занимать общественные должности, принимать участие в выборах городских муниципалитетов (кабильдо), не имели права на образование, на получение сана священника²⁴. Регламентация их жизни включала даже предписания относительно одежды и места, занимаемого в общественных заведениях. Однако законы на Ла-Плате соблюдались не очень строго и метисы долгое время пользовались большими свободами, добываясь иногда равного с креолами положения.

В городах метисы постепенно образовали прослойку ремесленников, мелких торговцев и служащих. Для них была характерна тенденция к «испанизации» (при всей условности этого термина).

Выходцы из метрополии не были однородны в этническом отношении, представляя различные испанские народности (каталонцев, галисийцев, андалузцев, арагонцев и др.), хотя в колониях чувство этнического родства между ними, видимо, усиливалось. Кроме того, адаптация к новым природным условиям, социальная трансформация, отрыв от родной почвы своеобразно отражались на психологии, нравах, языке испанских поселенцев. Особенно отчетливо все эти изменения проявлялись у их потомков — креолов, родившихся и выросших в колонии и отличавшихся от испанцев не только местом рождения, но часто и физическим обликом. Культурная дифференциация между испанцами и уроженцами колонии закреплялась новой социальной

иерархией, сводившейся к тому, что выходцы из Испании пользовались большими привилегиями по сравнению с креолами. Креолы лишь в очень редких случаях занимали высшие административные и военные должности в колониальном управлении. Несмотря на общую культурную ориентацию на Испанию, креолы осознавали свои отличия от испанцев.

Города, строившиеся в колониях по «испанскому образцу», становились не только центрами проникновения тех или иных испанских культурных ценностей, но и местом возникновения совершенно новых явлений и форм в хозяйственной деятельности, общественной жизни, быту. Создателями их были в основном креолы и метисы.

Постепенно росло число метисов, занятых в сельском хозяйстве. Первоначальную их прослойку образовали выходцы из города. Незначительная часть этой прослойки состояла из приказчиков и управляющих в поместьях, а также из сельских священников. Большинство же ушедших из городов метисов либо оседало в окраинных районах новой колонизации, приобретая небольшой клочок земли, либо попадало в кабалу к хозяину поместья.

Процесс физического и культурного смешения испанцев и индейцев в сельской зоне, начавшийся позже, чем в городах, имел свои особенности. Здесь сильнее ощущалась специфика местной природной и культурной среды. Испанцы жили изолированно и обособленно, так как поместья их были удалены друг от друга на сотни километров, причем в большинстве случаев хозяин проживал в городе, оставляя дом на попечение управляющего — креола или метиса. В сельских областях не могло возникнуть крупных очагов испанской культуры, воздействовавших на метисов. Несмотря на католическое вероисповедание, испанский язык и другие элементы «испанизации», в среде сельских метисов ощутимее было воздействие традиционной местной индейской культуры.

Численно разрастаясь и социально трансформируясь, новая прослойка не только вбирала в себя те или иные испанские или индейские культурные элементы, но и перерабатывала их с учетом своего нового социального опыта, создавая свои собственные, отличные от исходных культурные образцы (трудовые традиции, семейные обычаи, формы народного искусства и т. д.). Так, на аргентинской почве зарождались элементы метисной культуры, ставшие со временем существенными, неотъемлемыми свойствами складывавшегося этноса.

Как уже говорилось, и сами выходцы из Испании, и в еще большей степени креолы, выросшие в колониальных провинциях, несли в своей культуре, в своем сознании новые черты, приобретенные в новом природном и этносоциальном окружении. Испанский язык с самого начала завоевания пополнялся новыми словами, понятиями, выражениями, употреблявшимися только местными испаноязычными жителями. Часть этих неологизмов была

заимствована у индейцев. Наиболее полно новая «рио-платская» специфика проявлялась у метисов. Метисация сплавила испано-индейские начала в одно целое и придавала ему своеобразные формы.

Региональные различия в формировании населения колонии

В разных частях колонии рост населения происходил в основном за счет увеличения метисной и креольской прослойки. Креолы жили преимущественно в городах, и, несмотря на различия в условиях жизни тех или иных районов колонии, креольская городская культура формировалась примерно по единому образцу, чего нельзя было сказать о культуре метисов.

Процесс метисации в каждом из крупных регионов шел с неодинаковой степенью интенсивности, и характер этого процесса в большой мере определялся местными этносоциальными условиями. Это прежде всего относилось к разнице в этническом и социальном развитии индейских племен, оказавшихся завоеванными испанцами. Особенно четко различия такого рода сказались на типе этнических процессов в северо-западном и приатлантическом районах.

В Тукумане и Куйо, тяготевших к Перу, в первые 100—150 лет индейцы численно резко преобладали над испанцами, особенно в XVI в. Только по неполным данным списков энкомьенд в 1586 г. в Тукумане и Куйо в среднем на одного энкомьендиро приходилось около 500 индейцев²⁵. Сравнительная многочисленность и высокий уровень развития оседлых земледельцев андской области — индейцев «*de mucha razon*» (высокоразумных) — облегчили испанцам широкое использование индейской рабочей силы.

В гористой зоне от Жужуя до Сан-Хуана жили племена сходного культурного уровня. По окончании конкисты индейцы этой зоны были распределены по энкомьендам среди наиболее влиятельных участников военных походов и тех, кто закладывал города. Индейцы от имени короля «поручались» испанцам, которые имели перед ним те или иные заслуги. За право сбора подати с вверенных ему аборигенов энкомьендиро был обязан защищать их благополучие и заботиться о твердости в христианской вере, для чего он содержал за свой счет священника²⁶. Пятую часть дохода он отчислял в королевскую казну.

Когда основывался город, то сразу же вслед за назначением властей начинался и раздел свободных земель. «Милости», выражавшиеся в наделении землей, распространялись и на энкомьендиро. Право на пользование земельным угодьем предоставлялось пожизненно или на то время, пока будут соблюдаться определенные условия. Лишь значительно позже стало возможным получить землю путем непосредственной покупки или приобрете-

ния на аукционе. На Рио-де-ла-Плате испанцы и креолы очень редко сами обрабатывали землю или пасли скот: они нанимали метисов за небольшой клочок земли или незаконно принуждали индейцев к безвозмездному труду.

Не являясь юридически хозяевами индейцев, энкомендеро фактически распоряжались ими по своему усмотрению. Владелец энкомьенды, лишенный земли, также заставлял индейцев сверх налога работать на него даром: строить дом, ухаживать за полем или огородом вокруг этого дома, собирать урожай, пасти лошадей и оказывать ему другие личные услуги. Жалобы на произвол со стороны энкомендеро местные колониальные власти направляли иногда самому королю²⁷, однако, несмотря на запреты принуждать индейцев к личным услугам, с возрастанием численности белого населения в колониях и увеличением потребности в рабочей силе эксплуатация индейцев внутри энкомендарной системы росла, все больше закрепощая их.

Энкомьенда вела к дальнейшему разрушению традиционных общинно-родовых связей, начало которому было положено завоеванием. Чаще всего в той или иной степени нарушалась структура племени. Так, в приандской зоне большое распространение имела «мита» — форма эксплуатации индейцев, уходящая корнями в традиционную инкскую организацию труда, когда племя или община на определенное время выделяли группу людей для общественных услуг за пределами своих селений²⁸. Колониальная мита приносила общине гораздо большие потери, чем традиционная, но при этой форме большинство индейцев оставались в исконных местах обитания. Другая форма эксплуатации индейцев — япаконаж, призванная обеспечить рабочей силой тех из колонистов, кто не имел энкомьенды, означала для индейцев полную потерю связи с прежней жизнью. Япаконаты не жили в общине, а переселялись в дома и на эстансии испанцев.

Юридическая сущность энкомендарной системы была для всех колоний единой, но на практике возникали большие расхождения. К сожалению, о специфике аргентинской энкомьенды известно сравнительно немного, хотя имеется множество указаний на ее широкое распространение по всей территории Ла-Платы.

В Тукумане и Куйо сложилась система крупных энкомьенд. Особенностью их было то, что в одной энкомьенде оказывались индейцы разных племен. Об этом говорят списки энкомьенд, содержащиеся в опубликованных архивных документах²⁹. Для облегчения управления индейцами и принятия ими католицизма испанцы поощряли предварительную кечуанизацию индейцев, т. е. переход на единый язык кечуа — процесс, начавшийся еще до испанского завоевания.

Большой урон общине наносил насильственный увод мужского населения на принудительные работы в отдаленные районы. По сведениям современников, многие энкомендеро и их наследники, превращавшиеся со временем в помещиков, надолго покидали свои аргентинские владения, отправляясь вместе с индейцами в Верхнее

Перу и Чили для добычи золота и серебра. В XVI—XVII вв. труд индейцев на рудниках приносил их хозяевам большую выгоду. С насильственным уводом индейцев на рудники по другую сторону Анд было связано обезлюдение больших областей. Капитульские протоколы Мендосы изобилуют разбирательствами протестов и допесений по этому поводу³⁰. В большинстве их содержались жалобы на энкомендеро Куйо, которые сами или через своих уполномоченных уводили индейцев митайосов в Сантьяго, Серену и другие города Чили, где за их труд можно было получить хорошую цену. В других документах содержится требование кабиљдо г. Сантьяго прислать из Куйо определенное число митайосов для общественных работ в Чили. Местные власти тем или иным способом прикрывали частые нарушения законов. Индейцев уводили также из Кордовы и других городов Тукумана. В официальном письме, датированном 1 января 1586 г., указывалось, что в «Пото-си работает свыше 4 тыс. индейцев из провинции Тукуман, которых увезли на 4 года, но так и не вернули на свою землю, к своим женам»³¹.

В Куйо с начала завоевания среди так называемого «белого» населения было много метисов из Чили. В Сан-Хуане известно многочисленное семейство Хуана Эухенио де Майеа и дочери касика уарпе Ангако, крещеной Тересы де Ассенсио. Но в большинстве своем, как уже говорилось, метисы рождались вне брака. Сорракин Беку считает, что в XVII и XVIII вв. метисации в Куйо в значительной степени способствовал увод индейцев мужчин на работы в Чили³². То же самое происходило в тех районах Тукумана, которые находились в подчинении испанцев. Из-за увода мужчин на другую сторону Анд множество индейских женщин с детьми оставались беззащитными. Их использовали на сельскохозяйственных работах и в домашних хозяйствах белых, что «облегчало вопреки вводимым запретам и религиозным нормам активный расовый контакт, который постепенно менял и этнический облик этой провинции»³³.

Наглядное представление о быстром сокращении численности индейцев энкомьенд дают сведения по губернаторству Тукуман, где вначале поместья были самыми крупными: в 1596 г. губернатор Тукумана оценил численность индейцев в энкомьендах в 56,5 тыс.; через 11 лет (1606 г.) их осталось 24,2 тыс., а в 1628 г. другой губернатор сообщил о наличии в Тукумане всего лишь 7 тыс. платящих подати³⁴.

Падение размера энкомьенд происходило также за счет высокой смертности аборигенов. В результате завезенных испанцами заразных болезней (особенно оспы), противозаконных действий и насилия со стороны энкомендеро, жестокого подавления индейских восстаний, которыми был заполнен весь колониальный период, и других причин энкомьенды с каждым годом «таяли» и уровень производства в них падал. По мнению исследователя из ГДР М. Коссока, исчезновение индейцев в первую очередь способствовало разрушению экономики Тукумана и Куйо³⁵.

Первое время «истощенные» энкомьенды пополнялись индейцами вновь покоренных групп, так называемыми «*indios bravos*» (букв. «дерзкими, непокорными»), поскольку сохранялись еще не освоенные районы, где укрывались остатки некоторых племен (например, калъчаки в долине р. Калъчаки). Перераспределялись также вакантные энкомьенды. Однако система энкомьенды на Ла-Плате со все большей очевидностью обнаруживала свою непригодность, и на смену ей постепенно пришла другая форма — крупное землевладение — асьенда (официально энкомьенда была отменена Испанией только в 1720 г.).

Владелец асьенды в отличие от энкомьендиро был полновластным собственником земли. Для обеспечения поместья постоянной рабочей силой помещики (асендадо) опять-таки привлекали индейцев общинников и метисов, выделяя им мизерные наделы. Системой предоставления авансов помещик держал их по существу в крепостной зависимости. Бывшие общинники становились неопами. Одновременно происходило присваивание помещиками покинутых общинных земель. Значение индейской общины в экономике колониальных провинций падало, вместе с тем возрастала роль крупного землевладения³⁸ — основы возникновения латифундизма³⁷.

Процесс социальной трансформации, связанный с отрывом или окончательным уходом индейцев из общины, вел к увеличению численности и социальной значимости метисной прослойки³⁸. Статистика не дает возможности проследить за численным ростом метисованного населения. Старые списки жителей тех или иных административных единиц составлялись по расовому признаку, и даже они, о чем писал еще А. Росенблат, редко выделяли метисов или давали сильно преуменьшенные цифры³⁹. Однако предположение о численном росте метисов за счет ассимиляции индейцев подкрепляется некоторыми косвенными свидетельствами. К ним можно отнести указания об увеличении числа детрибализованных, т. е. вышедших из общины, индейцев. С конца XVII в. многие из них были заняты в домашнем услужении, в земледелии, в разных производствах, на транспорте. Они нанимались на работу как самостоятельно, так и с помощью бывших своих хозяев — энкомьендиро. По имеющимся данным, в Мендосе во второй половине XVIII в. только в домах наиболее знатных горожан в услужении находилось 150—200 индейцев. Не менее 200 работали возчиками, обслуживая торговые караваны из Мендосы в Буэнос-Айрес и обратно⁴⁰. Особенно высоко ценились те, кто знал ремесло, главным образом плотничье. Интересный факт, свидетельствующий о механизме адаптации индейцев к новым условиям, содержится в документальных источниках конца XVII в.: в Тукумане индейцы часто нанимались в домашнее услужение за обязательство патрона обучить их какому-либо делу⁴¹.

Если в первый период колонизации, когда сельская зона была еще небольшой и располагалась вблизи городов, основной рабочей силой в сельском хозяйстве Тукумана и Куйо являлись энкомьен-

дированные индейцы, то с конца XVII в. они уступают место метисам.

В губернаторстве Тукуман, где наибольшее развитие получили возделывание хлопчатника и овцеводство, метисы с этого периода образовали основную массу рабочей силы в крупных поместьях. В провинции Куйо, особенно в районе Сан-Хуана и Мендосы, где преимущественное значение приобрели виноградарство, садоводство и выращивание пшеницы, крупное землевладение не развивалось. Метисы составляли здесь основное ядро мелкого свободного крестьянства. Многие из них были в прошлом индейцами общинниками, однако новые социальные условия меняли их культуру. Они быстрее переходили на испанский язык, принимали католицизм и сами отделяли себя от индейцев.

По мере удаления поместий, небольших ферм и усадеб от городских центров и продвижения их к югу все труднее становилось вести хозяйство из-за набегов непокоренных индейцев. В конце XVII — начале XVIII в. карательные экспедиции сопровождалось созданием небольших укрепленных аванпостов — «puesto». Гарнизон их состоял из испанцев, креолов и метисов. В самом форте или вблизи него селили усмирённых индейцев, используемых в сельскохозяйственных и ремесленных работах. Стратегическую роль выполняли также католические миссии. В Тукумане монахи развернули широкую кампанию по созданию индейских поселков — редукций (после карательных экспедиций губернатора Анхеля де Передо 1669—1671 гг. для усмирёния индейцев кальчаков). Самой крупной была редукция Святого Франциска, насчитывавшая вначале 1 тыс. жителей (индейцы мокови). Редукции существовали недолго, не выдерживая атак индейцев Чако. На месте разрушенных создавались новые — и так вплоть до конца XVIII в. Подробную хронологию их основания приводит аргентинский исследователь Разори⁴². Списки жителей редукции, составившиеся время от времени до XVIII в., дают внушительные цифры. Так, только в окрестностях нового центра Белен провинции Катамарка, построенного в 1681 г. вокруг церкви Nuestra Señora de Belén, к 1736 г. существовало 30 поселков-редукций с 1913 индейцами⁴³. Подобные окраинные центры колонизации возникали и в провинции Куйо, где миссионерская деятельность иезуитов, францисканцев, мерседариёв и других орденов в первой половине XVII в. была достаточно активной. Индейцев переселяли в специальные поселки, где они должны были посещать приходскую церковь и обрабатывать церковные поля. Со второй половины XVII и в XVIII в. пограничные поселения подвергались частым набегам арауканов и араукализированных индейских племен западной пампы. Отсутствие постоянных военных гарнизонов привело к разрушению большинства новых редукций, но некоторые из них послужили основой возникновения новых крестьянских общин, а также небольших испанизированных поселков или городков.

В широкой приандской зоне индейские общины занимали менее пригодные для обработки земли. Несмотря на обращение в христианство и проникновение испанского языка, население этих периферийных общин сохранило свои языки (диалекты кечуа) и свое самосознание. Разрушение прежних племенных связей и некоторых социальных институтов, а также знакомство с новыми, ранее не известными индейцам культурными ценностями вызывали необратимый процесс их культурной трансформации. Однако восприятие элементов европейской культуры жителями индейских селений происходило путем своеобразного отбора — как бы через призму шкалы ценностей собственных индейских традиций — и, как утверждает аргентинский фольклорист А. Кортасар, долгое время не затрагивало основных функций общины⁴⁴. Жители такого рода деревень («pueblos» и «poblaciones»), а не пеоны, работавшие в поместьях — эстансиях и асьендах, стали хранителями древних традиций и представлений. Индейцы общин оказались в социальной изоляции от остального населения. Однако некоторые индейские и испанские элементы их культуры со временем настолько переплелись, приняли такие своеобразные синкретические формы, что порой трудно определить их первоначальное происхождение.

Вплоть до середины XVIII в. большое значение для внутренней экономики колонии имели традиционные кустарные промыслы индейцев Тукумана, Сальты, Кордовы и др. В дальнейшем домашнее ремесло пришло в упадок, не выдержав конкуренции с привозными, в основном английскими, тканями и другими товарами широкого потребления. Со временем индейские общины все больше обособлялись, что, естественно, ограничило непосредственное воздействие индейского населения северо-запада на культуру складывавшегося испаноязычного этноса.

Экспансия испанцев на север, во внутренние области современных провинций Чако и Формоса, до второй половины XVIII в. была практически неосуществима из-за сопротивления индейцев и сложных природных условий. Племена южного Чако раньше своих северных соседей столкнулись с колонизаторами, что привело к появлению у них огнестрельного оружия и лошадей. Научившись прекрасно управлять лошадьми, абипоны, тоба, мокови и представители других племен Чако превратились в серьезных военных противников. Попытки испанцев создать здесь поселения терпели провал. Часть индейцев, захваченных во время военных экспедиций, была распределена по энкомьендам, другие согнаны в миссии иезуитов на территории провинций Сальта, Жужуй, Сантьяго-дель-Эстеро. Как свидетельствуют источники, почти все эти миссии просуществовали недолго из-за опустошительных набегов непокоренных индейцев⁴⁵.

На северо-востоке, в пынших провинциях Корриентес, Энтре-Риос и Мисьонес, в начале XVII в. прочно обосновался орден иезуитов. В специально созданные поселки на территории иезуитских миссий были согнаны гуарани и индейцы других племен

соседних областей. Бывший католический священник Г. Фурлонг дал широкую панораму эволюции этих миссий⁴⁶. К 1733 г., по данным О. Дифриери, общая численность индейцев в 15 миссиях на территории пышной Аргентины составляла 63 тыс. человека, ко времени изгнания иезуитов (1767) она сократилась до 45 тыс.⁴⁷ Это был крупный индейский массив, сконцентрированный на компактной территории, включавшей 30 больших поселений гуарани (15 из них в Парагвае).

Индейцы гуарани, как говорилось, достигли гораздо более высокого уровня культуры по сравнению с племенами охотников и собирателей Чако и аргентинских низменностей. Экономический и социальный строй гуарани уже содержал определенные элементы, которые завоеватели могли использовать и развить с целью создания более устойчивого и продуктивного производства.

Еще в период завоевания Парагвая испанцы использовали общинно-родовую организацию гуарани для создания мелких земледельческих хозяйств. При этом полигамия испанцев стала формой отношений, прикрывающей превращение индейских жеппин в зависимых сельскохозяйственных работников и включение в систему эксплуатации их родственников-мужчин, главным образом братьев. Категория индейцев, работавших на испанцев по линии родства, получила особое название — «indios originarios». Р. Сорракин Беку встретил такое название и в документах, касающихся аргентинской провинции Корриентес⁴⁸.

В дальнейшем, с введением энкомендарной системы и созданием «индейских поселений» гуарани испанцы опять-таки использовали не только относительно высокий уровень производства у этих племен, но и особенности их политической организации, в частности традиционную власть главы поселения и тенденцию к превращению этой власти в наследственную. Создание постоянных «индейских поселений» способствовало постепенному разложению традиционной социальной организации гуарани и превращению индейской общины в сельскую, вместе с тем сохранялась власть старейшин селений, так же как и власть старейшин домовых групп, которую конкистадоры еще более усилили, чтобы опереться на нее. В конце XVII в. появились первые скотоводческие эстапсы и хозяйства по выращиванию парагвайского чая (йерба-мате), основанные на припудительном труде энкомендированных индейцев гуарани.

Рационализированная эксплуатация индейцев в миссиях позволила иезуитам превратить обширную область в своего рода государство в государстве. Сочетая утонченные способы идеологической, религиозной обработки с жесткими методами принуждения и расчета, «иезуиты смогли создать суровую дисциплину коллективного труда, некий высший тип феодальной эксплуатации»⁴⁹. Иезуитские историки, в том числе Г. Фурлонг, идеализировали деятельность миссионеров на Ла-Плате. Их влияние на индейцев гуарани они прославляли как своего рода социальный идеал⁵⁰. Некоторые достижения миссионеров в организации хозяйства и

обучении индейцев ремеслам (иезуитские поселения снабжали всю округу парагвайским чаем, экспортировали кожи и некоторые художественные изделия индейских ремесленников) создали обманчивые иллюзии даже среди ученых о якобы высоких гуманных целях иезуитов, пекшихся о нравственном воспитании и благосостоянии индейцев. Однако под покровом «христианизации» индейцев «во имя самих индейцев» скрывались наиболее изощренные формы эксплуатации даровой рабочей силы. Как писал марксистский историк У. Фостер, в действительности миссии были не чем иным, как церковным вариантом испанского феодального поместья с самодержавным устройством и еще более утонченными формами эксплуатации, прикрытыми лишь позолотой религиозной пропаганды и церковной обрядности⁵¹.

Об устройстве миссий, внутреннем распорядке жизни редукций и методах обращения испанских иезуитов с индейцами написаны специальные работы. В данном случае важно подчеркнуть, что отличительной чертой деятельности иезуитских миссионеров был не «отказ от подавления индейского элемента»⁵², а закамуфлированная ассимиляторская политика, приведшая в целом к большой ломке традиционного образа жизни и обычаев индейцев гуарани. Именно в целях более успешного проведения этой политики иезуитские священники использовали традиционные формы хозяйства и социальные институты индейцев.

Длительная относительная изоляция в миссиях и особенности используемых иезуитами способов подчинения индейцев (чтение проповедей на языке гуарани, издание школьных букварей и словарей гуарани и т. д.) объясняют сохранение некоторых самобытных сторон их культуры, в том числе языка гуарани.

После роспуска миссий хозяйство области пришло в упадок. Уцелела только часть поселений. В 1802 г. в области провинций Мисьонес, Корриентес, Энтре-Риос насчитывалось всего 23,3 тыс. индейцев⁵³. Остальные расселились по обширной территории, включавшей современные провинции Буэнос-Айрес и Санта-Фе. Часть индейцев осела в городах. В сельской зоне многие из них влились в ряды ла-платаской охотничьей вольницы, как это делали и раньше гуарани, бежавшие от подневольного труда в миссиях. Здесь они активно участвовали в процессах физического и культурного смешения с сельским населением пампы.

Колонизация прибрежного района замедлилась из-за отсутствия оседлого индейского населения, пригодного для эксплуатации, и постоянной угрозы со стороны открытой индейской границы на юге. Только к 1752 г. подвижная пограничная линия (фронтера) была укреплена на всем ее протяжении от провинции Буэнос-Айрес до Мендосы.

Территория губернаторства Ла-Плата в первые два столетия оставалась наименее освоенной областью. Здесь также широко применялся раздел земли между завоевателями, но в отличие от Тукумана, Куйо и северо-восточных областей этому не придавали большого значения, поскольку земля не обогащала.

Местами сосредоточения населения в XVI—XVII вв. в пампе были главные административные центры (Буэнос-Айрес и Санта-Фе), немногочисленные городки и иезуитские и францисканские миссии, население которых складывалось не совсем обычно. Первые поселения и редукции в сельской зоне создавались на базе привозного контингента индейцев. Поселения эти существовали недолго из-за неожиданных набегов степных индейцев и отсутствия нового пополнения. Тем не менее, в сельской зоне, примыкавшей к Буэнос-Айресу, концентрировалось все большее число жителей. Так, по цензу Ортиса де Росас в 1744 г. здесь проживало 6 тыс. человек, из них около 5 тыс. были отнесены к так называемой категории «белых»⁵⁴. Наиболее жизнеспособной из ранее созданных редукций оказалось Сантьяго-дель-Барадеро, основанная в 1616 г. в 120 км от Буэнос-Айреса. В отведенное для нее место переселили индейцев гуарани, затем — индейцев одного из племен пампы, а еще позже население его пополнилось креолами и испанцами. В 1696 г., например, здесь осталось только 77 редуцированных индейцев⁵⁵. Со временем поселение Барадеро разрослось и стало городом.

Другая редукция, также выдержавшая испытание временем, основана в 1666 г. По приказанию губернатора Мартинеса де Саласар сюда привезли 200 индейцев, захваченных в плен в долине Кальчаки⁵⁶ (Тукуман). Индейцы племени кальчаки и других после подавления восстания в 1657 г. были распределены по различным областям. Часть их происходила из племени килме, с чем связано название редукции и выросшего на ее месте города Кильмес.

И все же индейцев не хватало. Чтобы выйти из затруднительного положения, испанцы подчас шли на разного рода ухищрения. Так, например, в одном из донесений королю, относящемся к 1550 г., сообщалось, что, несмотря на соответствующий пункт «Новых законов» о недопущении случаев обращения индейцев в рабов, «в районе Чачапойас около 150 индейцев с женами и детьми, державшие путь с бразильского берега Параны, были задержаны капитаном Гомесом де Альварадо, Хуаном Пересом де Гевара и другими весино и распределены между собой, причем некоторые из этих испанцев решили сделать названных индейцев своими рабами, так как говорят, будто захватили их в войне и они едят человеческое мясо»⁵⁷.

Сельская зона долгое время не расширялась дальше пригородной полосы. Хотя на Ла-Плату раньше, чем в Тукуман и Куио, были завезены пшеница, овес, ячмень и другие культуры, земледелие в пампе не получило развития, так как все посевы уничтожались пезамиренными индейцами. Для обработки полей, непосредственно примыкавших к Буэнос-Айресу и Санта-Фе, были ввезены индейцы из других районов колонии. Как сообщает аргентинский историк, после вторичного основания Буэнос-Айреса (1580) сюда вывезли из Парагвая 200 семей гуарани⁵⁸, которых энкомендировали среди весино и других конкистадоров. Бы-

ло создано 64 энкомьенды. Точное число индейцев в них неизвестно. Исследователь сообщает лишь, что на одного энкомьендиро их приходилось немного. Об этом же можно судить по приводимым в разных источниках статистическим данным. Поскольку размеры энкомьенд были невелики, труд индейцев едва удовлетворял лишь самые необходимые потребности населения городов.

В 1673—1674 гг. по распоряжению короля была осуществлена ревизия энкомьенд Ла-Платы и Тукумана. Из 13 тыс. индейцев, попавших в описи, по городам губернаторства Ла-Платы значилось всего 887⁵⁹: в Буэнос-Айресе 354, в Санта-Фе 95 и в Корриентес 438.

В это же время количество населения Буэнос-Айреса достигло 4607 человек⁶⁰. О принципиальной разнице в соотношении индейцев и испанцев в прибрежном районе и в северо-западных областях можно судить по следующим данным: если округлить имеющиеся цифры, то в первом случае на сто испанцев приходился один индеец, тогда как в другом — на одного испанца сто индейцев.

Нехватка индейской рабочей силы и невозможность заняться земледелием, в том числе из-за постоянной угрозы со стороны индейской границы, долгое время сдерживали переселенческий поток на Ла-Плату. Белое население сосредоточивалось в городах, да и оно росло медленно. В противоположность внутренним районам земледелие на Ла-Плате не стало ни основой хозяйства, ни основой формирования населения.

Другим важнейшим обстоятельством, приобретшим принципиальное значение для экономического и социального развития восточного района (и в конечном итоге — всей Аргентины), было наличие на большом пространстве памп, от устья Ла-Платы до междуречья Параны и Уругвая, одичавшего скота, размножившегося в большом количестве еще со времен первого основания Буэнос-Айреса, когда сюда были завезены лошади и коровы. Охота на этот скот, а затем его разведение превратились в массовое занятие населения восточной части страны. На этой же базе началось здесь формирование нового испаноязычного населения.

На самом раннем этапе, т. е. на этапе бесконтрольной охоты, на «ничейные» стада лошадей и коров охотились как непокоренные индейцы пампы, так и часть населения креольского и метисного происхождения, оказавшаяся «не у дел», без собственности и без определенных занятий. На следующем этапе — «упорядоченной охоты» (начало XVII в.) — право на присвоение и убой скота было предоставлено лишь нескольким десяткам семей, перечисленным в специальном регистре⁶¹. Пайщики (*registreros* — наследники завоевателей и основателей городов) снаряжали охотничьи экспедиции в пампу — так называемые «вакери». Для проведения этих небезопасных экспедиций привлекали добровольцев из белого населения, искавших возможность быстрого обогащения. Непосредственным убоем животных, сдиранием и обработкой

шкур («matar y cuerar») занимались «mozos perdidos» (букв. «беспутные бродяги»). В массе своей это были индейцы и метисы, имевшие навыки охоты на диких животных. Их называли иногда «палачами скота», потому что, убивая животных только из-за шкуры, они проливали много крови. Способ обезглавливания скота был перенят у индейцев, которые перерезали кобыле горло, чтобы напиться горячей крови: верили, что это дает силу⁶². Охота на скот сочеталась на этом этапе со специальным его разведением.

Охота на одичавший скот и работа в скотоводческих поместьях породили особый тип населения — конных охотников и пастухов, гаучо, которым суждено было стать одной из этнообразующих групп. Слово это появилось в литературе сравнительно поздно (по одним указаниям — в конце XVIII, по другим — в начале XIX в.), и относительно его происхождения единого мнения до сих пор не выработано. Некоторые исследователи, специально занимавшиеся генезисом слова «гаучо», утверждают, что область наиболее раннего его употребления находилась к северу от Буэнос-Айреса, в пограничной аргентинно-уругвайско-бразильской зоне.

В работе Бернардо Аррили Гонсалеса об индейцах пампы приводится около 40 различных толкований значения слова «гаучо»⁶³. Такое разнообразие мнений отражает многоликость, неоднозначность самих гаучо на разных этапах истории Аргентины. Одним и тем же словом называют и вольных степных охотников, и бродяг, и постоянных неопов — пастухов на крупных эстансиях, и горожан, и мелких скотоводов пампы, а также современных крестьян, не расстающихся с лошадью. Историк поэтому резонно замечает, что каждый раз, говоря о гаучо, нужно задаваться вопросом: о каких гаучо идет речь?⁶⁴ Менялись социально-экономические условия существования этой группы населения, ее расовый облик и роль в этнокультурной и политической истории страны. Но то, с чего начался гаучо, — пампа и лошадь — надолго осталось с ним и в нем. В свое время это объединило и сделало в чем-то похожими ушедшего в степи испанского и португальского солдата (португальцы проникли в пампу из Банды-Ориental и южных областей Бразилии), и непокоренного индейца, и метиса, бежавшего в пампу от властолюбивого алькальда и священника⁶⁵. Если на северо-западе расовокультурное смешение привело к возникновению новой группы населения — метисов-земледельцев, то в пампе такой новой группой стали скотоводы-гаучо.

К концу XVI — началу XVII в. губернаторство Ла-Плата начало поставлять тягловую силу, шкуры и кожи для внутренних районов колонии (в обмен на серебро, медь, текстильные, продовольственные товары и пр.). Таким образом, между основными населенными центрами — Потоси, Тукуман, Куйо, Кордова и Буэнос-Айрес — установились постоянные хозяйственные связи.

Контрабандная торговля шкурами превратилась в прибыльное

занятие и привлекла много людей. Большим спросом пользовались шкуры также у иностранных купцов. За легкой наживой в пампу устремились жители внутренних районов колонии и некоторые европейцы (в обход строгих ограничений на въезд в страну иностранцев). Это был еще один новый и важный шаг в формировании населения Ла-Платы.

Первые европейцы — испанцы проникли в Аргентину еще с экспедицией Мендосы. Точное их число невозможно установить. Лафуэнте Мачайн, исследовавший этот вопрос, получил цифру 72 (22 нидерландца, 4 немца, 4 англичанина, 5 французов, 4 итальянца, 33 португальца)⁶⁶. Р. Конетке считает, что их было намного больше⁶⁷. Некоторое число иностранцев «просачивалось» позже в качестве священников, монахов иезуитского и других ордепов, о чем упоминает Г. Фурлонг⁶⁸. Все же до XVII в. общее число иностранцев оставалось незначительным. Это дало основание Р. Сорракину Беку считать, что белое население колонии до конца XVI в. было по своему происхождению сплошь испанским.

В первые десятилетия XVII в. в связи с некоторыми преимуществами, полученными Буэнос-Айресом как главным городом губернаторства Ла-Плата, а также в связи с оживлением торговли шкурами и парагвайским чаем начался приток на Ла-Плату португальцев (из Бразилии). Этот приток продолжался до 1640 г., затем он прервался из-за военного конфликта Португалии с Испанией. Документальные сведения недостаточны, чтобы определить число португальцев, пополнявших население Буэнос-Айреса и других городов в течение XVII столетия: судя по отдельным отрывочным указаниям они составляли тогда весомую долю. Так, Лафуэнте Мачайн приводит список португальцев, подлежащих высылке из Буэнос-Айреса в 1643 г. согласно приказу вице-короля Перу. В этом списке значилось 370 человек, что составляло около $\frac{1}{3}$ белого населения города⁶⁹.

В XVIII в. проникновение иностранцев, главным образом португальцев, на Ла-Плату усилилось. В списках жителей того времени эта группа населения не фигурировала, так как официально ее не должно было быть. Но кое-какие данные иногда встречаются в письменных документах. В особо важных случаях составлялись списки иностранцев с перечнем их занятий, семейного положения и пр. Например, в 1763 г. был составлен список португальских заключенных колонии Сакраменто, которых по распоряжению губернатора Буэнос-Айреса следовало помиловать и отправить в Мендосу. Из 75 португальцев: 22 числились мелкими торговцами, 5 — моряками, 9 — портными, 4 — сапожниками, 7 — плотниками, 3 — бондарями, 3 — кузнецами, 1 — аптекарем, 1 — парикмахером, 2 — ювелирами, 2 — каменщиками, 7 — пахарями, остальные 9 — без определенных занятий⁷⁰. Сопоставление с данными по другим группам португальцев показывает общее сходство их социально-профессионального состава. Попадая вопреки запретам испанской короны в те или иные населенные центры

колонии, главным образом в Буэнос-Айрес, иностранцы не входили в привилегированную группу и по своему положению и занятиям приближались к метисам.

Несмотря на региональные различия в характере формирования населения, особенно заметные при сравнении северо-западного и прибрежного районов, уже в XVI и XVII вв. проявлялись сходные черты в этнокультурных процессах в общеаргентинском масштабе. Рост населения происходил в целом медленно, преимущественно за счет увеличения числа испаноязычных уроженцев колонии — метисов и креолов. Искусственная изоляция Рио-де-ла-Платы задерживала ее экономическое развитие, но в то же время способствовала установлению внутрихозяйственных связей на обширной территории от горнорудного района Потоси до атлантического побережья с центром в Буэнос-Айресе. Торговый обмен и перемещения населения из прибрежных районов во внутренние и наоборот, не сдерживаемые непроходимыми естественнотопеографическими рубежами, связывали экономическими и культурными нитями население Тукумана, Куйо и Ла-Платы. Противоречия с испанским колониальным режимом и другие факторы политического развития стимулировали появление у определенной части уроженцев колонии зачатков этнического самосознания. Первоначальными центрами консолидации населения уже на раннем этапе этноистории Аргентины становились города и соответственно раньше других в качестве этнообразующей сформировалась креольская группа, наиболее компактно расселенная и располагающая самыми развитыми социально-экономическими связями.

Ввоз негров и изменение расовой и социальной структуры населения колонии. Включение в нее гаучо

Контрабандная торговля шкурами и парагвайским чаем долгое время была основным источником доходов для креолов, метисов и других слоев немногочисленного населения устья Рио-де-ла-Платы. Однако доходы эти были незначительны. В течение двух с половиной столетий экономика обширного прибрежного района находилась в состоянии застоя. Города, в том числе Буэнос-Айрес, были бедными, слабо связанными между собой экономически. И хотя этот период имел важное значение для зарождения и распространения на Ла-Плате сходных занятий, быта, языка среди различных расово- и этносоциальных групп населения, культурное сближение между ними шло медленно и на ограниченных пространствах.

В начале XVIII в. положение начало меняться в сторону ускорения темпов социально-экономического развития. После подписания в 1713 г. Утрехтского мира Англия получила монопольное право на ввоз в Америку африканских рабов. Британские суда свободно заходили в Буэнос-Айрес, доставляя сюда захвачен-

ных в Африке рабов и увозя шкуры, кожи и другие продукты скотоводства. У местных креольских торговцев появились легальные возможности для быстрого обогащения. Негры, предназначенные для Рио-де-ла-Платы, Перу или Чили, должны были отныне ввозиться только через Буэнос-Айрес. Английская торговая компания получила также право приобретать в этом городе землю и возводить на ней постройки для нужд работорговли.

Эти первые сдвиги в торговой монополии Испании пробили серьезную брешь в системе, которая сдерживала рост местных производительных сил. Они имели важные последствия для колонии в целом и для прибрежного района в особенности (массовый ввоз негров рабов, ориентация экономики на экспорт, перемещение центра хозяйственной жизни в Буэнос-Айрес, приток на Ла-Плату жителей других районов колонии, а также новых переселенцев из Испании).

Расширение торговли повысило, в частности, спрос на шкуры. Убой одичавшего скота принял хищнические размеры и привел к сильному сокращению его поголовья и к возросшему значению одомашнивания животных. Разведение скота и обработка шкур требовали все новых рабочих рук. Между тем рабочей силы не хватало, несмотря на насильственный увод на Ла-Плату индейцев из внутренних районов. В связи с этим началось довольно широкое внедрение в хозяйство труда негров рабов.

Еще в XVII в. Буэнос-Айрес был одним из центров нелегального ввоза негритянских невольников и торговли ими. Впрочем, иногда на покупку небольших партий рабов имелись специальные разрешения властей⁷¹. Известны случаи доставки негров на Ла-Плату и в более раннее время. Аргентинская исследовательница Элена Штудер приводит свидетельства появления первых африканцев на Рио-де-ла-Плате через Испанию с экспедициями Диего Гарсии, Мендосы, Ортиса де Сарате⁷². В XVI в. поселенцы приобретали себе рабов в Бразилии, Перу и Чили. Общее число невольников, ввезенных в колонию в течение XVI—XVII вв., неизвестно. Приводимые в источниках цифры фиксируют рабов, ввезенных в Буэнос-Айрес. Так, с 1597 по 1607 г. по официальным данным сюда завезли 5670 «piezas de negros» (букв. «штук негров»)⁷³. Но в XVI—XVII вв. основную их часть переправляли на запад, на рудники Потоси, а также в Перу и Чили и лишь немногих разбирали на месте для использования в качестве домашних слуг и для работы в чакрах — небольших поместьях вокруг Буэнос-Айреса. Судя по некоторым поздним подсчетам, к началу XVIII в. негры и мулаты уже составляли существенный компонент населения Аргентины. Так, по оценке аргентинского социолога Хосе Инхеньероса, в 1700 г. в губернаторствах Ла-Плата, Тукуман и Парагвай насчитывалось примерно 600 тыс. жителей, из них: индейцев 530 тыс., метисов 50 тыс., мулатов 10 тыс., негров 7 тыс., белых 3 тыс.⁷⁴ Включение Парагвая не могло повлиять на оценку численности негритянской группы. При отсутствии точной статистики из-за существовавших в то время

трудностей учета людей и определения их расово-этнической принадлежности можно считать наиболее достоверными как раз данные о неграх, поскольку они имели ярко выраженные соматические признаки и сравнительно четко определенный социальный статус. Можно также предположить, что до XVIII в. большинство африканцев рабов было сосредоточено в северо-западном районе, где труд их мог использоваться шире: в земледелии, скотоводстве, на горных разработках, в ремесленном производстве.

Из-за дороговизны содержания раба в условиях слабого развития плантационного хозяйства один владелец не мог позволить себе покупку большого числа негров. Поэтому в XVIII в., несмотря на регулярный ввоз африканцев и заметное расширение невольничьего рынка в Буэнос-Айресе, колонии Рио-де-ла-Платы в качестве «импортера» африканских рабов все же намного уступали Бразилии и Кубе. За 20 с лишним лет (1715—1738) через Буэнос-Айрес прошло всего около 7,5 тыс. рабов⁷⁵. Можно предположить, что город поглощал большую часть ввезенных за это время через его порт невольников.

Как отмечал Р. Сорракин Беку, «ввоз негров уменьшил повсюду необходимость использования труда индейцев, которые были к тому же менее выносливыми. В городах в качестве домашних слуг либо ремесленников негры почти полностью вытеснили индейцев»⁷⁶. Имея довольно высокую рыночную стоимость, раб на Ла-Плате ценился выше индейца и отношение к нему было менее жестоким по чисто меркантильным соображениям. Надо отметить, что во внутренних районах колонии продажная цена негра раба значительно возрастала — соответственно увеличению платы за перевоз из Буэнос-Айреса: в Кордове на 40 песо, в Мендосе — на 110 песо, в Сальте и Жужуе — на 180 песо⁷⁷ (приводимые данные относятся к 1810 г.).

Относительно быстрый рост размеров «негритянской» группы осуществлялся не столько за счет прибытия новых африканцев, сколько в результате естественного прироста и смешения негров с жителями колонии иного расового происхождения. По имеющимся данным, на протяжении первых веков колонизации негры больше смешивались с белым населением города, чем с индейцами в провинции⁷⁸. Частичное объяснение этому можно найти в существовании запретов на проживание негров в индейских поселках и на жепитьбу на индейках (из-за «дурных привычек» и «вреда, причиняемого неграми своим поведением индейцам»). Рабы могли жениться с согласия хозяев и только на негритянках, причем без приобретения таким путем права на свободу. Но подобного рода указания плохо соблюдались в колониях, тем более в такой далекой периферии, как провинции Ла-Платы. Предотвратить смешение негров с белыми и индейцами вообще вряд ли было возможно, так как рабынь ввозилось примерно в три раза меньше, чем мужчин. Официально связи белого с негритянкой или белой женщины с негром осуждались еще больше, чем подобные связи с индейцами. Потомство смешанного испано-негри-

ТАБЛИЦА 1

Численность расовых групп в вице-королевстве Рио-де-ла-Плата (1776—1778 гг.)

Провинция	Все население провинции	Общая численность негров, мулатов и самбо	% от всего населения	Численность негров, мулатов и самбо в городах	Численность негров, мулатов и самбо в сельской зоне
Буэнос-Айрес	37 130	8 918	24	7 268	1 650
Сан-Луис	6 956	578	8	312	266
Сан-Хуан	7 690	1 215	16	837	378
Мендоса	8 765	2 129	23	2 125	4
Катамарка	13 315	7 908	59	4 743	3 165
Кордова	40 203	17 626	43	4 251	13 375
Ла-Риоха	9 723	1 906	19	938	968
Сальта	11 565	5 305	46	2 071	3 234
Сантьяго-дель-Эстеро	15 456	8 312	53	1 282	7 030
Тукуман	20 104	12 869	64	1 817	11 052
Жужуй	13 619	1 785	13	1 074	711
Итого:	186 526	68 551	37	26 718	41 833

тянского происхождения получило в колониях название мулатов, а индейско-негритянского — самбо.

Некоторая часть африканцев со временем добивалась освобождения из неволи либо бегством, либо путем выкупа себя и своих близких. Домашним слугам и ремесленникам легче было получить свободу, чем плантационным рабам. Социальная мобильность свободных негров и мулатов была ниже, чем метисов, хотя в некоторых случаях негры владели даже энкомьендами. Однако свобода передвижения и выбора занятий делала эту группу весьма контактной и увеличивала возможности смешения ее с другими группами населения. К сожалению, статистика в крайне редких случаях разграничивала основные социальные категории — рабов и свободных — среди негров и их потомков, чтобы можно было более достоверно проследить их этнические судьбы.

Х. Комадран Рунс привел данные переписи населения 1776—1778 гг. о численности расовых групп по административным районам на территории современной Аргентины (в дальнейшем общине переписи не содержали сведений по расовым категориям). Согласно данным Комадрана, общая численность негров, мулатов и самбо превышала 68 тыс. человек (табл. 1)⁷⁹.

Обращает внимание высокая доля указанной группы в общем населении колонии. При всей возможной неточности тогдашней статистики она, по-видимому, отражала реальную ситуацию. По другим данным, размеры негритянской группы на тот же период еще выше (91,4 тыс. негров, мулатов и самбо)⁸⁰.

ТАБЛИЦА 2
Соотношение расовых групп по переписи 1776—1778 гг. (%)

Административный район	Белые	Индейцы	Негры, мулаты, самбо	Метисы
Буэнос-Айрес Куйо *:	68	6	24	2
Сап-Хуан	21	20	16	43
Сан-Луис	53	18	9	20
Мендоса	51	16	24	9
Тукуман *:				
Кордова	46	10	44	—
Катамарка	30	18	52	—
Сальта	27	27	46	—
Ла-Риоха	26	54	20	—
Тукуман	16	20	64	—
Сантьяго-дель-Эстеро	14	32	54	—
Жужуй	5	82	13	—
Итого:	38	22	32	8

* Бывшие губернаторства.

Самым высоким процент негров (имеется в виду вся группа) оказался в провинциях Тукуман, Катамарка, Сантьяго-дель-Эстеро, Сальта, т. е. на северо-западе. По абсолютной численности на первом месте стояла Кордова, следом за ней шли Тукуман и Буэнос-Айрес. Провинция Кордова была важным экономическим районом колонии, лежавшим на стыке основных торговых путей. Много рабов «оседало» здесь при движении на запад, в Перу и Потоси (нынешняя Боливия). Большое число негров работало на медных рудниках Кордовы.

На северо-западе основная часть негров проживала в сельской зоне, где они были заняты в земледелии (в том числе и на хлопковых плантациях), скотоводстве и сфере домашних услуг. В прибрежном районе негритянское население концентрировалось в основном там же, где и белое, т. е. в Буэнос-Айресе. Рабы обслуживали своих хозяев — владельцев асьенд, солилер и дубилей. Их руками создавалась одна из главнейших новых отраслей хозяйства — заготовка мяса на экспорт. Свободные негры и мулаты работали в ремесленных мастерских, занимались мелкой торговлей.

Совершенно особая ситуация сложилась в Мендосе, где почти 100% негров проживало в самом городе. Мендоса лежала на пути следования африканских рабов из Буэнос-Айреса в Сантьяго-де-Чили. В силу своей специфики (средние и мелкие хозяйства) земледелие Мендосы не могло занять большое число рабов. Еще в XVII в., как подчеркивает Р. М. Сулуага, много невольников попадало в семьи жителей Мендосы. «К середине XVII в. в рядо-

вых семьях работало от 3 до 9 рабов, а в каждой зажиточной семье — от 11—14 до 22 негров»⁸¹. К 1645 г. на 600 белых жителей города приходилось 200 негров рабов (25%). Примерно та же пропорция сохранилась здесь более ста лет спустя⁸² (табл. 2). Сам тип семьи колонистов в Мендосе (*caza grande* — «большая семья»), состоявшей из многочисленных родственников и домоладцев, обеспечивал стойкий спрос на рабочую силу. Как справедливо отметил Хосе Л. Масни, из-за отсутствия капиталистической организации рабского труда именно семья, довольно многочисленная в период рабства, стала здесь центром концентрации рабов, которые использовались в качестве прислуги и как ремесленники⁸³.

Из той же переписи следует, что негры, мулаты и самбо превысили численность индейцев и были второй группой населения после белых, куда в зоне Тукумана включали, видимо, испанцев, креолов и метисов. Однако, несмотря на высокий удельный вес в населении колонии (37%), негры в отличие от индейцев не образовали в Аргентине компактных культурных групп. Причины для этого было немало. Известно, что столь высоким процент негритянского элемента среди жителей вице-королевства оставался недолго. С прекращением массового ввоза рабов на Ла-Плату, что произошло уже к концу XVIII в., он начал падать. В отличие от других стран Америки, где было развито плантационное рабство, в вице-королевстве Ла-Плата негры жили и работали «разрозненно», преимущественно в городах. Даже в сельском хозяйстве Аргентины использовался главным образом индивидуальный труд негров на наиболее трудоемких работах в поместьях и в сфере домашних услуг. Отырыв от родной почвы, социальная разобщенность, различия в языке и культуре в связи с принадлежностью к разным африканским племенам — вот главные причины культурной разобщенности негров в Аргентине. К концу XVIII в. усилилось культурное смешение этой группы населения с метисами и индейцами. В XIX в., в период отмирания рабства, слияние негров с основной частью формирующегося этноса получило дополнительные стимулы.

Рост испано-индейско-негритянской смешанной группы ощущалось на демографических и этносоциальных процессах. Расцвет скотоводства и торговли, приносявших большие прибыли коммерсантам Буэнос-Айреса, обилие пустующих земель в пампе и относительное затишье, наступившее в связи с окончательным разгромом мятежных индейцев чарруа в Энтре-Риос (1749), вызвали приток населения на Ла-Плату из внутренних районов. Наряду с креолами в этом миграционном движении участвовали индейцы, метисы, мулаты и свободные негры.

Точных данных, позволяющих выяснить в полной мере значение этого процесса, у нас нет. Перепись населения провинции Буэнос-Айрес 1744 г. показала, например, что сюда переселялись выходцы из Санта-Фе, Кордовы, Сантьяго-дель-Эстеро, Корриентеса, Парагвая и некоторых других областей⁸⁴. Эти перемещения

стали одним из механизмов расово-этнического объединения, выравнивания локальных культурных различий в прибрежном районе.

Приток негров дал новый толчок процессу метисации. В то же время в этнорасовых отношениях наметилась или, вернее, усилилась линия на сегрегацию «цветных» каст. Прилив населения в провинцию Буэнос-Айрес вызвал здесь избыток искателей «доходных мест». Опасаясь конкуренции со стороны мигрантов из внутренних районов, потомственные креолы старожилы направили свои усилия на восстановление сословных привилегий, основанных на расово-социальных принципах (примесь негритянской крови и без того увеличила предубеждение белых к «цветным»). Проявляя ревностную заботу о «чистоте» родословной, креолы добились усиления социальных барьеров в отношении групп смешанного расового происхождения. Маргинализация (вытеснение в низшую категорию) метисов, которые в предшествующий период имели более широкие социальные возможности, проводилась «сверху» и повсеместно, но реальным явлением она стала прежде всего в прибрежном районе. Здесь расово-социальная иерархия приобрела более четкие границы, что способствовало закреплению культурных различий на разных социальных уровнях.

На примере общества Кордовы Э. Эндрек дал общую схему социальной стратификации к середине XVIII в. Он выделил в ней три большие «страты»⁸⁵: а) элита, состоявшая в основном из креолов, так как выходцев с Пиренейского полуострова было мало; б) средние слои — менее однородная группа, в которую входили белые с большей примесью индейской или негритянской крови и свободные «цветные» касты. Основная часть представителей этой группы занималась физическим трудом, остальные были мелкими собственниками; в) группа «*orilleros*» (*orillo* — «кромка»), т. е. находившаяся на самой низшей социальной ступени, — метисы, индейцы, негры, мулаты и самбо. Их объединяли нищета и зависимость. «Для них не существовало прав: все сводилось к покорности и подчинению»⁸⁶.

В целом по стране правящая испано-креольская сословная группа становится все более «закрытой». Роль белого населения в процессе физического смешения к концу XVIII — началу XIX в. падает, особенно в прибрежном районе, где указанная группа в численном отношении доминировала (по данным переписи 1776 г., в провинции Буэнос-Айрес белых насчитывалось 25,4 тыс. из общего числа жителей 37,1 тыс., т. е. около 70%).

Физическое смешение населения, которое, по словам Магнуса Мёрнера, с исторической точки зрения имело чрезвычайно положительное значение, облегчая процесс культурной и социальной интеграции⁸⁷, продолжалось среди метисов, индейцев и негров. Особенно интенсивно расовое и культурное смешение протекало в пампе за пределами контролируемой испанцами территории. После роспуска энкомьенд многие индейцы устремились в степь, на «ничейные» земли, где они присоединялись к своеобразной ла-

платской вольнице — гаучо. В поисках лучшей жизни сюда уходили ущемляемые в правах и не находившие применения своим силам в городах метисы, негры, мулаты, беглые рабы, индейцы, бежавшие от помещиков или из пезупитских миссий. «Сегрегация всех этих «пардос и моренос» (т. е. темных и черных) превращала их в неудовлетворенный элемент, в бродяг, отказывающихся служить и признавать законы. Они уходили в степь, подальше от белых, которые их презирали, и от общества, которое закрывало для них все двери»⁸⁸.

Ко второй половине XVIII в. в пределах нынешних провинций аргентинской (и части уругвайской) пампы, за чертой Буэнос-Айрес образовалось значительное «пезантное» население. Это были обездоленные люди, находившие средства к жизни в охоте, уголе скота и контрабанде. Из разнородной в расовом и этническом отношении массы складывался достаточно монолитный по своим занятиям, обычаям и общественному положению сплав населения, который обособился в качестве своеобразного этносоциального типа, получившего в конце XVIII — начале XIX в. название «гаучо»⁸⁹. Генетически «типичные» гаучо были метисами, хотя среди них встречалось много «чистокровных» индейцев, негров и европеоидов.

Гаучо представляли собой социально-историческое явление, порожденное экономическими и природными условиями пампы. Одновременно это было и особое культурное явление, без которого невозможно понять всю последующую этническую историю Аргентины и сущность аргентинца, вернее «*hombre rioplatense*» (рио-платского человека).

Превращение конгломерата различных расово-этнических компонентов в культурное целое происходило главным образом на испано-индейской основе. Испанский и индейский элементы встретились в аргентинской пампе в своеобразных условиях. Даже в соседнем Уругвае они были несколько иными. Специфика охоты на одичавший скот и ухода за животными, особенно во время длительных перегонов, крайне затрудняла контроль за охотниками со стороны хозяев, тем более в южных районах пампы, за линией фронтеры (подвижная граница), где испанские и прочие европейские авантюристы оказывались в положении равных партнеров с индейцами. Отношения победителя и побежденного, характерные для экономических и культурных контактов испанцев с индейцами в остальных частях колонии, в недрах пампы свелись к более мирному сосуществованию. По образному выражению Ионина, испанский язык послужил цементом, сплотившим воедино эту испано-индейско-метисскую массу степных охотников-скотоводов, а индейская женщина скрепила этот союз кровными узами^{90—91}.

Сами условия жизни и характер занятий населения во многом сближали гаучо с незавоеванными охотничьими племенами пампы, чей уклад менялся в XVIII в. под воздействием арауканского завоевания (ассимиляция индейцев пампы арауканами получила

в литературе термин «арауканизации пампы» — см. об этом дальше).

Маленькие хижины гаучо типа индейского кожаного тольдо или ранчо из адобов (сырцового кирпича) с низким потолком и обмазанными глиной стенами были разбросаны среди безбрежной степи, но большую часть жизни они проводили вне дома под открытым небом. Вплоть до последних десятилетий XVIII в. гаучо могли свободно передвигаться по пампе, охотясь на диких животных, угоняя скот из эстансий, которые простирались на десятки километров, не были огорожены и плохо охранялись, сбывая добычу в отдаленные районы. Охотились и перегоняли стада сообща.

Индийские охотничьи навыки, помноженные на испанское искусство верховой езды, породили новые уникальные формы охоты в открытой пампе, в том числе своеобразные приемы поимки животных с помощью лошади и болы, ухода за животными во время дальних переходов, защиты их от непогоды и т. д. При крайне отсталых примитивных формах пастушеского скотоводства и всего быта гаучо жизнь в пампе превращалась в суровую борьбу за существование один на один с природой, что отразилось в их характере, манерах, системе ценностей. Унаследованные от индейцев и испанцев культурные элементы, преломленные в своеобразных условиях жизни в пампе, определили самобытные черты гаучо, проявившиеся в психологии, языке, правах, в элементах одежды, украшений и т. д. Высокого мастерства достигли они в некоторых ремеслах, особенно в выделке кожи. Из кожи изготавливали самодельную обувь, детские колыбели, разнообразные седла, сумы для болы, ножны. Такие качества, как «ощущение пампы» и любовь к лошади, неразрывно соединились в гаучо, как и многое другое, и создали новый тип метиса, с которым стали связывать «el ser argentino» (аргентинскую сущность).

Существовали заметные отличия гаучо от крестьян северо-западных и западных провинций, потомков оседлых индейцев, которые обитали там до конкисты. Гаучо не пахали и не сеяли, не растили садов, не копали огородов. Все их занятия были связаны с верховой ездой: перегоняли стада коров, ловили быков, охотились с болами, подсекали (валили) животных, ставили клейма. Лошадь была жизненно необходима также для передвижения по бескрайним степным просторам пампы. Английский путешественник Уильям Мак-Кэн, который объехал на лошади почти всю Аргентину и близко познакомился с жизнью гаучо середины XIX в., писал, что редко можно было увидеть гаучо пешком: он проводил свою жизнь всегда на лошади⁹². Верхов гаучо не только работал, но и отдыхал: большая часть игр и развлечений также была связана с лошадью и ловкостью наездника.

Относительная социальная и культурная изоляция гаучо от общества нарушается примерно со второй половины XVIII в. в связи с появлением скотоводческих хозяйств в пампе. Помещики захватили стада диких животных и отвели для них большую

часть своей земли, которая раньше практически не использовалась и не охранялась. «Бесхозные» земли обрели своих хозяев. Эстансия превратилась в традиционную форму аргентинского хозяйства. Пампу перегородили сначала колючим кустарником, а много позднее — с середины XIX в. — проволоочной оградой, лишившей гаучо свободы передвижения. Хозяева эстансий для привлечения рабочей силы перешли к политике внеэкономического принуждения. Тогда же появились законы против бродяжничества гаучо и беглых рабов. Начался период подчинения гаучо системе эстансий. Переход от вольной жизни к наемному труду, завершившийся только во второй половине XIX в., означал превращение этой группы населения в важный элемент формирующейся этнической общности.

Конец XVIII — начало XIX в. был одним из драматических периодов в истории гаучо. Они упорно боролись против закабаления хозяевами эстансий, оборонялись или спасались бегством, но к прежней вольной жизни возврата не было. «Гаучо вынуждены были идти в наем к владельцу эстансии, превращаясь в полукрепостных неонов-пастухов»⁹³. В колониальной эстансии они оказались незаменимыми работниками, одинаково профессионально справляясь с обязанностями пастуха, погонщика, стригалы, объездчика, забойщика скота и т. д. За свою работу они теперь получали скудную пищу, табак и одежду. В отличие от рабов и индейцев гаучо пользовались более широкой личной свободой. Они не задерживались подолгу на одном месте, у одного хозяина. Привычка к вольной жизни, жизни «в седле», питала их ненависть ко всякого рода кабале. Однако на бродяжничество гаучо толкали сами условия жизни: отсутствие собственной земли*, постоянных занятий на эстансии, произвол хозяев. Из центральной пампы гаучо проникают в соседние области к югу и западу, в более отдаленные внутренние провинции, вплоть до границ с Перу, в том числе и в города. В конечном итоге изменился весь традиционный уклад их жизни, но в XVIII и первой половине XIX в. изменения условий существования еще не в полной мере сказались на формах жизни и культуры гаучо, так как скотоводство продолжало носить характер патриархального пастушеского хозяйства.

Переходя от одного хозяйства к другому, из одной местности в другую, бороздя страну из конца в конец, гаучо «приходилось сместить не одну лошадь, но при этом он не менял своих фундаментальных качеств, составлявших прочный костяк его будущей славы»⁹⁴. В этносоциальной сфере бродяжничество и миграции гаучо способствовали культурному смешению разных групп населения колонии. Переход от вольной жизни степного охотника к жизни неона-пастуха в эстансии покончил с прежней социальной изоляцией гаучо и существенно отразился на изменении отноше-

* Получить землю для гаучо было почти невозможно не только из-за ее дороговизны, но также из-за сложных и обременительных формальностей, с которыми это было связано.

ния к ним со стороны окружающего населения. Благодаря своим ценным навыкам и способностям они приобрели авторитет у других пеонов эстанций и жителей поселков, которые стремились перенимать некоторые профессиональные приемы гаучо и типичные черты их культуры, подражать их лексикону, манерам, «выходкам» (гаучада). Включение гаучо в экономическую жизнь колониального общества явилось важным условием дальнейшей консолидации испаноязычного этноса и воздействия культуры гаучо на содержание будущей национальной культуры. В то же время латифундизм и экстенсивное скотоводство были той материальной базой, на которой сохранялись их культурные особенности.

В 1776 г. Буэнос-Айрес становится столицей нового вице-королевства Рио-де-ла-Плата, что лишь политически подтвердило реально обозначившуюся к тому времени роль этого города как экономического центра всего региона и предопределило его превращение в колыбель национальной культуры. Если в начале XVIII в. губернаторство Ла-Плата было наименее населенным, то в последней трети столетия, судя по результатам переписи 1776—1778 гг. (см. табл. 1), число жителей одной лишь юрисдикции Буэнос-Айрес (название провинций согласно новому административному делению) превышало численность населения всех трех юрисдикций области Куэйо и многих других в бывшем губернаторстве Тукуман. Резкое преобладание белых над прочими группами (68%) также выделяло район Буэнос-Айреса внутри вице-королевства и во всей Испанской Америке. Впрочем, последнее обстоятельство трудно принять безоговорочно, так как в разных колониях при подсчете белых, в частности креолов, пользовались разными критериями. Можно говорить без всяких натяжек о креольско-метисном большинстве населения провинции Буэнос-Айрес, причем в прибрежном районе метисы больше, чем во внутренних областях, отличались от индейцев и в антропологическом, и в культурном отношении. Процент индейцев и негров, вместе взятых, здесь был в 1,5 раза ниже, чем в среднем по вице-королевству. В то время как во внутренних районах население увеличивалось главным образом благодаря естественному приросту, в прибрежном с развитием контрабандной торговли возобновился приток уроженцев из Испании и соседних колоний.

Физическое и культурное смешение населения, продолжавшееся в XVIII в., стало важным залогом формирования новой этнической общности в колонии. Старые этносоциальные связи рушились, замещаясь новыми, территориально-производственными, что ускоряло процесс зарождения нового рпо-платского этноса. Для этого исторического этапа была еще характерна неустойчивость хозяйственных связей между отдельными районами, региональная обособленность, отсутствие прочного экономического единства. По словам мексиканского ученого А. Ферреры, аргентинская колониальная экономика представляла «совокупность региональных натуральных экономик»⁹⁵. Это, видимо, слишком

спильно сказано, но региональная замкнутость действительно еще не была преодолена.

Однако, учитывая наличие факторов, тормозивших складывание единой этнической общности в колониальной Аргентине и закреплявших региональные различия, нельзя упускать из виду существование противоположных тенденций.

Уже на первоначальном этапе складывания этноса зародились основы будущей социально-экономической структуры Аргентины — латифундизм и скотоводство. Характер разделения труда между метрополией и колониями создавал определенные предпосылки для хозяйственного обособления провинций Аргентины в некую экономическую единицу со своим собственным производством и рынком. Целый ряд факторов сближал интересы всех трех районов колоний, способствуя усилению территориально-хозяйственных связей между ними. Для областей, вошедших впоследствии в вице-королевство Рио-де-ла-Плата (Тукуман, Куйо, Буэнос-Айрес), существовали общие «ворота в мир» — через горпорудный район Потоси, а затем через Буэнос-Айрес. Экономическим и культурным контактам способствовало отсутствие внутренних естественнотопографических рубежей на огромной территории, внешними границами которой служили Кордильеры на западе, Атлантический океан на востоке и владения Португалии на северо-востоке. Территориальная общность и сходство исторических судеб сближали интересы всех трех районов, содействуя развитию товарообмена и этносоциальных связей. Общее периферийное положение по отношению к основным политическим и административным центрам (Испании и колониальной империи) способствовало утверждению зачатков самостоятельности и независимости, стремлению к самоопределению.

Оторванность от метрополии этой обширной зоны накладывала отпечаток и на характер культурных процессов, способствуя накоплению общих для всего региона особенностей. В частности, на протяжении первых двух веков колонизации здесь не было построено ни одного крупного города, подобного таким центрам «испанизации», как Лима или Сантьяго-де-Чили с их многочисленными материальными и духовными ценностями⁹⁶. За исключением Тукумана, Кордовы и Санта-Фе, стоявших на торговом пути между Буэнос-Айресом и Потоси, все прочие поселения вплоть до второй половины XVIII в. представляли собой не более чем «горстку небольших домов с соломенными крышами»⁹⁷. Единственный университет существовал (с 1613 г.) в Кордове. В силу своей малочисленности и отсутствия тесных контактов с метрополией испанская господствующая прослойка не могла сдерживать рост элементов местной культуры. В работе, посвященной вопросам складывания особенностей испанского языка на Ла-Плате, шведский латиноамериканист Б. Мальмберг пришел к выводу, что «изолированность Ла-Платы явилась важным фактором, проявившимся здесь в разрыве с испанской традицией и в более глубоком развитии пародных тенденций»⁹⁸.

О том, что провинции Ла-Платы в колониальный период менее других подвергались «испанизации», писала и советский ученый М. И. Былинкина. В языке жителей этой южноамериканской области рано проявились особенности, отличающие его от испанского языка самой Испании. Они были связаны не только с индейскими заимствованиями, но и с переосмыслением испанской лексики. Уже в XVI и XVII вв. начали создаваться своя местная фразеология и свой словарь, отражающие специфику основных занятий населения и природных условий Аргентины. М. И. Былинкина привела несколько характерных «аргентинизмов», основанных на изменении исходного смысла испанских слов в провинциальных городах: *Plorona* — исп. «плачущая» — арг. «шпора»; *resado* — исп. «прибор, гарнитура» — арг. «конская упряжь»; *puesto* — исп. «пост» — арг. «хутор» и т. д. В колониальный период появился ряд новых пословиц и поговорок, неизвестных ранее в Испании и вошедших в язык Аргентины (например: *Pisarse el roncho*. — «Попасть в трудное положение», букв. «паступить на собственное почко, остушиться»⁹⁹).

В сложение региональных особенностей языка и других элементов культуры населения колониальных провинций Ла-Платы большой вклад внесли креолы и гаучо, по по-настоящему активно этот процесс начал развиваться в следующий период, когда сложились более благоприятные условия.

Социально-политические факторы интенсификации процесса этнообразования в конце XVIII — начале XIX в.

В последней трети XVIII в. в темпах заселения и характере территориального размещения населения колонии наступил перелом, который можно считать также одной из важных вех этнической истории страны. Вслед за принятием реформ Карла III стали рушиться те заслоны, которые тормозили формирование единого этноса на территории современной Аргентины. Реформы и вызванные ими перемены политического и экономического характера способствовали укреплению тех факторов, которые, согласно терминологии Ю. В. Бромлея, выступают в роли структурообразующей формы этноса¹⁰⁰. Культурная общность, которая сложилась за два с половиной предшествующих столетия, стала обретать свою собственную социальную структуру, что помогло ей «осознать себя, свое отличие от других таких же образований»¹⁰¹.

О причинах и характере реформ 70-х годов XVIII в., осуществленных испанской короной с приходом к власти Карла III, написано много обстоятельных работ. Здесь нет необходимости останавливаться на этом подробно. Главные преобразования выражались в политико-административной реорганизации колоний и предоставлении им новых свобод для внутренней и внешней торговли.

В 1776 г. испанским королем было проведено отделение ла-платских провинций от Перу и образование единой колонии — вице-королевства Рио-де-ла-Плата со столицей в Буэнос-Айресе, в состав которого вошли территории нынешних республик Аргентины, Уругвая, Парагвая и Боливии, а вслед за тем Буэнос-Айрес провозглашен «свободным» портом¹⁰². В Буэнос-Айресе обосновался двор вице-короля, было установлено прямое морское сообщение между столицей нового вице-королевства и Испанией. Выделение в самостоятельную политико-административную единицу, естественно, должно было отразиться на этническом развитии и росте этнического самосознания.

Превращение Буэнос-Айреса в столицу и первостепенный торговый порт Испанской Америки привело к росту его экономического значения и возрождению переселенческого движения на Ла-Плату как из внутренних районов вице-королевства, так и из самой Испании. Частью нового пополнения из метрополии были правительственные чиновники и их семьи, но в основном приезжали обедневшие дворяне со своими слугами, мелкие лавочники и представители более низких слоев населения, надеявшиеся на удачу в заокеанской колонии, к которой вел теперь самый близкий путь. К этому новому испанскому переселенцу, по нашему мнению, можно применить в известном смысле термин «иммигрант», чего нельзя было сделать по отношению к первооткрывателям, конкистадорам или основателям городов XVI—XVII вв. Спустя два века после завоевания прибывавшие в колонию испанцы оказывались уже иноэтничным элементом в рио-платском обществе, что обостряло аптагонизм между креолами и испанцами. Современный испанский историк Эриандес-и-Санчес Барба, изучавший испанскую эмиграцию в Америку в XVIII в., объяснил возникновение конфликта приходом «новых» испанцев к управлению политической и экономической жизнью колонии и вытеснением «старых креолов», отцы, деды и прадеды которых верно служили королю и не раз жертвовали ради этого своей жизнью¹⁰³. Более глубокие причины крылись, очевидно, в противоречии интересов креольских скотоводов и купцов, боровшихся за полную свободу торговли, интересам испанских купцов-монополистов и их местных агентов, стремившихся сохранить отсталость колоний и свои привилегии.

Реформы Карла III, принятые не без давления креолов, искавших выхода местной продукции на внешний рынок, не уничтожили главных препятствий развитию производительных сил колонии — латифундизма и регламентации экономической жизни в интересах метрополии. Все же некоторые из реформ имели революционизирующее значение, обострив противоречия между метрополией и колониями и ускорив тем самым созревание этнического самосознания у населения Рио-де-ла-Платы. Ослабление торгового режима дало мощный толчок развитию торговли и скотоводства, ставших социально-экономической основой процессов этнической консолидации. Скотоводство и связанные с ним

отрасли хозяйства объединили общими производственными предприятиями различные слои все еще немногочисленного населения Ла-Платы. К концу XIX — началу XX в. численность его возросла по сравнению с серединой XIX в. примерно вдвое, но все же не превышала 500 тыс. человек. Разрешение свободы торговли между провинциями и городами нового вице-королевства способствовало более тесным контактам Буэнос-Айреса и побережья с внутренними областями. Рост обмена ускорил процесс образования внутреннего рынка — необходимого условия формирования колониальной буржуазии, сделавшей к тому времени свои первые шаги¹⁰⁴.

В 1782 г. вице-королевство было разделено на восемь интенданств. Во главе каждого из них стоял губернатор, за исключением интенданства Буэнос-Айрес, которое подчинялось непосредственно вице-королю. Новое административное деление покончило с прежней политической автономией провинций, и тем самым способствовало сближению ранее разобщенных групп населения. В то же время гегемония Буэнос-Айреса по отношению к другим интенданствам несла в себе зародыши будущих конфликтов.

Выгодное положение и возросшее значение порта увеличивали контраст между богатым Буэнос-Айресом и бедными внутренними провинциями. Большое количество серебра, добывавшегося в Верхнем Перу, оседало в руках буэнос-айресских купцов, так как европейские товары, поступавшие теперь через этот город, в глубине страны стоили в 3—4 раза дороже, чем в Буэнос-Айресе¹⁰⁵. Упадок традиционного домашнего ремесла и текстильного производства Тукумана, Кордовы, Сантьяго-дель-Эстеро, не выдерживавших конкуренции с импортными товарами, хлынувшими на Ла-Плату через Буэнос-Айрес, вел к обнищанию низших слоев населения, увеличению числа незанятых людей, оттоку жителей внутренних областей в прибрежный район. Население провинции Буэнос-Айрес росло наиболее быстрыми темпами. В 1774 г. в черте города проживало 12 тыс., в 1778 г. — 24 тыс., а в 1797 г. (по неполному цензу Феликса де Асара) — 40 тыс.¹⁰⁶ Для сельской зоны эти темпы были не менее высокими: население здесь увеличилось соответственно с 7 тыс. до 13 и 32 тыс. Данные переписи 1806—1807 гг. по 12 из 20 округов Буэнос-Айреса показали общую численность белого населения 17 307 человек, негров и мулатов 6576, индейцев и метисов 395. По мнению Х. Комадрана Рунса, доля европейцев среди белых жителей Буэнос-Айреса, возможно, не превышала 10%¹⁰⁷. Но по сравнению с 1776—1778 гг. соотношение расовых групп в прибрежном районе заметно изменилось в пользу белого населения, в состав которого, как и прежде, включали не только креолов, испанцев и других европейцев, но и частично метисов.

Результаты подсчетов по расовым группам для интенданств северо-запада в 1795 г. показали, что в Тукумане и Катамарке доля белых (испанцев и креолов) составляла только 1/4 населе-

ния (в Жужуе — лишь 4%), а в Сальте и Сантьяго-дель-Эстеро приближалось к 50%¹⁰⁸. Еще менее развернутые данные сохранились по интендантству Кордова (юрисдикции Кордова, Мендоса, Сан-Хуан, Сан-Луис, Ла-Риоха). Согласно оценке губернатора Рафаэля Собремонте, в 1788 г. население этого района насчитывало 79,4 тыс. человек и состояло из 26,8 тыс. белых (34%) и 52,6 тыс. мулатов, метисов, индейцев и негров (66%)¹⁰⁹.

Сравнение данных переписи 1776—1788 гг. с соответствующими показателями конца XVIII в. свидетельствует о том, что с ростом социально-экономической поляризации «Буэнос-Айрес — остальные провинции», усиливалась расовая и этнокультурная дихотомия. На атлантическом побережье росла абсолютно и относительно креольско-европейская прослойка, а во внутренних районах в целом более высокой оставалась доля смешанного испано-индейского населения, а также негров и мулатов.

Социально-экономические изменения последней трети XVIII в. коснулись главным образом прибрежного района. Именно здесь в рамках колониальной системы и в борьбе с нею на базе скотоводства и торговли раньше всего развились элементы новых капиталистических отношений и натуральное хозяйство вытеснялось товарно-денежными отношениями. Причем внешняя торговля превратилась в наиболее динамичный сектор экономики, обеспечивавший рост зачатков капитализма. До 1778 г. ежегодный вывоз шкур составлял 150 тыс. штук, к 1783 г. он достиг 1,4 млн.¹¹⁰ Подавляющее большинство их шло в Англию и Францию, принося до 500% прибыли в год. С 1792 г. начался экспорт соленого и вяленого мяса, но лишь к середине XIX в. производство мяса на экспорт превращается в отдельную отрасль хозяйства. Учитывая большую доходность торговли соленым мясом, в Севилье еще в 1778 г. была издана инструкция о способе соления мяса и его преимуществах, направленная на содействие развитию этой отрасли в колониях.

Соль добывали в основном в Салинас-Грандес — солончаках на территории Патагонии, контролируемой индейцами. Поэтому обозы, направлявшиеся на поиск соли, сопровождалась специальными военными отрядами и соль, доставлявшаяся в Буэнос-Айрес, приобретала высокую цену, что значительно повышало стоимость соленого мяса. И все же первые солильни означали определенный переворот в хозяйстве. Их организация предполагала четкое разделение труда и концентрацию работников в специально отведенном месте. На смену обычному убою животных под открытым небом, снятию и сбору шкур вручную пришла пусть и примитивная, но машинная техника. На солильнях работали в основном неоны — негры и гаучо, но с увеличением числа таких предприятий появились и квалифицированные работники из метисов и креолов, а также из недавних европейских переселенцев.

Преобразования конца колониального периода стимулировали дальнейшее развитие социальной структуры колониального об-

щества в прибрежном районе. Появились новые социальные группы среди собственников и торговцев, увеличилась численность наемных работников. В центральных провинциях пампы экономическое господство перешло в руки небольшой горстки крупных испанских торговцев-монополистов. В этой группе были и высшие колониальные чиновники. В среде креолов главная роль перешла к помещикам-скотоводам, тесно связанным с крупными испанскими посредниками. Либерализация внешней торговли укрепила также узкую прослойку местных купцов, выделившихся из креольских эстансiero (владельцев скотоводческих эстансий) еще в период контрабандной торговли. Креолы, ставшие хозяевами первых мануфактур, солилен, дубилен, образовали «индустриальное ядро»¹¹¹, как не совсем удачно для того времени называют их современные аргентинские социологи. Креолы захватили руководство ремесленными цехами, в которые объединились владельцы ремесленных предприятий. В мастерских сначала работали негры рабы и зависимые индейцы, позже к ним присоединились метисы и мулаты. Мало кто из белых занимался ремеслом¹¹², большинство же считало его зазорным для себя.

По мере заселения пампы новыми колонистами граница с индейцами отодвигалась все дальше к югу. Но лишь немногим небогатым поселенцам-колонистам удавалось прочно обосноваться на земле. Земледелие развивалось очень медленно. Предпочтение по-прежнему отдавали скотоводству, которым стали заниматься все большие массы населения. О далеко зашедшем социальном расслоении среди занятых в этой основной отрасли хозяйства свидетельствовало наличие нескольких социальных групп внутри так называемого «низшего» класса: мелкие собственники, торговцы, надсмотрщики, свободные наемные работники, пеоны, рабы¹¹³.

Сходные условия существования и усилившаяся концентрация трудового населения становились залогом роста его этнической однородности.

В городах культурные различия внутри богатых и немущих слоев населения также все больше стирались. Рабы, полузависимые и свободные работники из бедноты жили в одних и тех же «*rancherías*». Раньше так называли ту часть города, в которой селили индейцев, в отличие от другой, предназначенной для испанцев¹¹⁴. Ремесленники, прислуга, батраки смешивались в одну группу, для которой были характерны общность языка, религии и бытовой культуры.

Процесс этнической консолидации шел параллельно с укреплением социально-культурных различий, характерных для классового общества. В испанских колониях Америки эти различия усугублялись тем, что для правящей верхушки и креольской элиты было характерно тяготение к испанским традициям, а народные обычаи и культура немущих масс населения насыщались в большей степени индейскими и частично африканскими

элементами. В сельской зоне эта общая панорама мало отличалась от городской, по все же социальные различия в провинции были менее заметными. Расово-культурное смешение не встречало в деревне преград в виде столь строгого контроля со стороны общества, который осуществлялся в городах.

Вне социальной структуры освоенных районов пампы находились непокоренные индейцы. Рубеж, отделявший на юге земли незавоеванных аборигенов, в конце XVIII в. проходил по р. Рио-Саладо, а от ее верховьев шел на запад, пересекая необработанные земли, — к Андам¹¹⁵.

Еще одной отличительной чертой этносоциальной структуры населения вице-королевства, особенно прибрежного района, стало образование заметной прослойки выходцев из стран Европы (пенсиянцев) и их потомков, несмотря на существовавшие в отношении иммиграции запреты. Иностранный компонент, по мнению Джинно Джермани, придавал своего рода открытый, «космополитический» характер колониальному обществу Рио-де-ла-Платы (*la sociedad porteña*), по сравнению с другими испанскими колониями Америки. Джермани считает в связи с этим, что ла-платское общество было «самым демократичным» во всей колониальной империи Испании, чему способствовало раннее проникновение капиталистических отношений в гетерогенную этнорасовую структуру¹¹⁶. Приведенный вывод следует почитать условно, так как многочисленные свидетельства, в том числе содержащиеся в работе Джермани, говорят о все возрастающей маргинальности «цветного» населения (*la gente inferior*) по отношению к колониальной элите (*la gente principal*), т. е. об «ограничении форм участия метисов в тех сферах, в которых, согласно определенным критериям, им следовало бы участвовать»¹¹⁷. Вместе с тем представляется плодотворной другая мысль автора: наличие «иностранной» прослойки способствовало более быстрой трансформации этносоциальной структуры Аргентины в будущем (конец XIX — начало XX в.) — в период массовой европейской иммиграции, которая как бы «вливалась» в проложенное ранее русло.

Усиление местной креольской знати являлось закономерным результатом развития производительных сил в колонии. Активизация хозяйственной жизни обострила социальные и этнические отношения, ускорив созревание революционной ситуации на Рио-де-ла-Плате. По мере концентрации в прибрежной зоне белого населения все более углублялись противоречия внутри испано-креольской элиты. Креольская скотоводческо-торговая верхушка рвалась к власти. Участились выступления креолов против правящей испанской группы. Столкновение интересов местных помещиков-скотоводов, вовлеченных в товарное хозяйство, и нарождавшейся ла-платской ремесленно-торговой буржуазии с интересами узкой привилегированной происпанской прослойки купечества и высшей колониальной администрации явилось одной из причин будущего разрыва с Испанией и со-

действовало пробуждению единого этнического самосознания у креолов. Являясь уроженцами страны, они были фактически лишены привилегий, которые дает власть.

Наряду с этим, как уже упоминалось, креольская элита начала резко подчеркивать свою сословную «избранность» по отношению к «низшим» группам населения колонии. Креолы добились официальных распоряжений, ущемлявших права метисов. Метисы, не говоря уже об индейцах и неграх, стали объектом расовой дискриминации. Участились случаи недопущения их в начальные школы и другие учебные заведения. Строгое расовое разделение распространяется на брачно-семейные отношения, цеховые объединения, религиозные общины и т. д.¹¹⁸ В некоторые ремесленные цехи метисов перестали принимать даже учениками. Здесь уместно привести замечание Магнуса Мёрпера применительно ко всем колониям Испании в Новом Свете о том, что наступление на права метисов должно рассматриваться в общем контексте политической борьбы внутри колониальной элиты¹¹⁹.

Ухудшение положения «цветного» населения, санкционированное сверху, увеличивало число уроженцев колонии, недовольных существующей системой, что объективно сближало их между собой. В конце XVIII в. широкие индейские выступления охватили северные и западные провинции, особенно Сан-Хуан и Тукуман.

Пробуждение местной инициативы, усиление попыток освободиться от притеснений метрополии и от ограничений в экономике способствовали с середины XVIII в. заметной либерализации духовной жизни, подавляемой в предшествующий период католической церковью. Прежние концепции испанских иезуитов, господствовавшие в идеологии и культуре, — центром распространения их был католический университет в Кордове — направляли духовную жизнь в жесткое русло церковной и теологической схоластики. С изгнанием иезуитов (1767) был отменен запрет 1560 г. публиковать что-либо в колониях без цензуры короля и Совета по делам Индии. В связи с этим заслуживает внимания мнение аргентинского профессора литературы Висенте Кесады о том, что скудость интеллектуальной продукции на всем протяжении колониального периода должна приписываться не столько отсутствию собственно креольской идеологии, сколько существованию запретов на свободомыслие¹²⁰. Оживление и прогресс в культурной жизни проявлялись в создании новых учебных заведений, хотя образование продолжало оставаться монополей католической церкви и посещать школы могли немногие. В 1783 г. в Буэнос-Айресе был основан первый колледж — Сан-Карлос, который готовил мальчиков к поступлению в университет. Примечательно, что и в это привилегированное учебное заведение принимали только законнорожденных детей, т. е. обладавших свидетельством о христианском вероисповедании и «чистоте испанской крови». Выходцами колледжа стали

М. Бельграно, М. Морено, Б. Ривадавия и другие выдающиеся революционные мыслители и прогрессивные общественные деятели Аргентины¹²¹.

Ослабление монополии торговли расширило поток товаров и книг, доставляемых на Ла-Плату из Европы, в том числе (нелегально) европейской революционной литературы. Идеи французских просветителей, а позже — революционная война английских колоний в Северной Америке 1776—1783 гг. и Французская революция 1789 г. оказали серьезное влияние на мировоззрение будущих деятелей аргентинского освободительного движения и на формирование у более широких кругов населения революционного сознания, «уже подготовленного изменившимися материальными условиями жизни в колонии»¹²².

В 1802 г. в Буэнос-Айресе появилось первое местное светское печатное издание. Вскоре были опубликованы работы будущих революционных деятелей, в которых они намечали пути революционных преобразований в экономике, торговле, системе народного просвещения, основанных на буржуазно-демократических идеях свободы, экономической и политической независимости, равенства и неприкосновенности собственности. Сепаратистские тенденции развивались в среде наиболее прогрессивной молодежи из креольских торгово-помещичьих кругов и интеллигенции. Первый революционный кружок «якобинцев» сгруппировался в Буэнос-Айресе вокруг Мариано Морено. Деятельность молодых патриотов в подготовке и осуществлении Майской революции 1810 г. высоко оценивается аргентинскими историками. Менее отчетливо прослеживают они тот факт, что так называемое «просвещенное меньшинство» представляло интересы зарождавшейся, хотя и не выделившейся еще в самостоятельный класс, торговой буржуазии, наиболее близко совпадавшие в тот период с интересами всего населения, что, собственно говоря, и определило буржуазный характер Майской революции.

В начале XIX в. новым фактором, ускорившим взаимодействие всех групп и слоев населения колонии, стали военно-политические события, предвосхитившие завоевание независимости.

Каковы были внешние и внутренние предпосылки крушения испанского колониального господства на Ла-Плате, в чем состоял характер Майской революции 1810 г. и каким был ход военно-революционных событий — на все эти вопросы читатель найдет ответы в книге А. И. Штрахова «Война за независимость Аргентины» (М., 1976). нас же интересует выявление последствий революции и предшествующих ей событий для этнического развития вице-королевства.

Вооруженная борьба против вторгшегося на Ла-Плату английского десанта (1806—1807) явилась мощным импульсом, усилившим тенденции к независимости. Только испанские колониальные чиновники во главе с вице-королем и высшее духовенство проявили покорность и неспособность дать отпор захватчикам. Освободительную кампанию возглавили креолы,

опиравшиеся на добровольцев из уроженцев страны и небольшой части испанцев. Отряд патриотов, начавший боевые действия против англичан, насчитывал 3 тыс. человек, из них 1 тыс. была набрана из регулярных частей, 700 человек — наездники-гаучо, остальные — пеоны и крестьяне, закрепощенные индейцы и рабы прилегающей к Буэнос-Айресу местности. В Буэнос-Айресе к отряду присоединились жители города. После первой победы на случай отражения повторных атак создавались новые батальоны из жителей разных провинций. Вскоре Буэнос-Айрес располагал вооруженным отрядом в 8 тыс. человек (население самого города к 1810 г. насчитывало 55 тыс.). Выходцы из разных этносоциальных групп (включая даже рабов) объединились в борьбе против английских захватчиков. Каждый из них воевал за освобождение Буэнос-Айреса, в какой бы части колонии он ни родился. Сам факт интервенции, подготовка «своими силами» к контрнаступлению и последовавшая победа добровольцев оказали небывалое воздействие на пробуждение патриотизма среди большей части населения вице-королевства. В сознании людей рождалось новое понятие — Отечество.

Победа вооруженного народа в упорной борьбе с регулярными английскими войсками и создание освободительной армии, командование которой в значительной мере перешло в руки креольских патриотов, имели решающее значение для развертывания широкого освободительного движения на Ла-Плате, окончившего в конечном счете с трехвековым испанским колониальным режимом.

Весь ход социально-экономического развития колонии показывает, что возникновение идеи независимости и революционной ситуации на Ла-Плате было результатом внутренних, глубинных процессов, в том числе связанных с формированием в бывшей колонии новой этнической общности. Поступательное развитие производительных сил на Ла-Плате пришло в острое противоречие с характером общественных отношений, с теми ограничениями, которые налагывала на них метрополия. В недрах колониальной системы рождался новый этносоциальный организм со своим этнокультурным и социальным ядром, который раньше или позже должен был «отпочковаться», порвать мешавшие его росту колониальные путы. Сравнительно немногочисленной про-испанской группировке противостояла новая этническая общность уроженцев колонии, считавших ее своей родиной.

Испаноязычный «рио-платский» этнос не был еще достаточно монолитным ни в социально-экономическом, ни в культурном планах, но первооснова его, несомненно, существовала. К моменту завоевания независимости сложились внутренние экономические связи, специфическая экспортная направленность хозяйства, своеобразные формы пастушеского скотоводства, общность языка, религии и характерные особенности креольско-метисной культуры. Следовательно, колониальный период можно

считать самостоятельным этапом в становлении будущего аргентинского этноса.

Определить этническую сущность этносоциального организма, сложившегося к концу колониального периода в тогдашнем вице-королевстве Рио-де-ла-Платы, довольно сложно. Для этой «промежуточной» в типологическом отношении категории нет соответствующего научного термина.

Испаноязычная «рио-платская» этническая общность формировалась сравнительно непродолжительное время (середина XVI — начало XIX в.) в своеобразных условиях многоукладной экономики. Развитие капитализма в Аргентине колониального периода затронуло только скотоводческое хозяйство, которое вследствие колониальной зависимости ориентировалось на внешнюю торговлю. При всей мозаичности расового и этнического состава населения специфика сложения «рио-платской» этнической общности проявлялась в однородности таких этнообразующих факторов, как язык (испанский) и религия (католическая). Удаленность Рио-де-ла-Платы от Испании и большая, чем у других колоний, «оторванность» от метрополии способствовали сложению самобытных элементов культуры. Тем не менее колониальная зависимость и влиявшие испанских культурных норм сдерживали рост зачатков самостоятельности. В столь противоречивых условиях протекал процесс этнообразования. В результате степень развития тех или иных сторон этноса, объединяющих его связей (хозяйственных, политических, культурно-бытовых, психологических) была неодинаковой. Например, в социально-экономической сфере наряду с сохранением феодальных и даже дофеодальных форм развивались элементы буржуазных отношений, подготовившие дальнейший переход народности в нацию. В то же время такой важный этнический определитель, как этническое самосознание, не достиг еще необходимой степени развития. Единого этнонима не существовало.

Исторически сложившееся политическое единство и наличие экономических связей внутренних областей с прибрежным районом пампы способствовали сплочению населения, но существовал и целый ряд дезинтегрирующих факторов. Социально-экономическая отсталость, противоречия в развитии северо-западных областей и провинции Буэнос-Айрес, региональные различия в складывании населения тормозили формирование этносоциального единства на всей территории Аргентины.

¹ *Ibarra Grasso D. E. Argentina indígena y prehistoria americana. Buenos Aires, 1967, p. 26.*

² *Canals Frau S. Las poblaciones indígenas de la Argentina. Buenos Aires, 1953, p. 472.*

³ *Palavecino E. Áreas y capas culturales en el territorio argentino.— Notas del Museo de Historia natural San Rafael. Mendoza, 1977, N 18, p. 29.*

⁴ *Ibid., p. 29.*

⁵ *Nordeskiöld E. Precolumbische Wohn- und Begräbnisplätze an der Süd-Westgrenze von Chaco. Stockholm, 1903; Metraux A. Ethnography of the Chaco.— In: Handbook of South American Indians, Washington, 1946, t. 1.*

- ⁶ *Palavecino E.* Arcas y capas culturales..., p. 25.
- ⁷ *Ibid.*, p. 14.
- ⁸ Федерико Эскалада объединил охотничьи племена пампы и Патагонии до переселения сюда арауканов в один большой этнорасовый тип, так называемый «комплекс техуэльче». Согласно его делению, патагонцы, или южные техуэльче, имели этноним «аони-кенк». *Escalada F.* El complejo "Tehuelche".— In: Estudios de etnografía patagónica. Buenos Aires, 1949, p. 69.
- ⁹ Cronistas de las culturas precolombinas. México — Buenos Aires, 1963, p. 566.
- ¹⁰ *Canals Frau S.* Las poblaciones indígenas..., p. 118.
- ¹¹ *Rosenblat A.* La población indígena y el mestizaje en América. Buenos Aires, 1954, t. I, p. 88.
- ¹² *Dífrieri H. A.* Población indígena y colonial.— In: La Argentina. Suma de geografía. Buenos Aires, 1961, t. VII, p. 24.
- ¹³ *Puiggrós R.* Historia económica del Río de la Plata. Buenos Aires, 1945, p. 19.
- ¹⁴ *Vázquez de Espinosa A.* Compendio y descripción de las Indias Occidentales. Washington, 1948, p. 638—641, 642.
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 622—631.
- ¹⁶ *Rosenblat A.* La población..., t. II, p. 129.
- ¹⁷ *Carol Paz J. L.* La cultura indígena, la cultura criolla y la cultura popular en la Argentina.— Anuario Indigenista, México, diciembre 1973, XXXIII, p. 159.
- ¹⁸ *Mörner M.* La corona española y los foráneos en los pueblos de indios en América. Estocolmo, 1970, p. 188.
- ¹⁹ *Ibidem.*
- ²⁰ *Carol Paz J. L.* La cultura indígena..., p. 159.
- ²¹ *Zorraquín Becú R.* La movilidad indígena y el mestizaje en la Argentina colonial.— Jahrbuch für Geschichte vor Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas, Köln, 1967, Bd 4; *Endrek E.* El mestizaje en Córdoba. Siglo XVIII — principios del XIX.— Cuadernos de historia, 1966, N 33; *Comadrán Ruiz J.* La evolución demográfica argentina durante el período hispano. 1535—1810. Buenos Aires, 1969.
- ²² *Lehmann V. G.* El corregidor de indios en el Perú bajo los Austrias. Madrid, 1957, p. 513 (Цит. по: *Mörner M.* La corona española..., p. 105).
- ²³ *Луншуйц А.* О некоторых новых аспектах чилийской этнографии.— В кн.: Культура Чили. М., 1968, с. 234.
- ²⁴ *Endrek E.* El mestizaje en Córdoba..., p. 5.
- ²⁵ *Comadrán Ruiz J.* La evolución..., p. 31.
- ²⁶ *Фостер У.* Очерк политической истории Америки. М., 1955, с. 80.
- ²⁷ *Konetzke R.* Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamérica 1493—1810. Madrid, t. I, p. 404—407.
- ²⁸ *Zorraquín Becú R.* La movilidad..., p. 62.
- ²⁹ Encomiendas de indios diaguitas documentadas en al Archivo Histórico de Córdoba.— Revista del Instituto de Antropología, Córdoba, 1961—1964, t. I — II, p. 6—29.
- ³⁰ Academia Nacional de la Historia: Actas Capitulares de Mendoza. Buenos Aires, 1945, t. I, p. 243.
- ³¹ *Levillier R.* Gobernadores del Tucumán. Madrid, 1920, t. I, p. 143.
- ³² *Zorraquín Becú R.* La organización política argentina en el período hispánico. Buenos Aires, 1959, p. 203.
- ³³ *Zorraquín Becú R.* La movilidad..., p. 78.
- ³⁴ *Ibid.*, p. 79.
- ³⁵ *Kossok M.* El virreinato del Río de la Plata. Su estructura económico-social. Buenos Aires, 1959, p. 29.
- ³⁶ *Штрахов А. М.* Война за независимость Аргентины. М., 1976, с. 99.
- ³⁷ Латифундизм — система землевладения, основанная на крупных поместьях. Общими чертами этой системы являются: широкое распространение наемного труда, сдача части земель в кабальную аренду крестьянам, технико-экономическая отсталость.

- 38 См. подробнее: *Zorraquín Becú R.* La movilidad..., p. 71—74.
- 39 *Rösenblat A.* La población..., t. II, p. 131.
- 40 Ibidem.
- 41 Compulsa de los Protocolos de los escribanos del siglo XVII y primera mitad del XVIII (цит. no: *Comadrán Ruiz J.* La evolución..., p. 53).
- 42 *Razori A.* Historia de la ciudad argentina. Buenos Aires, 1945, t. III, p. 40—49.
- 43 *Bazán Armando R.* Los indios de San Juan Bautista de la Ribera. Inedita, p. 19 (цит. no: *Comadrán Ruiz J.* La evolución..., p. 64).
- 44 *Corlazar A.* El folklore.— In: Qué es la Argentina. Buenos Aires, 1970, p. 216.
- 45 *Rösenblat A.* La población..., t. II, p. 128.
- 46 *Furlong G.* Misiones y sus pueblos de guaraníes. 1610—1813. Buenos Aires, 1962.
- 47 *Difrieri H. A.* Población indígena..., p. 44.
- 48 *Zorraquín Becú R.* La movilidad..., p. 63.
- 49 Пацци Латинской Америки. М., 1964, с. 250.
- 50 *Furlong C. G.* Los jesuitas y la cultura rioplatense. Montevideo — Buenos Aires, 1946.
- 51 *Фостер У.* Очерк политической истории Америки, с. 138.
- 52 Культура Аргентины. М., 1977, с. 16.
- 53 *Mantilla M. F.* Crónica histórica argentina. Buenos Aires, 1928, t. I, p. 137.
- 54 *Razori A.* Historia de la ciudad..., p. 50, 54.
- 55 *Morfani R.* El indio en la colonización de Buenos Aires. Buenos Aires, 1940, p. 25.
- 56 *Razori A.* Historia..., t. III, p. 82—83.
- 57 *Konetzke R.* Colección de documentos..., p. 280—281.
- 58 *Comadrán Ruiz J.* La evolución..., p. 43.
- 59 *Ravignani E.* La población indígena de las regiones del Río de la Plata y Tucumán.— In: Actas y trabajos científicos del XXV Congreso Internacional de Americanistas, Buenos Aires, 1934, II, p. 288—289.
- 60 *Besio Moreno N.* Buenos Aires, puerto del Río de la Plata, capital de la Argentina. Estudio crítico de su población. 1536—1936. Buenos Aires, 1939, p. 421—422.
- 61 *Gonzales J. V.* Historia argentina. La era colonial. Buenos Aires, 1957, p. 143.
- 62 *Arrili Gonzales B.* Los indios pampas. Buenos Aires, 1960, p. 98.
- 63 Ibid., p. 97.
- 64 Ibidem.
- 65 *Guarnieri J. C.* El gaucho. A través de los testimonios de su tiempo. Montevideo, 1951, p. 12.
- 66 *Lafuente Macháin R. M.* Los portugueses en Buenos Aires. Siglo XVII. Madrid, 1931, p. 85.
- 67 *Konetzke R.* La emigración española al Río de la Plata durante el siglo XVI.— In: Miscelanea americanista, Madrid, 1952, t. III, p. 309—310.
- 68 *Furlong C. G.* Los jesuitas y la cultura rioplatense. Buenos Aires, 1946.
- 69 *Lafuente Macháin R. M.* Los portugueses..., p. 86.
- 70 *Comadrán Ruiz J.* La evolución..., p. 75.
- 71 *Torre Revello J.* Sociedad colonial.— In: Historia de la Nación Argentina. Buenos Aires, 1956, t. IV, p. 358—359.
- 72 *Studer Scheuss de E. F.* La trata de los negros en el Río de la Plata durante el siglo XVIII. Buenos Aires, 1958, p. 87—88.
- 73 *Conti E.* El gaucho. Buenos Aires, 1945, p. 23.
- 74 *Ingenieros J.* La sociología argentina. Buenos Aires, 1946, p. 451.
- 75 *Mörner M.* Panorama de la sociedad del Río de la Plata durante la primera mitad del siglo XVIII.— In: Revista Estudios Americanos, Sevilla, 1959, N 92—93, p. 210.
- 76 *Zorraquín Becú R.* La organización..., p. 210.
- 77 *Alonso Piñeiro A.* La historia Argentina que muchos argentinos no conocen. Buenos Aires, 1976, p. 75.
- 78 *Zuluaga R. M.* La esclavitud negra en Mendoza durante el siglo XVII Inédito (цит. no: *Comadrán Ruiz J.* La evolución..., p. 40).

- ⁷⁹ *Comadrán Ruíz J.* La evolución..., p. 80—81.
- ⁸⁰ *Lizondo Borda M.* El Tucumán de los siglos XVII y XVIII.— In: Historia Nacional Argentina. Buenos Aires, 1938, t. III, p. 298.
- ⁸¹ *Zuluaga R. M.* La esclavitud... (цит. по: *Comadrán Ruíz J.* La evolución..., p. 52).
- ⁸² *Comadrán Ruíz J.* La evolución..., p. 80—81.
- ⁸³ *Masini J. L.* La esclavitud negra en Mendoza. Época independiente. Mendoza, 1963, p. 36.
- ⁸⁴ Documentos para la historia argentina. Buenos Aires, 1952, t. X, p. 507—509.
- ⁸⁵ *Endrek E.* El mestizaje..., p. 27.
- ⁸⁶ Ibid., p. 28.
- ⁸⁷ *Mörner M.* Race Mixture in the History of Latin America. Boston, 1967, p. 19.
- ⁸⁸ *Endrek E.* El mestizaje..., p. 29.
- ⁸⁹ Этимология этого слова до сих пор окончательно не выяснена.
- ^{90—91} *Ионин А. С.* По Южной Америке. СПб., 1903, с. 271.
- ⁹² *MacCann W.* Viaje a caballo por las provincias argentinas. Buenos Aires, 1939, p. 72.
- ⁹³ *Bauer A.* Argentinien. Buenos Aires, [s. a.], p. 64.
- ⁹⁴ *Granada D.* Vocabulario rioplatense razonado. Montevideo, 1889, p. 63.
- ⁹⁵ *Ferrer A.* La economía argentina (цит. по: *Germani G.* La estratificación social y su evolución histórica en Argentina.— Argentina conflictiva, Buenos Aires, 1972, v. 12, N 48, p. 90).
- ⁹⁶ *Rösenblat A.* Base del español de América: Nivel social y cultural de los conquistadores y pobladores.— In: Revista de Indias, 1971, XXXI, n. 125—126, p. 72—73.
- ⁹⁷ *Mörner M.* Panorama..., p. 210.
- ⁹⁸ *Malmberg B.* La América hispanohablante. Madrid, 1966, p. 168.
- ⁹⁹ *Былинкина М. И.* Смысловые особенности испанского языка Аргентины. М., 1969, с. 28.
- ¹⁰⁰ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 38.
- ¹⁰¹ Там же, с. 37.
- ¹⁰² Декрет от 2 февраля 1778 г. включал Буэнос-Айрес в группу портов, которым была разрешена свободная торговля друг с другом и с Испанией.
- ¹⁰³ *Hernández y Sánchez Barba M.* La población hispanoamericana y su distribución en el siglo XVIII.— In: Revista de Estudios Políticos, Madrid, 1954, n. 78, p. 117—118.
- ¹⁰⁴ *Kossok M.* El virreinato..., p. 42.
- ¹⁰⁵ *Mörner M.* Panorama..., p. 75.
- ¹⁰⁶ Segundo censo de la república Argentina 1895. Buenos Aires, 1898, t. II, p. XIV.
- ¹⁰⁷ *Comadrán Ruíz J.* La evolución..., p. 85.
- ¹⁰⁸ Ibid., p. 89.
- ¹⁰⁹ Ibid., p. 91.
- ¹¹⁰ *Lévene R.* Lecciones de la historia argentina. Buenos Aires, 1947, t. I, p. 263.
- ¹¹¹ *Germani G.* La estratificación..., p. 90.
- ¹¹² *García J. A.* La ciudad india. Buenos Aires, 1954, p. 24—25.
- ¹¹³ *Puiggrós R.* Historia..., p. 43.
- ¹¹⁴ *Mörner M.* La corona..., p. 56.
- ¹¹⁵ *Kossok M.* El virreinato..., p. 75.
- ¹¹⁶ *Germani G.* La estratificación..., p. 90.
- ¹¹⁷ *Germani G.* El concepto de marginalidad. Buenos Aires, 1973, p. 68.
- ¹¹⁸ *Zorraquín Becú R.* La movilidad..., p. 85.
- ¹¹⁹ *Mörner M.* La corona..., p. 109.
- ¹²⁰ Цит. по: *Solari M. H.* Historia de la cultura argentina. Buenos Aires, 1957, p. 74.
- ¹²¹ *Селиванов В. И.* Культура колониальной Аргентины.— В кн.: Культура Аргентины. М., 1977, с. 21.
- ¹²² Там же, с. 20.

СТАНОВЛЕНИЕ АРГЕНТИНСКОЙ НАЦИИ

Майская революция 1810 г. — узловой момент в формировании аргентинского этноса

Испаноязычная этническая общность Рио-де-ла-Платы (как мы ее условно называем) не имела еще достаточно четких контуров ни в социокультурном, ни в территориальном отношениях. Некоторые периферийные области, административно подчинявшиеся вице-королевству, в дальнейшем вообще отпали от него (современные Боливия, Парагвай и Уругвай). Общие особенности культуры, которые складывались в течение трехвекового социально-экономического развития колонии, обрели возможность превращения в устойчивую совокупность этнических признаков в основном позже, в решающие для этногенеза аргентинцев десятилетия борьбы за независимость и социально-политическое единство.

Как уже говорилось, обострение социально-политической ситуации на Ла-Плате в начале XIX в. произошло в значительной степени под воздействием внутренних факторов — роста производительных сил и становления креольского этнического самосознания. Так называемая «креольская буржуазия» колонии представляла собой помещичье-торговую прослойку, состоявшую из помещиков-скотоводов, вовлеченных в товарно-денежные отношения и в складывающийся мировой капиталистический рынок. Более определенным новым элементом общественной структуры можно считать тогдашнюю ремесленную буржуазию городов, главным образом Буэнос-Айреса. Но те и другие в определенном смысле были единой силой, которая противостояла как испанским купцам-монополистам, опиравшимся на колониальную администрацию в регламентации местной торговли и производстве, так и реакционным помещичьим креольским группам, заинтересованным в сохранении старых порядков.

Представители либеральных креольских помещиков и зарождавшейся буржуазии вместе с молодыми интеллигентами, частью чиновничества и офицерства составили ядро революционного движения на Ла-Плате, которое опиралось на поддержку мелких земледельцев, неонов, гаучо и негров.

Как только вице-король опубликовал 18 мая 1810 г. манифест о событиях в Испании, члены тайного общества из креольских патриотов поставили вопрос о созыве открытого заседания муниципалитета (*cabildo abierto*) Буэнос-Айреса для решения вопроса о дальнейшей судьбе вице-королевства. Но только с помощью жителей Буэнос-Айреса, собравшихся на городской пло-

пещи у здания муниципалитета, удалось добиться решения о его созыве. 22 мая вся площадь и прилегающие к ней улицы снова были запружены народом. Под таким своеобразным давлением «пэвпе» было принято историческое решение кабильдо Буэнос-Айреса об упразднении власти вице-короля на Ла-Плате и об образовании креольского правительства. Однако реакционные силы пытались обойти это решение, и лишь вмешательство возмущенного населения города снова помогло сорвать планы контрреволюции.

25 мая власть вице-короля была свергнута и образовано креольское правительство. Эти исторические события, получившие название «Майская революция», положили начало новой эпохе — независимого политического существования — и явились важным рубежом на пути становления собственно аргентинского этноса.

В Буэнос-Айресе — столице бывшего вице-королевства и главным революционным очаге на Ла-Плате — была создана Временная правительственная хунта Ла-Платы, или Патриотическая хунта, которая лишь формально правила от имени Фердинанда VII. В состав ее вошли видные революционные деятели: Корнельо Сааведра, Хуан Хосе Кастельи, Марсело Морено, Мануэль Бельграно и др. Через пять дней вице-король был выслан из Буэнос-Айреса. Началась борьба за освобождение от колониального ига во внутренних районах страны, где нужно было сломить сопротивление контрреволюционных элементов. Испанцы располагали внушительными военными силами, сосредоточенными в Перу, которые были приведены в боевую готовность. Военные экспедиции хунты во внутренние области бывшего вице-королевства — Верхнее Перу, Парагвай и Монтевидео, колониальные власти которых отказались признать буэнос-айресское правительство, положили начало длительной войне революционной армии с происпанскими (роялистскими) войсками. Одновременно освободительная революционная война приобрела характер движения за государственное переустройство на капиталистических началах и за этническое самоутверждение. В. И. Ленин подчеркивал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке... Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения»¹.

Руководители революции пытались осуществить широкие социальные реформы, которые бы обеспечили беспрепятственное развитие страны по пути капитализма и прогресса. Однако сразу же после изгнания из Буэнос-Айреса испанских властей стали проявляться скрытые ранее противоречия в хозяйственных

и политических интересах различных социальных групп бывшего колониального общества: помещиков и католической церковной верхушки — с одной стороны, буржуазных элементов и более широких кругов населения — ремесленников, торговцев, солдат и офицеров, крестьянства, пеон и батраков — с другой; крупных скотоводов, кунечества, торговой буржуазии Буэнос-Айреса — и помещиков и скотоводов внутренних районов. Последние, экономически зависевшие от прибрежной провинции, без всякого доверия относились к попыткам буэнос-айресских влиятельных землевладельцев и торговцев захватить руководящее положение. Эти противоречия вызвали раскол в самой Правительственной хунте, что осложнило распространение революционных преобразований на территории Рио-де-ла-Платы. Большую роль при этом, как указывалось в советской исторической литературе, играли также слабость зарождавшейся буэнос-айресской буржуазии и ее неспособность завоевать всеобщую поддержку². Немногочисленная буржуазная прослойка была еще не в состоянии удерживать власть в своих руках и объединить страну на буржуазно-демократических началах.

Несмотря на сложность обстановки, в которой приходилось действовать хунте, и существующие внутри нее разногласия, в короткое время были проведены важные мероприятия для укрепления нового революционного режима и реорганизации старого колониального аппарата управления (ликвидирована королевская аудиенция, обновлен состав муниципалитета в Буэнос-Айресе, назначены новые креольские чиновники во внутренние провинции, в том числе интендант-губернаторы).

Программа политико-экономических мероприятий, разработанная наиболее прогрессивным крылом хунты, предусматривала предоставление государственных должностей креолам, наделение гражданскими правами индейцев, содействие развитию сельского хозяйства, торговли и различного рода промыслов³. Предложенная Мариано Морено аграрная политика была направлена на создание значительного слоя мелких земельных собственников. Вместо распределения земли в форме пожалований, как это делалось в колониальную эпоху, Морено предлагал продавать небольшие по размерам земельные участки, в которых были бы заинтересованы не латифундисты, а мелкие землевладельцы, арендаторы и безземельные крестьяне. Впервые было принято решение о мерах по привлечению европейских иммигрантов для колонизации пустующих земель, развитию земледелия и расширению внутреннего рынка. В соответствии с широким планом преобразований в области культуры и просвещения хунта поставила вопрос о подготовке реформы начальной школы, формировании единой системы народного образования, повышении жалования учителям, ассигновала средства для строительства новых школ. В специальном декрете хунты, касавшемся государственного аппарата, содержался свод демократических правил, которым должна была отныне руководствоваться новая администра-

ция страны. Важные меры были приняты для укрепления и демократизации молодых вооруженных сил, находящихся в руках креолов.

Революционная армия выросла из отрядов добровольцев. Она расширялась за счет выходцев из народа — креолов, гаучо, метисов, индейцев, негров. И хотя разделение отрядов по расовому признаку сохранялось, а в командный состав входили в основном креолы, порядки в армии для всех были едины. Привлечение в революционную армию всех этнорасовых групп населения во многом определило характер войны с испанскими колонизаторами и сыграло важную роль в генезисе этнического самосознания, в выработке общих языковых норм и т. д. Это было время ослабления расовых предрассудков и культурного сближения разных этнорасовых групп и социальных слоев города и деревни — так называемых «людей в плащах и мундирах» и «людей в пончо и чирипе», время подъема национального духа. Первые полки формировались из городского населения Буэнос-Айреса, что, по-видимому, имело определенное значение для распространения специфических элементов креольской культуры района Ла-Платы в северных и северо-западных областях и для их взаимодействия с пародной культурой этих областей.

В ожесточенной вооруженной борьбе с происпанскими и внутренними контрреволюционными силами основная масса населения сплачивалась вокруг нового руководства. Своими победами над испанцами во внутренних провинциях революционная армия была также во многом обязана поддержке простого народа. Все командиры патриотической армии указывали на помощь крестьян и батраков во время военных кампаний в Тукумане и Сальте⁴. Местное население этих провинций поднимало восстания в тылу испанской армии, организовывало партизанские отряды, снабжало патриотическую армию продуктами, одеждой и боеприпасами, пополняло ее ряды.

Особую страницу в историю освободительной войны вписали верхнеперуанские партизаны — герильеры, преградившие в январе 1815 г. путь испанским войскам в северные области Аргентины. В отрядах партизан — так называемых «республикетах» — состояли тысячи людей. Почти все повстанцы были индейцами или метисами. И хотя к концу 1816 г. испанскому командованию удалось разгромить основные силы повстанческих отрядов-республикет, эта подлинно народная война приблизила победу революционных сил на Ла-Плате. Благодаря действиям партизан в течение целого года освобожденные провинции охранялись от нашествия с севера (и с востока после взятия крепости Монтевидео в июне 1814 г.) и смогли создать Андскую армию Сан-Мартина, сыгравшую выдающуюся роль в окончательном освобождении от испанского господства всей Южной Америки.

Хосе де Сан-Мартин, сын индианки и испанского офицера, родившийся на северо-востоке Аргентины, провел свое детство

среди индейцев и метисов. Детские впечатления оставили глубокий след в его сознании. В восьмилетнем возрасте он попал в Испанию и впоследствии дослужился там до чина полковника. Увлеченный идеями Французской революции, 34-летний Сан-Мартин при первых же сведениях о событиях на Ла-Плате вернулся на родину и возглавил борьбу за свободу народа. Сан-Мартин сделал многое для того, чтобы привлечь в свою армию, формировавшуюся в Мендосе, индейцев и негров. По его инициативе было решено освобождать от рабства негров, вступавших в пехоту и кавалерию патриотов.

В бывшем вице-королевстве свободных негров и мулатов рекрутировали иногда в милицейские войска вспомогательного типа. Так, например, в Кордове милицейская рота из свободных мулатов предназначалась специально для того, чтобы освобождать место на площади для корриды и следить за порядком во время боя быков⁵. Теоретически быть в милиции считалось почетным (рабам вообще это было недоступно). Военная и духовная карьера в колониях, как и в самой Испании, существовала исключительно для «благородных»⁶. Специальным указом королевских «Законов Индий» запрещалось зачислять в солдаты мулатов, негров и метисов⁷. Только необходимость заставляла нарушать его, особенно когда речь шла о защите колониальных интересов.

Во время английского вторжения на Ла-Плату Буэнос-Айрес располагал лишь несколькими отрядами «цветных», которые потом влились в регулярное войско. Но революционная армия испытывала потребность в увеличении своей численности и не смогла ограничиться только свободными неграми и мулатами для формирования новых подразделений, прибегнув к помощи рабов. Этот акт изменил социальное и культурное положение рабов, облегчил их адаптацию к национальной жизни, особенно для «босалес» — повичков, недавно прибывших из Африки, каких в первые годы независимости было много⁸.

Если индейцы и гаучо проявляли доблесть в кавалерийских отрядах, то негры и мулаты действовали главным образом в пехоте, на долю которой выпала основная тяжесть войны. Хорошо известен эпизод, относящийся к 1817 г., когда армия Сан-Мартина возвращалась после победы над испанскими войсками в знаменитой битве при Чакабуко, принесшей освобождение Чили. Спустившись к подножию горы, где была могила павших, Сан-Мартин задержался возле нее, чтобы отдать дань их памяти, и воскликнул: «Бедные мои негры!»⁹ Большие потери среди негров и мулатов во время войны, видимо, привели к заметному сокращению этой группы, прежде одной из самых многочисленных. Следует также иметь в виду, что негры и мулаты, влившись в Андскую армию, продолжили свою военную службу в Чили и Перу. Только немногие из них, как утверждает Хосе Масиши, смогли вернуться на родину, чтобы насладиться полученной свободой¹⁰. Негры, мулаты, индейцы и гаучо явились главной удар-

ной силой освободительной армии. Они проявляли высокие боевые качества, значительно повысив боеспособность революционных войск. Этот факт, безусловно, сыграл важную роль во время работы Генеральной ассамблеи 1813 г., сделавшей первый шаг к ликвидации рабства и принявшей целый ряд других революционных декретов. В их числе закон о так называемой «свободе рожденья»: дети, родившиеся от рабыни, теперь становились свободными. Такая формулировка возникла не случайно. Она отражала отсутствие прочных семейных союзов среди негров, что, между прочим, было одной из причин утраты ими своей традиционной культуры. Был принят также закон, согласно которому получали свободу все рабы, вновь вступающие на землю Ла-Платы.

С этого времени институт рабства в экономике Аргентины начинает отмирать, хотя официально рабство было отменено лишь в 1853 г. К 1823 г. в г. Мендоса, например, из 2079 негров только 744, т. е. немногим больше 1/3, оставались рабами (по данным неполного ценса ¹¹⁾).

Ослабление расовых предрассудков и достижения на пути отмены рабства не покопчили, однако, с расовой сегрегацией. При этом положение свободных негров (так называемых «свободных по рождению») было менее тяжелым, чем бывших рабов («освобожденных»), которые образовали некую промежуточную категорию между рабами и подлинно свободными гражданами ¹²⁾.

В том же 1813 г. был принят декрет об индейцах, который ратифицировал резолюцию Правительственной хунты Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы от 1811 г. об отмене подушной подати с индейцев в пользу испанской короны. Резолюция началась словами, которые отражают дух Майской революции: «Самое ужасное, с чем столкнулось с первого же момента своего установления настоящее правительство, — это жалкое и унижающее состояние несчастной расы индейцев. Эти наши братья являются, без сомнения, самыми первыми сынами Америки, но они были лишены всех благ и преимуществ, которые дает родное Отечество» ¹³⁾. Декрет, принятый Ассамблеей, провозглашал отмену палого, окончательное уничтожение миты, янакопажа, энкомьенд и личного услужения индейцев и тем самым объявлял всех индейцев Объединенных провинций «совершенно свободными людьми, наделенными равными правами со всеми остальными гражданами» ¹⁴⁾. Документ надлежало распространить «во всех населенных пунктах указанных провинций, переводя его для более надежного эффекта на языки гуарани, кечуа и аймара» ¹⁵⁾. Декрет этот, к сожалению, остался только на бумаге. Индейцы не могли воспользоваться своим «равноправием» без серьезной предварительной помощи со стороны государства по поднятию их социально-экономического и культурного уровня. Как обнаружилось впоследствии, положение индейцев с принятием Конституции в определенном смысле явно ухудшилось. Объявив их свободными и равноправными гражданами, государство практически сняло с себя даже те формальные обязательства по защите

индейцев, которые в колониальный период были возложены законом на энкомендеро.

Большинство указов, объявленных Генеральной ассамблеей в 1813 г., в период папвыснего революционного подъема, не были до конца осуществлены, но их провозглашение оказало определенное воздействие на широкие народные массы, стимулировало их к политической активности, пробудив симпатии к революции и к буржуазно-демократическим преобразованиям.

9 июля 1816 г. на Национальном конгрессе в Тукумане впервые состоялось официальное провозглашение независимости нового государства — Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы. Этот акт закрепил победу Майской революции и нанес серьезный удар испанскому господству во всей Южной Америке. Однако независимым ла-платским провинциям угрожал натиск испанских войск со стороны Верхнего Перу. В обороне северных границ основное участие принимало население провинции Сальта, из которого сформировал свое войско губернатор Сальты генерал Гуэмес. В добровольцы шли все, кто мог носить оружие, даже женщины. Военные действия на севере продолжались вплоть до 1821 г. и получили название народной войны сальтских гаучо.

Впервые крестьян и батраков Тукумана и Сальты, оказавших помощь войскам патриотов, назвал «гаучо» генерал Сан-Мартин и с этим именем они вошли в историю. Но надо помнить, что сальтские гаучо жили в других условиях и отличались от своих тезок в пампе правами и обычаями. Аргентинский историк Эмилио Кони подчеркивал в известной книге о гаучо, что культура оседлых земледельческих племен, давних этническую основу крестьянам-метисам северо-запада, существенно различалась с культурой индейцев пампы, повлиявшей на образ жизни степных гаучо¹⁶. «Нигде на севере не организовывали «вакерий», нигде нельзя было встретить бродяжничества, столь характерного для степных гаучо,— писал Э. Кони,— гористые или лесистые местности не подходили для разведения скота, а в некоторых областях, как в Куио, недостаток влаги значительно снизил роль животноводства как основополагающего фактора в жизни населения»¹⁷. Земледельцы-скотоводы на севере всегда имели дом, постоянный очаг, клочок возделываемой земли, ткацкий станок. На возвышенных, каменистых склонах они предпочитали мула лошади и были ловкими мастерами в пользовании лассо, в чем смогли убедиться солдаты роялистской армии. Как считал Э. Кони, у сальтских гаучо дух патриотизма и готовность защищать свою землю, свой дом были выше, чем у бродячих пастухов-скотоводов пампы. Один из крупнейших аргентинских историков, крупный военный деятель и президент Аргентины (1862—1868) Бартоломе Митре заявил, что благодаря героизму, проявленному сальтскими крестьянами патриотами в этой войне, слово «гаучо», ранее звучавшее с оттенком неприязни, обрело ореол славы¹⁸. Победоносная борьба сальтских гаучо завершила войну за независимость Объединенных провинций Ла-Платы, явившую

ся продолжением Майской революции и высоко подняла репутацию гаучо. Услышать о себе или о своем сыне «муй гаучо», т. е. «в нем много от гаучо», считалось теперь высшей похвалой даже в самых респектабельных кругах. Гаучо превращается в символ независимости, национальной гордости, патриотизма.

Революционно-освободительная война стала фактором национального развития. За эти несколько лет в сознании народа произошли огромные перемены. Большое значение имели социальные преобразования, осуществленные революцией. Это была не просто замена испанского аппарата управления креольскими чиновниками. Революция открыла доступ креольской помещичье-торговой буржуазии к экономическому и политическому управлению. Был ликвидирован ряд феодальных институтов и ограничений, сковывавших социально-экономическое развитие. По словам А. И. Штрахова, «революция 1810 г., начавшись, как анти-испанская, вылилась в буржуазную»¹⁹.

Однако майская революция по своему типу может быть отнесена к так называемым «первым волнам» буржуазных революций в их раннем, незрелом варианте. Начавшая обуржуазиваться группировка разделила власть с представителями консервативных помещичьих групп. Сохранение латифундизма — главного пережитка феодальных отношений — также снизило ее прогрессивную роль. Тем не менее, узаконив новые формы политического устройства общества — формы буржуазного государства, революция открыла путь необратимым процессам, ведущим к формированию буржуазной аргентинской нации (предпосылки которой начали складываться еще в колониальный период²⁰).

В ходе войны за независимость усилилась внутренняя культурная сплоченность этнической общности и возросло этническое самосознание людей, т. е. произошло развитие главных отличительных признаков нации. Майская революция явилась, таким образом, узловым моментом социально-экономической и этнической истории Аргентины. Вместе с тем революция не означала, как это пытались представить позднее некоторые видные деятели культуры, некую начальную дату истории современной аргентинской нации. Антиисторизм подобных утверждений вскрыли сами аргентинские исследователи. Так, Р. Сервиньо писал, что «душу народа нельзя сменить на следующий день подобно тому, как мы меняем рубашку... Еще в колониальный период на территории нынешних аргентинских провинций при всей ориентации духовной культуры на метрополию сложились собственные традиции, свой индивидуальный образ жизни»²¹. В том же духе высказывались и другие аргентинские ученые, искавшие истоки уникальности своей культуры в колониальном прошлом, когда, по словам историка Гонсалеса, «смешение европейской и американской рас и смешение их культурных опытов через конфликт и ассимиляцию образовали народ и традицию сугубо аргентинскую»²². Несомненно, переломный момент в истории аргентинской нации был подготовлен всей предшествующей историей страны.

В недрах колониальной системы на территории вице-королевства уже сложились новые культурные традиции, носителями которых были массы метисного и креольского населения. Разрыв с метрополией, создание креольского правительства, а также вспыхнувшее национально-освободительное движение расковали, активизировали элементы «сугубо аргентинской» культуры, приведя их в более тесное взаимодействие. Подлинными героями войны стали салтские гаучо, а также негры, бывшие ранее наиболее угнетаемой и бесправной группой населения. В боях за независимость оформлялись черты новых социальных отношений, новой психологии, ростки которых обозначились еще раньше. Программы буржуазно-демократических преобразований, разрабатанные виднейшими вождями революции — Мануэлем Бельграно, Мариано Морено и другими, оставили глубокий след в сознании народа. Некоторые из намеченных мер удалось позже закрепить в конституциях страны, в том числе декреты об отмене рабства, о равенстве рас, о предоставлении гражданских прав индейцам.

В период революции правящие группы стремились завоевать поддержку народа. Выдвигаемые ими националистические лозунги отражали попытки замаскировать растущий классовый антагонизм внутри этнической общности. Креолы фактически действовали только от своего имени. Однако, заняв руководящее положение в обществе, они сыграли важную роль в становлении общенациональной идеологии и самосознания.

В то время как большая часть населения, вдохновляемая вождями революции Бельграно, Гомесом и Сан-Мартинем, объединилась в борьбе за освобождение страны, меньшая его часть относилась к этой борьбе с опасением и недоверием. Они во многом были вызваны вынужденными контрибуциями (людьми, имуществом и деньгами), которые революционные власти налагали на жителей внутренних районов и которые казались обременительными тем, кто не понимал или не разделял высоких целей революции.

Сложные процессы ломки социальной психологии и становления этнического самосознания в конкретной социально-политической обстановке революционной борьбы за независимость и объединение в Аргентине, совпавшей с начальной стадией формирования нации в этой стране, когда многие компоненты этноса вообще еще не созрели или не устоялись, проследить достаточно трудно. Специальных исследований, посвященных этой проблеме, нет. Между тем надежным, хотя и специфическим, источником проявлений народного самосознания того периода можно считать песенный фольклор на исторические темы. В нем отражались наиболее важные общественные события времени и их осмысление непривилегированными классами и слоями населения страны. Войны за независимость и национальное освобождение давали богатейшие сюжеты для народных поэтов. Недаром, как утверждает аргентинская исследовательница-фольклорист О. Фер-

паидес Латоур, народные песни исторического содержания пережили особый расцвет в XIX в.²³ Знакомство с богатым фольклорным репертуаром первой половины XIX в. показывает, как через противоречивое восприятие революции, свободолюбивые устремления и предрассудки шло развитие этнического самосознания народа — от локального провинциального к общеаргентинскому национальному.

Процесс становления национального самосознания в этот переходный период был сложным и по-своему болезненным как в народной среде, так и в «высших» слоях общества. Многие, безусловно, связывало испанцев и креолов с культурой метрополии, в том числе приверженность испанскому искусству, литературе, вкусам, традициям. Бывшие колонисты, столкнувшись с проблемой отделения от Испании, оказались вовлеченными в острые споры не только относительно характера и форм взаимоотношений с бывшей метрополией, но и по более широким вопросам, связанным с переоценкой ценностей, идей самоуправления, национализма и т. д. Борьба накалила страсти. Многие креолы ради сохранения культурных связей с Испанией готовы были отказаться от политической самостоятельности. Другие, напротив, призывали отречься от своего происхождения, но во что бы то ни стало отстаивать идею независимости. Однако благодаря революции духовное расторжение с Испанией уже стало ощутимой реальностью.

Первая конституция страны, принятая в апреле 1819 г. на Тукуманском конгрессе, санкционировала объединение страны под властью «национального» правительства с резиденцией в Буэнос-Айресе. День 25 мая был объявлен национальным праздником. Специальным декретом был принят национальный флаг и национальный гимн. Необходимо отметить, что употребление эпитетов «нация» и «национальный» выражало тогда, скорее, осознание необходимости государственного единства, чем реальное завершение национального объединения. Тем не менее, принятие конституции и прочих атрибутов государственности имело важное значение и для этнической консолидации.

На Тукуманском конгрессе 1819 г. было также принято название нового государственного объединения — Объединенные провинции Ла-Платы. Однако споры по этому поводу продолжались. Решался не только политический вопрос. Одновременно с названием государства по существу рождалось этническое самоназвание его народа. В официальных документах того времени встречались разные этнонимы: «американцы», «южные американцы», «американские испанцы», «американская нация» и реже — «аргентинский народ». Впервые эпитет *argentino* (испанизированная форма от латинского *argentum* — серебро) в значении «аргентинский» применил еще в 1602 г. Мартин Септесера в своей поэме о завоевании Рио-де-ла-Платы (Серебряной реки) Бразилии и Перу²⁴. После революции определение «аргентинский» завоевывает широкое признание. В 1815 г. начала вы-

ходить газета «La prensa Argentina», в 1816 г. — газета «La tribuna Argentina», в 1822 г. появился первый литературный журнал — «La abeja Argentina». Наконец, в декабре 1826 г. Генеральный конгресс Объединенных провинций принял новую конституцию — Конституцию Аргентинской Республики. С этого времени страна была переименована в Аргентинскую Республику или Аргентину.

Как заявил впоследствии идеолог молодого поколения аргентинской интеллигенции, так называемого «поколения 1837 г.», Эстебан Эчеверрия, в революционную эпоху именно в едином имени была найдена опора для политической гармонии и мира. «Каждый раз произноса не задумываясь: «Республика Аргентина, аргентинская территория, аргентинская семья, а не народ Сантьяго, или Кордовы, или Буэнос-Айреса», — мы подразумеваем свою общность, свое национальное единство»²⁵. Эти же слова почти буквально повторил другой крупный мыслитель и общественный деятель Аргентины Хуан Альберди: «Сознание национального единства, пройдя через многие испытания, воплотилось в новую романтическую эпоху в новом имени — Аргентина»²⁶.

Самопазвание «аргентинцы» не изменилось со временем, когда превратилось в настоящий этноним. И если, как отмечает в своей книге Ю. В. Бромлей, «...суть этнических общностей отнюдь не сводится к их самопазваниям, сколь устойчивыми бы они ни были»²⁷, то столь же верно, что существование этнического самопазвания отражает наличие более глубоких связей, объединяющих «людей одного этнонима, помимо этого чисто внешнего признака»²⁸.

Появление этнонима «аргентинцы» связано с рождением собственно аргентинского этноса, хотя в силу специфики условий своего формирования, о которой говорилось ранее, он не мог еще обладать достаточной монолитностью ни в пространственном, ни в структурном планах.

Первая конституция страны не определила форму управления Объединенных провинций, отразив острую внутриполитическую борьбу по этому вопросу между двумя главными противоборствующими силами национального развития — централистской и сепаратистской. Прогрессивная в тех условиях концепция централизованного государства отставалась так называемыми «унитариями», — выразителями интересов торговой буэнос-айресской буржуазии и землевладельцев, стремившихся к расширению внутреннего рынка и объективно — к созданию более благоприятных условий для развития капитализма. Противниками централизации — федералистами — были в основном крупные помещики, которые под флагом борьбы с гегемонией Буэнос-Айреса стремились закрепить провинциальную раздробленность и сохранить свои феодальные привилегии. Однако по существу с обеих сторон шла борьба за узкоместнические интересы. Объективной почвой для этого было слабое развитие капиталистических отношений и внутренних экономических связей. Буэнос-айресская

группировка пыталась навязать другим свои устремления, что не стимулировало единства и вызывало ответную центробежную реакцию. В 20-е годы начались военные столкновения между двумя противостоящими партиями, вылившиеся в своего рода гражданские войны. При всей условности определений «унитарии» и «федералисты» следует отметить, что борьба между двумя политическими группировками на долгие годы стала основным содержанием внутриполитической жизни страны.

Сепаратистское движение, охватившее страну в первые десятилетия независимого существования, привело к ликвидации национального правительства и созданию автономных провинций, в большинстве которых была установлена деспотическая власть местных каудилло. Они были наиболее крупными землевладельцами и военачальниками провинций, что давало им неограниченную власть. Для сохранения и упрочения этой власти большинство каудилло использовали противозаконные, жестокие методы борьбы. Объективно каудиллизм способствовал восстановлению консервативных порядков, сдерживал буржуазно-демократические преобразования и национальное объединение. Однако, как бы сильна ни была реакция, капитализм неуклонно развивался.

В провинции Буэнос-Айрес политический кризис разрешился с приходом к власти правительства Мартина Родригеса (1820—1823), при котором начался период так называемого «радикального обновления». Большую популярность в то время приобрел один из министров и будущий президент Аргентины Бернардино Ривадавия, который прилагал заметные усилия к объединению страны, проведению буржуазных реформ и созданию более благоприятных условий для развития капиталистических отношений в деревне. Мероприятия Ривадавии в области просвещения были направлены на создание собственной национальной культуры, независимой от контроля католической церкви и опирающейся на местную интеллигенцию. В то же время для расширявшейся сети светских начальных школ не хватало учителей, а для того что основанного в Буэнос-Айресе университета (1821 г.) — профессоров. Ривадавия всячески поощрял привлечение учителей и профессуры из Европы. Вновь возникает идея использования европейской иммиграции для решения важных внутренних экономических проблем. Однако политическая раздробленность и экономическая разруха послевоенных лет, усугублявшиеся беспокойной обстановкой в стране, сводили на нет правительственные мероприятия в этом направлении. Например, попытка О'Брайена, адъютанта Сан-Мартина, законтрактовать 200 европейских колонистов вовсе провалилась²⁹.

Одним из важнейших мероприятий в области аграрной политики было введение так называемой системы «энфитеусис», призванной, по мысли Ривадавии, содействовать заселению неосвоенных государственных земель свободными земледельцами-арендаторами в интересах создания более благоприятных усло-

вий для развития буржуазных отношений в деревне. Этот закон запрещал отчуждение государственных земель и захват их крупными помещиками. Земля передавалась во временное пользование сроком на 20 лет частным лицам, которые обязывались ее обрабатывать, выплачивая в фонд государства определенную ренту, причем в целях поощрения земледелия плата за землю, используемую под пастбища, назначалась более высокой.

Закон «энфитеусис» вызвал отлив людских резервов из городов в сельскую местность³⁰. Однако очень скоро он был изменен в пользу помещиков и скотоводов в ущерб земледельцам. Практически «энфитеусис» удалось частично провести в жизнь лишь в провинции Буэнос-Айрес.

Хотя реформы, проводившиеся по инициативе Ривадави, распространялись только на указанную провинцию, они имели общенациональное значение, так как способствовали развитию производительных сил страны, упрочению государственного единства и благотворно влияли на процесс складывания аргентинской нации³¹.

Еще одним фактором национального развития стало оформление национальной территории. В ходе войны за независимость произошло самоотделение от Объединенных провинций Парагвая и Восточного Берега (Уругвая). Верхнее Перу осталось в руках испанцев.

Уругвай вскоре после провозглашения независимости вновь присоединился к провинциям Ла-Платы (1825). Однако в том же году Бразилия, претендовавшая на территорию Уругвая, объявила войну Объединенным провинциям. Война с Бразилией окончилась в 1828 г. признанием Восточного Берега независимым государством. И хотя притязания Аргентины на Уругвай в дальнейшем возобновлялись, они так ни к чему и не привели. К концу 20-х годов границы Аргентины в целом определились, приблизившись к современным. Лишь на юге, за 36-й параллелью, лежали совершенно не освоенные области, населенные независимыми индейцами. Не имея возможности усмирить их силой оружия, власти старались сохранять с ними мирные отношения. Иногда это удавалось путем заключения так называемых «договоров» или закармливания. Индейцы в свою очередь заключали договоры с властями, когда им нужна была помощь или защита от других племен.

Война за независимость, снаряжение Андской армии Сан-Мартина, военные конфликты между провинциями и с соседними странами сопровождалась большими людскими потерями. Кроме того, от Аргентины отпали провинции, ранее входившие в вице-королевство, в том числе густо населенные Парагвай и Верхнее Перу. По существующим весьма приближенным оценкам, численность населения Объединенных провинций в первые десятилетия независимости упала с 720 тыс. в 1810 г. до 530 тыс. в 1816 г. и до 440 тыс. в 1820 г. С установлением относительного мира и спокойствия в последующие годы население Объединен-

ных провинций вновь стало увеличиваться, достигнув в 1826 г. 630 тыс. человек³². Примерно четвертая часть проживала в провинции Буэнос-Айрес.

Проследить за изменениями в этническом составе населения со времени провозглашения независимости можно лишь на основе косвенных данных. Хосе Инхеньерос в работе «Аргентинская социология» приводит примерные подсчеты по расовым категориям на разные периоды, по результаты их трудно сопоставимы между собой из-за несовпадения границ вице-королевства и Аргентины. Все же из сравнения данных на 1810 и 1826 гг.³³ можно сделать некоторые общие заключения. Удельный вес метисов по-прежнему рос опережающими темпами. Увеличивалась также доля белого населения. Абсолютная и относительная численность индейцев и негров падала. Принимая во внимание эти обстоятельства, а также учитывая эмиграцию контрреволюционных элементов, среди которых большая часть были испанцам, и прекращение притока иммигрантов в продолжение военных лет, можно предположить, что расовая и этническая однородность населения Аргентины усилилась. Это было важное слагаемое в сумме тех изменений, которые способствовали формированию аргентинского этноса.

Специфика развития этноса в период диктатуры Росаса

Наступление реакции на завоевания революции в конце 20-х годов XIX в. завершилось установлением в стране помещичье-клерикальной диктатуры Хуана Мануэля Росаса, просуществовавшей около 20 лет (1835—1852). Консервативно настроенные помещики одержали верх над либералами в борьбе за влияние на крестьян, ремесленников, батраков и сельскохозяйственных рабочих. Формально это была победа федералистов. Республику переименовали в Конфедерацию. Диктаторский режим юридически не распространялся на всю страну, и провинции управлялись на основе местных конституций, но фактически они попали под власть Росаса. По словам Хосе Инхеньероса, «вместо демократического европеизированного государства, о котором мечтали аргентинские революционеры, была образована федерация обширных феодалов, владельцы которых — каудильо — управляли массами метисов»³⁴.

Выходец из семьи владельца скотоводческой эстансии, Росас делал ставку на крупных землевладельцев и каудильо провинций. Он упразднил «энфитеусис», прибегнув к широкой распродаже государственных земель латифундистам, в том числе помещикам пограничных районов, стремившимся к тому же расширить свои владения путем захвата индейских земель. Развитие капитализма в Аргентине пошло по «помещичьему, полуфеодальному»³⁵ пути.

Имея в виду зловещие последствия политического террора эпохи Росаса для свободы и культуры, прогрессивный аргентинский историк и критик Рикардо Рохас назвал этот период в истории страны «нашим средневековьем»³⁶. По словам другого аргентинского историка Бенито Марианетти, Росас управлял страной, как отсталый помещик-скотовод, и политических противников уничтожал так же хладнокровно, как забивал скот³⁷. Вероломной и жестокой политикой диктатор сумел пресечь борьбу между сторонниками феодального сепаратизма, оплотом которого стали в основном внутренние провинции, и централистами из торгово-буржуазных кругов столицы и создать видимость единства в рамках федеративной структуры государства.

Еще в начале своей карьеры, чтобы заручиться поддержкой крупных скотоводов и каудильо западных провинций (Сан-Луис, Кордова, Мендоса и Сан-Хуан), нуждавшихся в новых настипах и источниках патагонской соли для производства солонины, Росас в марте 1833 г. предпринял военную экспедицию против арауканизированных индейцев юго-западной пампы. За год было уничтожено около 10 тыс. аборигенов и захвачено почти 500 тыс. га земли между реками Лимай и Неукен³⁸. Из них 150 тыс. га в награду за успешную кампанию получил сам Росас. Злодейская расправа над индейцами, учиненная солдатами, потрясла Чарльза Дарвина, оказавшегося очевидцем этих событий³⁹.

Для «решения» индейской проблемы эта кампания не имела решающего значения, так как вскоре индейцы, объединившись в сильную федерацию племен пампы и патагонии, вернули фронтеру к прежним рубежам. Чтобы впредь не расходовать понапрасну военные силы, необходимые для поддержания диктаторского режима, Росас вернулся к прежней политике подкупа незамирных индейцев. Правительство присваивало военные звания капитанов, полковников и даже генералов старейшинам племен и платило им своего рода дань. Для поддержания спокойствия и мира на границе с индейцами Росас ежегодно расходовал большие суммы из государственного бюджета на так называемые «подарки» в виде табака, йербы, сахара, манса, соли, скота, водки и вин. По свидетельствам документов, эти постоянные подачки развращали индейцев и содействовали распространению алкоголизма. Последнее, по мнению прогрессивного аргентинского историка Бернардо Гонсалеса Аррили, делалось сознательно, чтобы «легче было держать бедных индейцев в повиновении»⁴⁰.

Росас всячески старался привлечь на свою сторону простой народ, особенно гаучо, быт и психологию которых хорошо знал. Лживыми обещаниями и демагогическими лозунгами он втягивал гаучо в свою армию, наделяя наиболее отличившихся солдат землями и чинами. Следует отметить в этой связи, что политика каудильизма в какой-то мере способствовала социальной мо-

бильности гаучо и «пардос» (черных). Части из них удалось выделиться в качестве командиров военных отрядов или осесть на земле. Одновременно, защищая интересы помещиков, Росас содействовал завершению процесса насильственного удержания гаучо в эстапсах.

Для того чтобы держать народ в повиновении, Росас использовал свой излюбленный прием — натравливание одних групп населения на другие, в том числе гаучо на индейцев, горожан креолов на гаучо, негров на индейцев и т. п. Такая политика обостряла межрасовые и социокультурные отношения, осложняя этно-расовое сплочение населения страны.

Однако наряду с негативными с точки зрения прогресса результатами и вопреки преследуемым Росасом целям некоторые из проведенных мероприятий в области экономики, политики и культуры непосредственно или косвенно создавали условия для быстрого складывания аргентинской буржуазной нации. Остановить процесс капиталистического развития было невозможно. В этом смысле революционные реформы 10—20-х годов оказались необратимыми, невзирая на реакционную политику Росаса, основанную на возврате к старым порядкам с сохранением привилегий помещиков и церкви. Расширение скотоводческого сектора экономики с ориентацией на экспорт сельскохозяйственной продукции (мяса, кож, шерсти) вело к росту внешнеэкономических связей, к более тесной связи провинций и втягиванию их в мировую торговлю. Усиление концентрации земли в руках небольшой верхушки местных и иностранных собственников сопровождалось классовым расслоением в сельском хозяйстве, переходом к использованию наемного труда, особенно в центральной прибрежной области. Модернизация колониальной эстапсы превратила ее в продуктивное «предприятие». Не столь заметные, но существенные изменения произошли и в ремесленно-мануфактурном производстве, сосредоточенном в основном в Буэнос-Айресе и в городах прибрежного района. По первой промышленной переписи 1853 г., в Буэнос-Айресе было зарегистрировано 2000 рабочих и ремесленников, занятых на 106 предприятиях фабричного типа и в 746 мастерских⁴¹. В 1845 г. впервые в Аргентине был использован паровой двигатель. Фабрики еще мало отличались от ремесленных мастерских и по размеру, и по использованию ручного труда. Но тех, кто трудился на этих фабриках, уже можно было назвать рабочими, а владельцы небольших фабрик пополнили слой городской буржуазии. Несмотря на политическую раздробленность, благодаря отмене пошлин на торговлю между провинциями происходило дальнейшее укрепление внутреннего рынка. И хотя противоречия между ними, как и гегемония Буэнос-Айреса, сохранялись, Росас на время пресек всякие сепаратистские «выпады» и фактически объединил провинции. Все это находило отражение в этнических процессах, в становлении национальной идеологии, национального самосознания.

Росас организовал широкую кампанию по обработке общественного мнения. Методы националистической пропаганды основывались на обращении к антииспанским настроениям народных масс, на союзе диктатуры с духовенством и пр. Определенную роль в укреплении национализма и националистических установок играла и внешняя политика Росаса, которая привела к обострению отношений Аргентины с Боливией, Уругваем и Францией, перешедшему в военные конфликты 30—40-х годов XIX в.

О царившей в стране атмосфере идеологического принуждения свидетельствует, например, сообщение английского путешественника Роберта Элвиса: «...каждый вечер перед началом спектакля в театрах поднимался занавес и на сцене появлялись главные актеры, чтобы бросить в зал лозунг Росаса: „Да здравствует аргентинская Конфедерация!“ — и все зрители подхватывали хором: „Да здравствует! Смерть всем унитариям!“»⁴²

В обстановке авторитарного режима происходила быстрая пинелировка разговорного народного языка. Стремясь выдать себя за покровителя народа, Росас демонстративно подражал манерам и лексикону гаучо. Диктатора называли типичным гаучо, но он отрекался от этого прозвища, которое считал для себя оскорбительным. Согласно его собственному признанию, чтобы найти поддержку у низших классов, он «должен был подделываться под гаучо, говорить, как они, и соответствовать им настолько, насколько это их устраивает»⁴³. Так же поступали и другие военачальники, которые имели в своих отрядах гаучо. «Но дело не столько в личном примере словоупотребления Росаса, сколько в том, что его демагогическая политика по отношению к гаучо как бы официально открывала доступ лексике сельского населения в речь горожан», — отметила М. И. Былинкина⁴⁴. В книге об особенностях испанского языка Аргентины она пишет: «...разными идеями руководствовались Росас и романтики, члены „Молодой Аргентины“, сосредоточивая свое внимание на гаучо, но результат в литературно-языковом аспекте был один: язык Буэнос-Айреса „окрестьянивался“⁴⁵, т. е. язык горожан и сельских жителей приобретал все большее сходство».

В специфических условиях того времени оформляется собственная аргентинская художественная литература — показатель степени зрелости этнического самосознания. Если прежде писатели — уроженцы колонии в основном подражали испанским образцам, то в 20-е годы XIX в. появились первые оригинальные произведения, положившие начало новому литературному жанру — поэзии гаучо. Истинно национальная по языку, форме и содержанию литература зарождается в 40-е годы, т. е. в период диктатуры Росаса, в среде молодого поколения аргентинской интеллигенции, стремившейся к утверждению новых вольнолюбивых идей.

Наступление на свободомыслие заставило эмигрировать многих прогрессивных деятелей страны. Вынужденные бежать от политического террора Росаса, они и за границей продолжали

борьбу за развитие подлинно национальной культуры, свободной от старых испанских канонов и академической опеки.

Именно за границей молодая аргентинская литература впервые открыто и серьезно заявила о своем существовании. В Монтевидео и Вальпараисо появились книги многих аргентинских писателей — эмигрантов, ставших впоследствии известными политическими деятелями в своей стране и сыгравших большую роль в развитии национальной культуры. Боевой запал эмигрантской литературы не был лишен определенных перегибов. Призывая к осуществлению идеалов революции 25 мая, к борьбе против схоластики и плена классических испанских традиций, оппозиция в лице эмигрантской интеллигенции доходила до отрицания всех форм литературы колониального периода. И все же деятельность этих представителей молодой национальной литературы высоко оценивается в историографии Аргентины. По мнению Б. Мальмберга, «за политической последовала независимости культурная и лингвистическая, завоеванная благодаря писателям, изгнанным из страны во время террора Росаса, таким, как Мармоль, Гутьеррес, Эчеверриа, Альберди и более других — Сармьенто»⁴⁶.

Доминго Фаустино Сармьенто (1811—1888), выдающийся просветитель и видный общественный деятель, впоследствии президент Аргентины, родился в одной из самых бедных провинций на крайнем западе страны — Сан-Хуане. В нем рано обнаружились гуманитарные и педагогические наклонности, но события гражданских войн, ареной которых стали и западные районы, вынудили его вступить в ополчение. В г. Мендоса он попадает в плен как капитан унитариев к одному из союзников свирепого вождя федералистов Х. Факундо Кироги⁴⁷. Однако Сармьенто удается вырваться на свободу и в 1831 г. эмигрировать в Чили. К моменту возвращения Сармьенто на родину (1835) здесь была установлена диктатура Росаса. За политическую деятельность против тирании Сармьенто подвергся преследованиям властей и был вынужден вновь эмигрировать в Чили. В годы второго изгнания (1840—1850) вышло в свет несколько его книг, в том числе знаменитый «Факундо» (1845). Полный заголовок первого издания был: «Цивилизация и варварство. Жизнь Хуана Факундо Кироги. А также физический облик, обычаи и привычки Аргентинской Республики». Выход книги стал выдающимся явлением в истории национальной культуры. Это был одновременно и политический памфлет, и социологическое исследование, и высокохудожественное произведение, ставившее своей задачей постижение истоков этнокультурной или, как принято было уже тогда говорить, национальной сущности аргентинца. Вслед за первым поколением писателей, чьи произведения формировали национальное сознание населения страны, Сармьенто увидел проявление сущности аргентинца в гаучо, в его дикой и в то же время величественной в своем примитивизме натуре. Но в отличие от своих предшественников Сармьенто считал гаучо не столько романтической фигурой, сколько олицетворением отсталости, варварства

и видел в нем источник социальных зол. Не в хищнических методах колонизации, лишивших земли массы индейцев и метисов, вынужденных затем искать прибежище в пампе и совершать набег на поместья, находил Сармьенто причины «дикости» гаучо и «неспособности к прогрессу», а в его расово-биологической наследственности и суровой природе пампы. Впоследствии концепция Сармьенто стала орудием антигауческой и антииндейской политики.

Решительно выступая в своей книге за демократические свободы против цепей политического террора, автор остался выразителем идеологии господствующих классов. Формула Сармьенто «цивилизация или варварство» вместе с невежеством, испанскими колониальными традициями, каудильизмом отвергла по существу и индейскую традицию как возможную основу национальной культуры.

«Все, что не есть европейское, в наших условиях означает варварское», — уточнил мысль Сармьенто другой крупнейший буржуазный мыслитель Аргентины того времени Хуан Баутиса Альберди⁴⁸. Этот лозунг выражал интересы буржуазии, стремившейся к росту торговли, промышленности и городов — главных проводников европейской культуры. Но впоследствии его подхватили те, кому национальные интересы Аргентины были безразличны и кто помог проложить путь для иностранного вмешательства в экономику, политику и культуру страны.

Ограниченность концепции Сармьенто особенно видна при объяснении им причин раздражавших страну внутренних противоречий. По его мнению, они проистекали от того, что в рамках государства сосуществовали несовместимые части, одна из которых, по происхождению евро-аргентинская, занимала приатлантическую зону и якобы олицетворяла собой культуру (*civilización*), другая — индейская, следовательно, невежественная (*barbarie*) — прилегалa к Андам и простиралась к северу от Кордовы⁴⁹. Реакционная по сути концепция Сармьенто, сложившаяся не без влияния европейской буржуазной философии конца XVIII — первой половины XIX в.⁵⁰, в то же время отражала определенный этап борьбы за национальное единство. В такого рода противопоставлении осознавалось отсутствие социально-политического единства в стране. «Несовместимость» названных частей страны вытекала не из расово-культурных различий, а из существования противоборствующих социальных группировок, размежевавшихся по территориальному принципу. Привилегии Буэнос-Айреса ущемляли интересы внутренних районов. В октябре 1852 г. вследствие острых противоречий между правящими кругами прибрежного района и глубинных провинций произошел политический раскол с отделением Буэнос-Айреса от тринадцати остальных провинций, провозгласивших своей столицей г. Парану (в провинции Энтре-Риос). Что касается культурного рубежа, проводимого Сармьенто, то он существовал внутри каждой провинции и особенно хорошо был замечен при сопоставлении

города и сельской зоны, отражая социально-культурную дихотомию внутри одного этноса — формирующейся буржуазной аргентинской нации.

Период диктатуры Росаса оказал противоречивое воздействие на развитие страны. Замедление темпов роста капитализма тормозило процессы консолидации, но не прервало их окончательно. Как было сказано выше, несмотря на негативные последствия режима диктатуры для культуры и благосостояния народа, объективно созрели условия для окончательной победы капитализма над феодализмом и для объединения страны.

Численность населения Аргентины к середине XIX в. превысила 800 тыс. человек, что произошло за счет естественного прироста. Фактический запрет на въезд в страну иностранцев, введенный Росасом, поддерживал стабильность этнического состава. На базе роста производства, в том числе фабричного, происходило дальнейшее стирание расовых и культурных перегородок внутри все более широкой части населения. Все эти изменения свидетельствовали о переходе сложившейся аргентинской этнической общности в новую — преднациональную фазу развития.

Предпосылки роста национального самосознания и сложения аргентинской нации

Свержение диктатуры Росаса (3 февраля 1852 г.) открыло новые возможности для социально-экономического и этнокультурного развития, ускорив складывание аргентинской буржуазной нации.

В мае 1853 г. Учредительный конгресс в Санта-Фе провозгласил новую конституцию, ставшую впоследствии, несмотря на то что она была принята без Буэнос-Айреса, основным государственным законом всей страны. Новая конституция называлась «Конституция аргентинской нации». Аргентинское государство объявлялось федеративной республикой с официальным названием «Аргентинская нация». На этот раз дефиниции «нация» и «национальный» более соответствовали их реальному содержанию, чем это было в 1819 и 1826 гг.

В основу Конституции легли принципы буржуазного права: равенство всех граждан и ликвидация сословных привилегий, поощрение частного предпринимательства, гарантия свобод и неприкосновенности частной собственности и т. п.

Ряд статей Конституции⁵¹ касался непосредственно создания единого внутреннего рынка (отмена внутренних таможенных налогов и транзитных сборов за перевозку товаров и скота из одной провинции в другую, введение единой системы мер и весов и т. п.). Статьи об окончательной отмене рабства, поощрении торговли, промышленности, земледелия способствовали ускорению темпов буржуазного развития. Статья 24 поощряла иммиграцию в Аргентину европейских колонистов. Иммигрантам гарантировались равные с аргентинскими гражданами права и некоторые льготы.

Необходимо напомнить, что реальные условия буржуазного развития Аргентины, идущего в рамках латифундизма и противопоставления местных интересов общенациональным, затрудняли осуществление новых порядков и всех провозглашенных буржуазно-демократических «свобод». Вместе с тем падение диктатуры Росаса и принятие новой прогрессивной для своего времени конституции явились началом периода раскрепощения национальной культуры. При этом термин «национальный» стал часто заменяться термином «креольский». Подобная эволюция считается особенностью аргентинского национализма и вытеснила здесь первоначальное значение этого общего для Латинской Америки понятия. Одновременно происходило сближение между определениями «креольский» (в значении — типично аргентинский, «национальный») и «гаучо».

Совмещение понятий «национальный», «креольский», «гаучо» отражало объективную реальность этнических процессов и становления национального самосознания. В бурную эпоху рождения молодых наций каждая из бывших колоний Испанской Америки стремилась противопоставить себя Испании и своему ближайшему окружению, из которого она выделилась. Характерными становились поиск национальных символов, обращение к истории народа, к истокам народных традиций. Наиболее ярко это проявилось в литературе. Произведения подлинно национальной литературы обращались к народной тематике и лексике. Появился новый жанр — литература гаучо. Не случайно символом аргентинского народа стал образ гаучо — обездоленного, но свободолюбивого аргентинского пастуха-скотовода. Несколько идеализированная история гаучо — некогда вольного жителя пампы, отчаянного смельчака, укротившего дикую лошадь, дорожившего больше жизни своей свободой, храбро и с достоинством сражавшегося на войне, но в конце концов насильственно превращенного в неона, полностью зависимого от помещика, — стала обычным сюжетом нового литературного жанра. В этом образе, по выражению В. Б. Земскова, с наибольшей полнотой материализовалось этническое самосознание аргентинцев, их представление о самих себе, о своей «сущности»⁵².

В. Б. Земскову принадлежит и важная мысль об особой роли литературы в становлении молодых наций в Латинской Америке. В отличие от Европы, где основой специфически национальной культуры служили хорошо развитые этнокультурные традиции и фольклорный эпос, в Аргентине фольклорная традиция не могла стать непосредственным источником культурообразующих процессов. Действительно, индейский фольклор в силу разрозненности индейских общин и отсутствия условий для развития их культуры в колониальной Аргентине не перерос в общенародный фольклор, а сравнительно поздний несенно-поэтический народный фольклор гаучо, создаваемый сначала у костров и очагов, а затем в знаменитой пульперии (харчевне), не поднялся до уровня устойчивых форм эпоса.

Литература гаучо, в строгом смысле понимаемая как эпико-лирическая поэзия на народном языке, использовала не только элементы просторечного языка гаучо, но и их словесно-поэтический фольклор, «центральное место в котором занимали малые импровизационные формы и жанры». Профессиональные поэты взяли у гаучо их импровизационные формы, жанры и сюжеты, развили их до уровня эпоса и сделали этот эпос достоянием всего народа. По словам В. Б. Земскова, «аргентинский эпос сложился в результате взаимодействия фольклорных и литературных традиций как ответ на острейшую потребность духовного самоутверждения молодой нации»⁵³.

Сфера воздействия и значение национальной литературы в тот период были огромны. Через литературу язык, на котором говорили сельские жители, все больше проникал в язык горожан. При этом наиболее распространенным диалектом, оказавшим влияние на общенародный язык Аргентины, стал диалект гаучо провинций Буэнос-Айрес и Энтре-Риос⁵⁴, т. е. классической зоны гаучо. Литература гаучо не пережила XIX в., но влияние ее до сих пор живо и в литературной, и в культурной традициях Аргентины. Сами же герои литературы гаучо настолько вошли в сознание аргентинского народа, что стали «реальностью гораздо более весомой, чем сама история»⁵⁵.

Включение в систему капиталистического производства и интеграция гаучо в организованное общество привели к трансформации и размыванию этой социальной группы, обладавшей специфическими чертами культуры, своего рода «субэтноса» (по предложенной Ю. В. Бромлеем терминологии⁵⁶).

Наступление города на степную лампу повлекло за собой медленное, но неумолимое разрушение культурных ценностей, которые здесь господствовали. По мнению аргентинского социолога Х. Кароля Паса, «с насаждением урбанизированного общества, с вторжением капиталистического способа производства распад общества гаучо превратился в неоспоримый факт, который приходится на последние сорок лет XIX и первые десятилетия XX в.»⁵⁷. Но преждевременно было бы утверждать, что исчезновение гаучо привело к угасанию определенных явлений их культуры. Культура гаучо продолжала свою жизнь, войдя составной частью в народную аргентинскую культуру. Расчленив и поглощая традиционную культуру, городская культура «трансформировала некоторые ее элементы, которые затем в новом выражении вернулись к народу через различные средства массовой информации. Многие из этих проекций обогатили оригинальное фольклорное наследие (таковые случаи с „Мартиним Фьерро“ и с „Доном Сегундо Сомбра“)»⁵⁸.

С разгромом диктатуры Росаса завершился период, когда максимально проявилась экономическая, социальная и этнокультурная активность гаучо — солдата, партизана, пеона на эстансии, когда гаучо оспаривал у индейцев их культурные завоевания и территорию. Затем начался этап открытого вытеснения «вар-

варства» не только в границах пампы, но и на общепациональном уровне новыми общественными силами, выразившими идеологию «прогресса» и «цивилизации».

Борьба за создание централизованного буржуазного государства продолжалась еще 10 лет (1852—1862). В течение этого периода политического разъединения естественные связи внутренних провинций с Буэнос-Айресом не прерывались. Продолжалась также миграция населения из внутренних областей в стремительно богатевшую прибрежную. Мигранты несли с собой культурную специфику внутренних районов, которая таким образом проникала в культуру народных масс прибрежной зоны, в значительной степени определяя ее своеобразие по отношению к культуре Испании и тех стран Европы, откуда в Аргентину вскоре хлынул неудержимый поток иммигрантов. Последовавшее в 1862 г. воссоединение провинций Аргентины явилось веским доказательством нерасторжимости исторически сложившейся территориальной и экономической общности.

Политическое объединение 1862 г. и приход к управлению страной новых сил — представителей либеральных помещиков, торговой и нарождавшейся промышленной буржуазии — сыграли решающую роль в процессе образования нации. Создание единого государственного идеологического аппарата, введение системы образования на едином литературном языке, расширение средств массовой информации и т. д. — все это влияло на формирование общего национального самосознания народа, единой доминирующей культуры, распространявшейся на все более широкую территорию, вливавшей в себя и нивелировавшей местные различия.

После объединения всех 14 провинций в одно государственное целое и официального признания в 1863 г. Испанией независимости Аргентины националистические настроения внутри креольской интеллигенции активизировались. Чтобы подчеркнуть самостоятельность креольской культуры, испанский язык в Аргентине стали официально называть «idioma nacional» (национальный язык). Тогда же в противовес понятию «испанидад» (ориентация на испанские образцы культуры) вошло в обиход новое понятие — «архентидад». В качестве исторической основы народной культуры испанской традиции противопоставлялась традиция креолов и гаучо.

Не только в литературе, но и в сценическом, и в музыкальном искусстве 60—70-х годов появляются собственные национальные формы. Стремясь придать своим произведениям национальный колорит, авторы их использовали народные креольские жанры, например мелодию перикона⁵⁹. Костумбризм*, сменивший во второй половине XIX в. романтизм, способствовал созданию национального стереотипа — характерного народного персо-

* Костумбризм (исп. costumbrismo, от costumbre — «обычай», «нрав») — направление в литературе и изобразительном искусстве Испании и Ла-

нажа города и деревни. Театральные сцены воспроизводили обычаи и особенности говора той или иной области страны, развивая национальное самосознание, и расширяя культурный кругозор аргентинцев.

Своеобразным фактором, укрепившим сознание внутреннего единства для большинства населения страны, стало негативное отношение к Парагвайской войне 1865—1870 гг., развязанной аргентино-бразильско-уругвайской коалицией против Парагвая. Парагвайцы вели справедливую освободительную войну и проявляли в ней беспримерный патриотизм и стойкость. Это потребовало от союзников, обладавших превосходящим военным потенциалом, большого напряжения сил для достижения победы. Широкие слои населения Аргентины выступили против этой войны, рассматривая ее как национальный позор. В тылу начались волнения из-за роста дороговизны и нищеты, связанных с войной. Батраки и крестьяне отказывались идти на фронт или дезертировали. Антивоенные выступления крестьян нередко перерастали в социальные конфликты. Участились случаи нападения на помещичьи усадьбы и раздела помещичьих земель. Крестьянам оказывали поддержку рабочие рудников. Страх перед пародными выступлениями заставил аргентинское правительство раньше своих союзников прекратить активное ведение войны с Парагваем.

Победа в войне стоила Аргентине серьезных материальных и людских жертв. Ее армия потеряла убитыми 20 тыс. человек. Кроме того, в ходе войны усилилась зависимость страны от Англии (процесс экспорта английского капитала в Аргентину и другие страны Южной Америки начался вскоре после образования здесь независимых республик). Лишившись после гражданской войны в США (1861—1865) важного источника сельскохозяйственной продукции, Англия расширила свою экономическую экспансию в Южной Америке, намереваясь таким образом восполнить утерянные в США позиции⁶⁰. Отныне экономическое и социальное развитие Аргентины определялось не столько внутренними потребностями страны, сколько интересами иностранного и прежде всего английского капитала. Ко второй половине XIX в. Аргентина находилась в такой зависимости от Лондона, что ее, по выражению В. И. Ленина, можно было назвать «почти что английской торговой колонией»⁶¹.

Еще до Парагвайской войны англичане начали строить в Аргентине первую железную дорогу (Центральную) из г. Росарио — крупнейшего речного порта на р. Паране в г. Кордову — важный экономический центр внутри страны. Участие английского капитала в строительстве железных дорог приняло значительные размеры при президентстве Доминго Фаустино Сармь-

тинской Америки XIX в. Костумбризм выражал подъем национального самосознания, характеризовался особым интересом к народным типам, национальному быту и природе, которые костумбристы стремились изобразить с почти документальной точностью.

енто (1868—1874). С проведением дороги из Кордовы в Тукуман (1872) прибрежный район соединился с крайним северо-западным.

Несмотря на возрастающую зависимость от Англии, президентство Сармьенто отмечено многими историческими для Аргентины мероприятиями по переустройству страны на прогрессивной основе. Одним из них, как мы уже отметили, явилось строительство железных дорог. Передвижение по стране до их появления было весьма затруднительным. По свидетельству путешественника, «чтобы предпринять поездку через пампу, следовало самому купить средство передвижения, позаботиться о проводнике и купить провизию на две недели пути»^{61а}. За Мендосой единственным средством передвижения был мул. Из-за отсутствия постоянных дворов в горах путник должен был отправляться с большим числом животных (для двух путников, их проводников и погонщиков требовалось до 25 мулов)⁶². Путь от Буэнос-Айреса до Тукумана занимал в общей сложности больше месяца.

Сармьенто пытался противопоставить так называемой «английской тенденции» в железнодорожном строительстве (дороги должны расходиться из Буэнос-Айреса лучами для обеспечения быстрой доставки экспортной продукции из глубины страны в порт вывоза) национальную, цель которой — связать между собой все провинции и приблизить Аргентину к рынкам соседних стран. Установление прочной связи далеких окраин с экономическим центром страны стало важным фактором окончательной победы над сепаратизмом и политическим расколом.

Большое значение для развития капитализма и укрепления внутреннего хозяйственного единства страны имели такие мероприятия правительства, как открытие Национального банка (1873), введение нового Гражданского кодекса (1873). Сармьенто вошел в историю Аргентины и как реформатор в области просвещения, в котором он и многие его последователи видели путь преодоления основных социальных проблем. По инициативе Сармьенто, была создана широкая сеть начальных светских школ, основаны Академия наук, публичные библиотеки и т. д.

В соответствии со своей концепцией прогресса Сармьенто явился ярким сторонником привлечения европейских иммигрантов. Политика поощрения иммиграции, проводившаяся его правительством, обеспечила начало систематического притока европейцев, заселения пампы и превращения ее из скотоводческой области в земледельческую. Скотоводство превращалось в интенсивное животноводство. «Примитивное пастушеское хозяйство все далее отодвигалось от Ла-Платы и ее притоков»⁶³.

Но за пределами Литорала и Куйо все еще сохранялась экономика феодального типа. Многие районы предгорной северо-западной области, потеряв значение важных перевалочных центров на торговом пути между Буэнос-Айресом и Верхним Перу, превратились в отсталые окраинные провинции.

Правительство Сармьенто стремилось также отодвинуть индейскую границу к югу с целью заселения южной пампы европейскими колонистами. В 1872 г. была предпринята новая военная экспедиция против индейцев. Оправданием антииндейской политики служила идея преобразования пампы. Концепция Сармьенто «цивилизация или варварство» переродилась в альтернативу «земледелие или животноводство». Правительственная политика в отношении индейцев получила широкое одобрение и поддержку благодаря тому, что постоянная военная угроза с юга серьезно осложняла жизнь в пределах «культурной зоны».

В результате изменений, происшедших по другую сторону фронтеры, незавоеванные индейцы превратились в опасных военных противников. Эти изменения в большой степени были вызваны «арауканизацией пампы».

Влияние арауканов, имевших более высокую культуру, на индейцев пампы, в частности на пуэльче, началось еще в ранний период колонизации и до сих пор недостаточно изучено⁶⁴. Арауканы южных областей Чили (соседних с аргентинской провинцией Неукен), оказавшие наиболее упорное сопротивление завоеванию, для ведения войны с испанцами нуждались в лошадях, которыми к концу XVI в. изобиловали аргентинские равнины. По этой причине установился тесный обмен между индейцами с обеих сторон Анд: пуэльче поставляли лошадей, арауканы — гончарные изделия, изделия из тканей и др. Культурное влияние арауканов распространялось в направлении восточной пампы. Существует даже мнение, что, следуя примеру мятежных арауканов, индейцы пампы уже ко второй половине XVII в. укротили лошадь и стали использовать копье, щит и латы, которые они получали из Чили⁶⁵.

В XVIII в. началось проникновение в пампу самих арауканов и быстрая ассимиляция ими местных племен. В середине XVIII в. индейцы пуэльче говорили еще на своем родном языке, но язык арауканов (мануче), по свидетельству английского путешественника Т. Фолкнера, был шире распространен в этих районах⁶⁶. К концу XVIII в. на большой территории от Неукена до Мендосы все пуэльче, кроме стариков, перешли на мануче. Следовательно, произошло то, что исследователи называют арауканизацией пампы.

В процессе арауканизации образовались новые этнические подразделения. Большая группа на западе сохранила прежнее название — «пуэльче». К востоку от р. Саладо обитали ранкеле. Во влажной пампе обосновалось несколько мелких групп, которые во второй половине XIX в. объединились в так называемое касикство «Больших солончаков», достигшее наивысшего расцвета при касиках знаменитой династии Курá. Последняя из арауканизированных групп аргентинских индейцев называлась «мансанеро». Основное ее ядро было сосредоточено в центральной части Неукена, откуда «мансанеро» расселились к югу Па-

тагонии, а впоследствии вошли в конфедерацию племен, возглавляемую касиком Намун Курой.

Осуществленные при Сармьенто военные кампании против индейцев южной пампы положили начало исчезновению крупных межплеменных объединений — касикств.

Антииндейская политика проводилась не только в отношении «диких» индейцев, но и в менее жестокой форме в отношении «мирных» индейских общин, разбросанных по периферии на северо-западе, в центральном районе и в зоне бывших миссий. За счет экспроприации индейских земель шло расширение национальной территории.

За полвека, прошедшие со времени провозглашения независимости, не было проведено ни одной общей переписи населения. Увеличение его численности шло в основном благодаря естественному приросту. Только начиная с 60-х годов на него стала влиять иммиграция из Европы.

В 1869 г. по инициативе Сармьенто была проведена 1-я всеобщая (официально — Первая национальная) перепись населения. Общая численность, согласно результатам переписи, составила около 1900 тыс. человек, из них иностранцы, т. е. лица, родившиеся за границей, — 230 тыс. (12%). За годы независимого существования число жителей страны увеличилось примерно в два с лишним раза. В столице было сосредоточено до 23,6% всего населения и 47,9% — лиц иностранного происхождения.

Важным показателем происшедших перемен можно считать сам подход к учету населения по «национальному» признаку: теперь выделялись только две категории — аргентинцы, т. е. (*los argentinos*) и иммигранты (*los extranjeros*). Аргентинцы, уроженцы страны, противопоставлялись иммигрантам как единая, этнически однородная общность. В то же время в данном случае отчетливо проявилась роль государства, «сверху» и сознательно воздвигнувшего на этнические процессы и формирование национального самосознания аргентинцев.

Изменения в сфере национального самосознания «обгоняли» развитие капиталистических отношений. Эта особенность формирования аргентинской нации (и других латиноамериканских наций) наглядно проявилась в исследуемый период.

Данные переписи 1869 г. о состоянии промышленности и сельского хозяйства свидетельствовали о заметном росте кустарно-ремесленного производства и фабрик с наемной рабочей силой по сравнению с 1853 г.⁶⁷ Появились новые профессии, связанные с работой на машинах, паровых мельницах и в механических мастерских. Но следует уточнить, что тогдашние промышленные предприятия (паровые мельницы, фабрики по изготовлению макарон, свечные, текстильные фабрики, мыловарни, литейные, кирпичные заводы, солильни, механические мастерские, типографии) были еще очень небольшими и в значительной степени использовали ручной труд. Соответственно, категории рабочих, обозначаемые в переписи как «промышленные рабо-

чие», на самом деле были скорее работными людьми, предпролетариатом, а «сельскохозяйственные рабочие» — понавшими в кабалу к помещику неонами, издольщиками и батраками. Аргентина как капиталистическая страна окончательно сформировалась позже, в период после 70-х — 80-х годов XIX в.

В целом, однако, за более чем полувековой период независимого политического развития существенно изменились и картина занятости, и классово-социальная структура населения, связанная со становлением капиталистических отношений, а также с политическими и военными событиями (начиная с революционно-освободительного движения и кончая гражданскими войнами и каудильизмом). Все это стимулировало мобильность «низших» групп смешанного происхождения, негров и индейцев, выведя их «из русла традиционных ролей к новым формам участия»⁶⁸ (в социально-экономической жизни). Часть бывших рабов и полукрепостных превратилась в кадровых офицеров, в землевладельцев или хозяев мастерских, в мелких торговцев или наемных рабочих.

Социальная структура страны, определившаяся к 1869 г., еще довольно сильно отличалась от позднейшей капиталистической модели, но была более развитой, чем в соседних странах.

Крупные помещики-скотоводы (эстансьеро), составлявшие 6,6% активного населения, сохраняли доминирующую роль в экономике. К ним примыкали промышленная буржуазия (0,5%), а также категория высших специалистов и служащих (3,9%). Наибольший удельный вес в средних и низших слоях населения имели мелкие собственники, живущие на эксплуатации чужого труда, а «за свой собственный счет» (*por cuenta propia*). Наемные работники и служащие насчитывали более 1/3 всего активного населения (36,5%)⁶⁹. Самыми «молодыми» и пока еще малочисленными прослойками являлись промышленная буржуазия и городской «пролетариат» (2% из них были связаны с работой на машинах).

В конце 60—70-х годов XIX в. по существу завершается второй этап этнической истории Аргентины. Его главный итог состоял в появлении собственно аргентинского этноса и основ буржуазной аргентинской нации. Аргентинский этнос сложился на базе испаноязычной общности колониального периода в результате процессов внутриэтнической консолидации.

В период напряженной политической и военной борьбы за освобождение от испанского гнета и внутреннее сплочение развилось и созрело этническое самосознание аргентинцев, независимое от цвета кожи или от того, в какой провинции родился и жил человек. В общих чертах завершилось государственное объединение, которое устранило политическую раздробленность и стало важным средством воздействия на сознание масс. Принятие конституции, провозгласившей формальное равенство прав всех граждан страны и заложившей основы буржуазной демократической структуры общества, также повлияло на характер

этнических процессов. Численность населения значительно возросла, а консолидация этноса достигла более высокой, качественной новой ступени, чему способствовала и сохранявшаяся в течение всех этих бурных десятилетий относительная стабильность этнического состава. Различия между этнорасовыми категориями (креолы — метисы — индейцы — негры) вытесняются классово-социальными (между буржуазией и наемными рабочими, между городом и деревней). Само понятие «креольский» меняет первоначальный смысл, превращаясь в синоним общеаргентинского, национального.

Экономической основой процесса образования нации явилось развитие капитализма в Аргентине, приведшее к укреплению внутреннего хозяйственного единства и существенным изменениям первоначальной социально-экономической структуры этноса. Усилился так называемый «промышленный сектор», но большинство производств носило еще полукустарный характер.

В этот период на базе межрегиональных экономических и политических компромиссов был сделан решающий шаг к общенациональному единству. С проведением первых железных дорог прибрежный район соединился с крайним северо-западным (Буэнос-Айрес с Тукуманом). Был пройден начальный этап в сложении национального рынка, основное звено которого представляла связь Буэнос-Айреса с соседними провинциями. В то же время проявились существенные деформации капиталистического развития, которые в дальнейшем стали еще более резкими и дали основание говорить о «дуальном обществе Аргентины». Преимущественное развитие прибрежного района, ограниченного провинциями Буэнос-Айрес, Энтре-Риос, Санта-Фе и Кордова, шло в ущерб внутренней «периферии», сохранявшей архаичную структуру.

В экономически отсталых провинциях следы недавнего колониального прошлого сохранялись еще в этнорасовой структуре. Здесь медленнее стирались различия между креолами, метисами, неграми и мулатами.

Воздействие на этнические процессы в стране после завоевания независимости оказывало и наличие так называемой индейской границы, все более отодвигавшейся к югу. Только с 1824 по 1830 г. за счет земель, принадлежавших ранее индейцам, площадь провинции Буэнос-Айрес возросла вдвое (с 50 до 100 тыс. кв. км)⁷⁰. Отношение к индейцам складывалось под влиянием военных конфликтов на юге и официальной правительственной пропаганды. Карательные экспедиции против аборигенов за линией фронтеры означали отказ от революционных завоеваний и признания на деле равенства прав всех граждан. Отсутствие специального законодательства, предусматривавшего защиту индейцев и их права на землю, облегчало проведение антииндейской политики, заключавшейся в открытой дискриминации и вытеснении аборигенов с занимаемых ими земель, вплоть до физического истребления.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—259.
- ² Ревзин Г. Аргентина. Буэнос-Айрес, 1946, с. 14.
- ³ См. подробнее: Штрахов А. И. Война за независимость..., с. 201.
- ⁴ Mitre B. Obras completas. Buenos Aires, 1938, v. I, p. 318.
- ⁵ Endrek E. El mestizaje..., p. 82.
- ⁶ Masini J. La esclavitud negra en Mendoza. Epoca Independiente. Mendoza, 1963, p. 16.
- ⁷ Recopilación de Leyes de los Reynos de las Indias. Madrid, 1681, t. II. libro III, título X, p. 45; цит. по: Endrek E. El mestizaje..., p. 81.
- ⁸ Masini J. La esclavitud..., p. 60.
- ⁹ Цит. по: Sabsay F. La sociedad argentina. Génesis del Estado Argentino. Buenos Aires, 1973, p. 21.
- ¹⁰ Masini J. La esclavitud..., p. 62.
- ¹¹ Ibid., p. 14.
- ¹² Ibid., p. 63.
- ¹³ Legislación Indigenista de Argentina. México, 1957, p. 13.
- ¹⁴ Ibid., p. 18.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ Coni E. El gaucho. Buenos Aires, 1945, p. 214.
- ¹⁷ Ibid., p. 215.
- ¹⁸ Mitre B. Obras completas, p. 318.
- ¹⁹ Штрахов А. И. Война за независимость..., с. 90.
- ²⁰ Там же, с. 345—346.
- ²¹ Cerviño R. A. Grandeza civilizadora de España. Su aporte en la formación de nuestra nacionalidad.—Revista de Antropología y ciencias afines, Tucumán, 1952, v. I, p. 108.
- ²² Цит. по: Walter R. Y. El fono intellectual de la reforma Universidad en la Argentina.—Revista de Antropología y ciencias afines. Tucuman, 1952, v. I, p. 238.
- ²³ Fernández Latour O. Cantares historicos de la tradición Argentina. Buenos Aires, 1960, p. XXI.
- ²⁴ Rosenblat A. Historia de un nombre. Buenos Aires, 1949, p. 12.
- ²⁵ Ibid., p. 56.
- ²⁶ Ibidem.
- ²⁷ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 14.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Марианетти Б. Аргентина. Современное положение и перспективы. М., 1966, с. 55.
- ³⁰ Там же, с. 54.
- ³¹ Беляев В. П. Народное образование в Аргентине.—В кн.: Культура Аргентины, с. 83.
- ³² Ingenieros J. La sociología argentina. Buenos Aires, 1946, p. 456.
- ³³ Ibid., p. 451, 455.
- ³⁴ Ibid., p. 457.
- ³⁵ Комаров К. В. Аграрные реформы Б. Ривадавии.—Вопросы истории, 1972, № 1.
- ³⁶ Цит. по.: Solari M. Historia de la cultura argentina. Buenos Aires, 1957, p. 199.
- ³⁷ Марианетти Б. Аргентина..., с. 56.
- ³⁸ Giberti H. C. E. Historia económica de la ganadería argentina. Buenos Aires, 1961, p. 125.
- ³⁹ Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». М., 1954, с. 146—147.
- ⁴⁰ Gonzalez Arrili B. Los indios pampas. Buenos Aires, 1960, p. 28.
- ⁴¹ Oddone J. Historia del socialismo argentino. Buenos Aires, 1934, v. 1, p. 67—69.
- ⁴² Elvès R. A Sketcher's Tour Round the World. London, 1854, p. 115.
- ⁴³ Vedia U. de y Mitre. De Rivadavia a Rosas, Buenos Aires, [], p. 342. Цит. по: Cori E. El Gaucho, p. 249.
- ⁴⁴ Былинкина М. И. Смысловые особенности испанского языка Аргентины. М., 1969, с. 36.

- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Malmberg B.* La América hispanohablante. Madrid, 1966, p. 171.
- ⁴⁷ *Мамонтов С. П.* Сармьенто и формирование аргентинской культуры.— В кн.: Культура Аргентины, с. 60—81.
- ⁴⁸ Цит. по: *Solari M.* Historia de la cultura argentina. Buenos Aires, 1957, p. 240.
- ⁴⁹ *Sarmiento D. F.* Facundo. Civilización o barbarie. Buenos Aires, 1955, p. 23.
- ⁵⁰ Подробнее см.: *Тертерян И. А.* Влияние зарубежной культурологии XIX в. на латиноамериканскую мысль.— Лат. Америка, 1977, № 4, с. 53.
- ⁵¹ Конституции государств Американского континента. М., 1957, т. I.
- ⁵² *Земсков В. Б.* Аргентинская поэзия гаучо. М., 1977, с. 6.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Былинкина М. И.* О национальном языке Аргентины.— В кн.: Паули Латинской Америки, с. 379.
- ⁵⁵ *Земсков В. Б.* Аргентинская поэзия гаучо, с. 192.
- ⁵⁶ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии, с. 48.
- ⁵⁷ *Carol Paz J. L.* Cultura indígena, cultura criolla y cultura popular en la Argentina. Anuario Indigenista. Mexico, 1973, v. XXXIII, p. 156.
- ⁵⁸ Ibid., p. 160.
- ⁵⁹ *Струйский П. А.* Национальная музыкальная культура Аргентины (исторический очерк).— В кн.: Культура Аргентины, с. 233.
- ⁶⁰ Очерки истории Аргентины. М., 1961, с. 191.
- ⁶¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 430.
- ^{61a} *Trifilo S.* La Argentina vista por viajeros ingleses: 1810—1860. Buenos Aires, 1959, p. 88.
- ⁶² *Schmidtmeyer P.* Viaje a Chile a través de los Andes. Buenos Aires, 1947, p. 185.
- ⁶³ *Ingenieros J.* La sociología..., p. 62.
- ⁶⁴ *Canals Frau S.* Las poblaciones indígenas de la Argentina. Buenos Aires, 1953, p. 534.
- ⁶⁵ *Cabrera P.* Los araucanos en el territorio argentino. Buenos Aires, 1934, p. 108.
- ⁶⁶ *Falkner T.* Descripción de la Patagonia. Buenos Aires, 1911, p. 115.
- ⁶⁷ *Ortiz R. M.* Historia económica de la Argentina. Buenos Aires, 1955, t. 1, p. 111.
- ⁶⁸ *Germani G.* La estratificación..., p. 98.
- ⁶⁹ Ibidem.
- ⁷⁰ Цит. по: *Комаров К. В.* Аграрные реформы..., с. 101.

Глава третья

РОЛЬ МАССОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИММИГРАЦИИ В РАЗВИТИИ АРГЕНТИНСКОЙ НАЦИИ

**(70-е годы XIX в.—
начало первой мировой войны)**

С 70-х годов XIX в. начался существенный перелом в характере этнокультурных процессов и в национальном развитии Аргентины в целом. Отныне главным фактором формирования населения страны становится иммиграция из Европы. Взаимодействие креолов с переселенцами из Старого Света постепенно изменило первоначальный облик нации и определило ее «новый социальный, этнический, культурный и лингвистический статус»¹.

Социально-политические условия иммиграции

Проблема заселения, в которую упиралось экономическое развитие Аргентины, осознавалась еще первыми революционными правительствами: к 1810 г. на территории 3 млн. кв. км проживало всего 500 тыс. человек (без учета индейцев). 4 сентября 1812 г. был принят декрет о содействии иммиграции, в котором говорилось, что иностранцам, пожелавшим переселиться в Аргентину, будут предоставлены широкие льготы. Правительство гарантировало им равенство в правах с гражданами страны и освобождение от воинской повинности. Тем, кто думал заняться земледелием, были обещаны дополнительные льготы: продажа земли в рассрочку, оказание помощи в приобретении необходимых орудий и скота, освобождение от пошлин на привозной сельскохозяйственный инвентарь².

Однако в напряженной политической обстановке последующих десятилетий борьбы за независимость и внутреннее единство отсутствовали реальные предпосылки для иммиграции. В период президентства Росаса она вообще была запрещена. Новый этап в иммиграционной политике наступил с разгромом режима диктатуры. Согласно конституции 1853 г. (статья 25), национальное правительство обязалось содействовать земледельческой колонизации Аргентины европейцами. Гарантии и льготы распространялись также на тех иммигрантов, «которые хотят совершенствовать производство, обучать наукам и искусствам»³. Лозунг «управлять — значит заселять», приписываемый губернатору провинции Буэнос-Айрес В. Альсине, превратился в девиз национальной политики.

Только в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в., т. е. спустя полвека после выхода первого иммиграционного декрета, сложились реальные условия для его осуществления: незадолго до этого Европа стала «выбрасывать» на внешний рынок труда избыток своего населения, а Аргентина, в свою очередь, благодаря нормализовавшейся внутриполитической обстановке смогла принимать широкий поток европейских переселенцев. Открытие регулярного межатлантического паромного сообщения позволило осуществлять эти массовые людские перевозки.

Особую заинтересованность в привлечении иммигрантов в Аргентину для освоения пустующих земель проявила в этот момент Англия, испытывавшая острую потребность в зерне. Зависевшие от английского капитала аргентинские правительства впервые за всю историю страны перешли от политики поощрения скотоводству к усиленному насаждению земледелия и в первую очередь — к превращению пампы из скотоводческой в хлебопашескую область. Плуг был объявлен символом прогресса, а лассо — символом невежества и отсталости.

Для многих сторонников нового направления, разделявших официальную мотивировку экономической пользы иммиграции, не менее сильным аргументом целесообразности таковой представлялась необходимость как можно быстрее европеизировать Аргентину. Широкую популярность в связи с этим приобрели идеи Сармьенто, которые он впервые высказал в «Факундо», а затем развил в других работах. По мысли Сармьенто, испано-индейская метисация, определившая облик населения Аргентины и других испанских колоний, стала причиной основных социальных зол Латинской Америки — отсталости и каудилизма. Поэтому в вытеснении метисов выходцами из Европы Сармьенто видел надежное средство победы «цивилизации» над «варварством». Классовая ограниченность таких взглядов проявилась и в стремлении с помощью иммигрантов-колонистов решить аграрную проблему, т. е. заменить эстансию (скотоводческое поместье) чакрой (крестьянским фермерским хозяйством) и превратить иммигранта в самостоятельного производителя — хозяина своей земли.

В конце 50-х годов удалось создать несколько колоний иммигрантов-земледельцев в провинциях Санта-Фе, Корриентес и Энтре-Риос на выгодных для колонистов условиях. Эти первые французские, швейцарские, итальянские и немецкие колонии сыграли важную роль в развитии земледелия в названных провинциях. Однако создание земледельческих поселений такого типа не превратилось в систему. Специфика земледельческой колонизации, как и характер развития капитализма в сельском хозяйстве, определялись в Аргентине сохранением крупных латифундий, препятствовавших приобретению земельной собственности массой колонистов.

За шестилетний срок президентства Сармьенто из 300 тыс. иммигрантов лишь 16 тыс. (5%) получили земли во владение⁴.

Остальные становились арендаторами или бросали полученные участки, так как условия аренды (краткосрочность контракта, высокая арендная плата) не учитывали специфики колонизации пампы и оказывались для многих колонистов непосильными. Надо иметь в виду, что иммигранты начинали все запово в пезнакомом месте, где их ожидало много непредвиденных трудностей. Реальность отнюдь не соответствовала тем блестящим перспективам, которые им были обещаны. Кроме всего прочего, само земледелие в пампе было делом новым: прежде такой традиции здесь почти не существовало. На северо-западе выращиванием винограда, сахарного тростника, зерновых занимались в основном метисы и индейцы. Еще с колониальных времен труд земледельца и пахаря считался на Рио-де-ла-Плате низким, презренным занятием (как, впрочем, и труд портного, столяра, плотника, каменщика, землекопа и т. д.). Подобное отношение укоренилось в пампе благодаря ее особым условиям: обилие скота и пастбищ освобождало креолов и метисов от необходимости заниматься тяжелым трудом хлебороба⁵. По словам современного аргентинского писателя Карлоса Карлино, они традиционно не занимались этим трудом⁶. Иммигрантам приходилось в прямом смысле слова поднимать целину, что требовало больших издержек, не учитываемых администрацией при составлении арендных договоров.

Противоречивость иммиграционной политики аргентинского государства, с одной стороны стимулировавшего массовую европейскую иммиграцию, а с другой — не решавшегося ущемлять интересы крупных землевладельцев, препятствовала осуществлению провозглашенных целей. Суть этой «двойственности», как показал советский исследователь А. В. Волков, заключалась в том, что «благие намерения энтузиастов иммиграции в Аргентину противоречили политике крупнейших землевладельцев, стремившихся создать в стране армию батраков для работы в их собственных хозяйствах»⁷.

Бедняки иммигранты, лишённые возможности получить землю, становились неонами-батраками либо устраивались на фабрики, в мастерские, на земляные и строительные работы. Лишь небольшая часть европейцев, имевших некоторый капитал, превращались в собственников земли, владельцев лавок, магазинов, мелких мастерских и фабрик.

Все же за время президентств Сармьенто были осуществлены важные мероприятия по расширению возможностей для иммиграции в целом. В 1869 г. в Буэнос-Айресе была создана Центральная иммиграционная комиссия, в задачи которой входили вербовка иммигрантов в Европе и устройство их в Аргентине. Аргентинское правительство стало оплачивать проезд из Европы (с возвратом в дальнейшем этой суммы). Важным нововведением явилось также создание в марте 1872 г. Национального ведомства труда (*La Oficina nacional del trabajo*), обеспечивавшего трудоустройство иммигрантов. В том же году европейцам, осев-

шим в Аргентине, был разрешен свободный выезд на родину для посещения родных и друзей, что стало одним из эффективных способов привлечения новых иммигрантов. Как правило, они возвращались в Аргентину с группой соотечественников, иногда численностью от 10 до 200 человек⁸.

Политику поощрения иммиграции продолжил президент Авельянеда (1874—1880). 19 октября 1876 г. вышел Закон об иммиграции и колонизации (*La Ley de inmigración y colonización*), остававшийся в силе вплоть до первой мировой войны. Законодательство 1876 г. не было чем-то качественно новым по сравнению с прежними декретами. Основные изменения касались упорядочения вербовки и отправки европейских иммигрантов в Аргентину, а также работы иммигрантских служб в портах прибытия и внутри страны. Наиболее эффективными, с точки зрения привлечения новых переселенцев, оказались положения закона об организации приема иммигрантов, бесплатном содержании их в течение первых пяти суток в Иммиграционном доме в Буэнос-Айресе (отель для иммигрантов со всеми службами), трудоустройстве, бесплатном проезде внутри страны до места назначения и т. п.⁹

Однако стремление либеральных правительств Ривадавии, Сармьенто и Авельянеды заселить страну свободными колонистами, — хозяевами небольших чакр — не оправдалось. Земельная олигархия, фактически управлявшая страной, тормозила все прогрессивные начинания в области аграрной политики. Крупные землевладельцы скупали объявленные для продажи земли, прибегали к всевозможным спекуляциям, взвинчивая цену на землю до баснословных размеров, особенно в наиболее плодородных провинциях пампы. Существование и дальнейшее расширение латифундий явилось серьезным препятствием для расселения иммигрантов по стране. Европейцы, прибывавшие в Аргентину с мечтой обзавестись земельным наделом, вынуждены были оседать в городах, в основном в столице и ее округе, или вовсе покинуть страну. Особенно много тягот выпало на долю тех, кто устроился вдали от крупных центров; им приходилось сталкиваться с произволом помещиков и отсутствием всякой помощи со стороны властей. В результате почти одновременно с иммиграцией возник постоянный отток иммигрантов в страну выхода, который усилился тяжелым экономическим кризисом в Аргентине (в 1890 г. в страну въехало 110 тыс., выехало 80 тыс.; в 1891 г. въехало всего 52 тыс., а выехало 82 тыс.¹⁰). Непрекращавшийся выезд на родину бывших иммигрантов значительно снижал реальные размеры иммиграции. Критикуя непоследовательность и недальновидность иммиграционной политики правительства, одна из газет того времени указывала, что «на средства, удерживаемые из питания, одежды и жилища народа, наши правящие классы пытаются привлечь иммигрантов, чтобы затем оставить их на произвол судьбы»¹¹. Утвержденных правительством договоров между панимателем и рабочим не существовало.

Вся практика трудоустройства иммигрантов обнаруживала, что под внешней вывеской порядка и законности скрывалась стихия капиталистического рынка труда.

Прямо с парохода иммигрант попадал в иммиграционный дом, где его содержали бесплатно 5—10 дней. За это время он должен был, не особенно «копаясь» в выборе места, пайти работу, чтобы не оказаться на улице. В поиске работы помогало Бюро труда, куда из разных мест поступали запросы на те или иные категории работников. Приняв одно из предложений, иммигрант мог рассчитывать на доставку до места назначения за государственный счет. На этом правительственная помощь кончалась. Иммигранты, не нашедшие работу или оставшиеся недовольными предложенным местом и возвращавшиеся из провинций в столицу, должны были жить на частных квартирах или в гостиницах за свой счет и уже сами подыскивать работу. К их услугам, правда, являлись частные агенты или конторы, которые за известное вознаграждение находили работу в городе или отсылали повичков в провинции. Но дело было поставлено таким образом, что обращающийся к их помощи иммигрант становился жертвой всевозможных махинаций, так как почти никакого контроля за деятельностью этих агентов и контор не велось. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что находясь в соглашении с подрядчиками, работающими на кирпичных заводах, стройках, на прокладке железных дорог и пр., агенты каждую неделю отправляли туда партии рабочих, «пожав с них предварительно обильную жатву». Рабочие принимались на работу, но после 2—3 недель их под тем или иным предлогом рассчитывали или предлагали пониженную плату, а на место уволенных принимали новых. Получившие расчет возвращались в Буэнос-Айрес и снова платили комиссию агентам¹². Иммигранты не были ограждены и от злоупотреблений местных чиновников, особенно провинциальных, почти неуязвимых для центральных властей.

Общая характеристика иммиграции и основных национальных групп.

Динамика численности, социальный состав, расселение

Статистический учет иммиграционного движения начался в Аргентине в 1857 г. С 80—90-х годов XIX в. и вплоть до первой мировой войны ежегодный прирост переселенцев из Европы в среднем превышал 100 тыс. человек. Всего с 1857 г. по 1914 г. прибыло свыше 4 млн. иностранцев (и около 2 млн. покинуло страну).

Наиболее благоприятным временем для иммиграции в Аргентину было десятилетие с 1904 г. по 1913 г., непосредственно предшествовавшее первой мировой войне. Это период наибольшей экономической активности в стране, интенсивного расши-

рения железнодорожной сети, увеличения производства зерновых и животноводства. В статистике иммиграции описываемое десятилетие отмечено «пиковыми» цифрами. Население республики с 5,5 млн. человек в 1904 г. выросло до 7,5 млн. в 1913 г. Иммиграция сказалась и на увеличении среднегодового естественного прироста населения (102,5 тыс. в 1904 г. и 157,3 тыс. в 1913)¹³.

Благодаря иммиграции менее чем за полвека, прошедших со времени Первой общенациональной переписи (1869), население Аргентины выросло в 4 раза — с 1,9 млн. до 7,9 млн. человек. Число жителей иностранного происхождения увеличилось за это время более чем в 11 раз — с 210 тыс. до 2,4 млн. Доля их в населении страны выросла с 12 до 30% (выше этот процент уже не поднимался, а с началом первой мировой войны стал неуклонно падать). Следует учесть, что с 70-х годов XIX в. до 1914 г. в стране могло родиться до двух поколений детей иммигрантов, согласно аргентинской конституции автоматически получавших аргентинское гражданство¹⁴ и поэтому зачисляемых переписью в графу «аргентинцы». Таким образом, становится очевидным, что в действительности роль иммигрантского населения к началу войны была значительнее, чем это отражено в статистике.

Об этнической принадлежности иммигрантов можно судить приближенно, так как в статистике учитывались лишь сведения о стране выхода. По численному составу основные иммиграционные группы, выделяемые статистикой по странам выхода, с 1857 по 1915 г. распределялись следующим образом¹⁵:

Страна эмиграции	Иммиграция в Аргентину, тыс. человек	Страна эмиграции	Иммиграция в Аргентину, тыс. человек
Италия	2290	Германия	62
Испания	1493	Англия	56
Франция	225	Швейцария	33
Россия	136	Бельгия	23
Турция	121	Прочие	190
Австро-Венгрия	82	Всего	4711

В первое время иммиграция проходила стихийно и эпизодически. Массовый и систематический приток европейских переселенцев, как мы уже упоминали, охватывает конец XIX — начало XX в. Учитывая определенные различия внутри этого периода, французский социолог Г. Бурде выделяет в нем два этапа¹⁶.

На первом, или начальном, этапе — с конца 50-х до конца 80-х годов XIX в. — «резервуаром иммиграции» для Аргентины служили: юг Франции, север Испании и Италии, т. е. ближайшая периферия капиталистически развитой Европы с романоязычным населением. Социальные бури подняли с насиженных

мест часть разорившихся мелких собственников — крестьян и городских ремесленников — на поиск лучшей доли в далекие страны, в том числе в Аргентину, страну с благоприятными для европейцев природными условиями и большими земельными возможностями. Некоторое сходство бытовых реалий, не говоря уже о языковом родстве, облегчали адаптацию этих иммигрантских групп к местным аргентинским условиям, особенно для тех иммигрантов, которые или располагали деньгами, или имели нужную профессию и поэтому быстрее входили в новую жизнь.

Второй этап массовой иммиграции падает на 1890—1914 гг. В это время экономические и демографические изменения, вызванные расширением сферы роста промышленного капитализма, затронули страны Восточной Европы. В Аргентину потянулись массы безземельных крестьян и безработных горожан из Южной Испании и южной Италии, Балканских стран, национальных окраин Австро-Венгрии и России. Эти переселенцы были менее квалифицированными, чем иммигранты предшествовавшего периода, а незнание испанского языка было серьезным препятствием для их социальной мобильности и культурных контактов с аргентинцами. Наряду с притоком полупролетарских элементов продолжался начавшийся еще в 50-е годы въезд английских, французских и немецких специалистов, обеспечивавших кадрами освоение природных богатств Аргентины в интересах западных монополий.

Размеры иммиграции из той или иной страны не были постоянными и иногда значительно колебались. Соотношение же основных групп в целом не менялось. Итальянцы прочно держались впереди. Высокий удельный вес итальянцев (в среднем за эти годы 49%) и испанцев (30%) определил этносоциальный характер всей аргентинской иммиграции. Доля выходцев из романоязычных стран в целом составляла свыше 85% всего переселенческого потока.

Анализ динамики численности иммиграции¹⁷ (табл. 3), дополненный данными литературных источников, позволяет вывести некоторые общие закономерности и специфику в характере движения отдельных групп из Европы в Аргентину.

С конца 50-х годов XIX в. для итальянской иммиграции была характерна самая высокая численность. До 1868 г. она держалась в среднем на уровне 6 тыс. человек в год. Затем следует скачок — до 22—23 тыс. ежегодно. Следующий взлет происходит в 1885 г. и длится пять лет, в течение которых в Аргентину из Италии приезжало по 60—70 тыс. человек. После относительного спада в следующие 15 лет, связанного, в частности, с экономическим застоем в Аргентине, итальянская иммиграция снова набирает силу и достигает рекордных размеров в десятилетие, предшествовавшее первой мировой войне, — до 100 тыс. и более переселенцев в год. Удельный же вес итальянской группы в общем объеме иммиграции снижался: с 70% в начальный

ТАБЛИЦА 3
Динамика иммиграционного потока из стран Европы с 1857 по 1915 г.

Годы	Италия	Испания	Франция	Австрия	Венг- рия	Германия	Англия	Швейца- рия	Россия	Прочие страны	Всего
1857—1860	12 355	3 370	1 105	297	—	240	518	286	—	2 307	20 000
1861—1865	33 664	6 401	1 687	370	—	426	864	548	—	2 914	46 874
1866—1870	79 890	16 226	6 684	445	—	872	3 033	1 446	—	4 100	112 696
1871—1875	82 851	28 458	22 318	548	—	1 963	5 598	3 759	—	2 952	148 422
1876—1880	69 210	16 068	10 409	3 733	—	1 856	3 802	2 544	—	4 569	112 191
1881—1885	182 620	23 133	20 763	5 529	—	5 914	4 991	5 324	120	6 791	255 185
1886—1890	313 265	135 709	73 078	11 989	—	7 870	11 221	6 713	4 035	27 491	591 383
1891—1895	159 640	36 450	12 197	2 489	—	4 403	1 483	2 243	11 010	5 737	236 252
1896—1900	264 455	95 264	14 397	6 298	—	4 290	2 521	2 028	6 456	16 159	412 074
1901—1905	289 534	146 774	14 034	11 285	2553	5 852	3 506	1 817	19 739	30 936	526 030
1906—1910	506 643	505 884	20 146	18 612	5340	13 452	9 259	3 124	64 754	90 859	1 238 073
1911—1915	300 451	484 092	18 635	17 038	—	15 191	9 003	3 512	55 308	108 605	1 011 835
Всего	2 294 578	1 497 828	206 453	78 633	7893	62 329	55 799	33 344	161 422	403 423	4 711 015

период до 60% в 90-е годы XIX в. и 40% перед первой мировой войной.

С 1850 по 1890 г. в Аргентину эмигрировали преимущественно крестьяне и ремесленники из северных областей Италии — Пьемонта, Лигурии, Ломбардии, Эмилии и Тосканы. Существует мнение, согласно которому роль итальянских иммигрантов на данном этапе можно сравнить с ролью немецких иммигрантов для США второй половины XIX в.¹⁸ Имеется в виду, что, как и немцы в США, северные итальянцы в Аргентине составляли самую представительную иммигрантскую группу, влившуюся широким потоком не только в сельское хозяйство, но и в промышленность, торговлю, транспортное строительство, активно участвуя в процессе урбанизации страны.

С конца 90-х годов XIX в. в увеличившемся потоке итальянской иммиграции стали преобладать выходцы из южных провинций Италии, включая Сицилию и Сардинию. В первые десятилетия существования единого итальянского государства (1870—1900) полуфеодальный, страдавший от непосильных налогов аграрный юг Италии все больше отставал от передовых районов северной части страны. Сотни тысяч крестьян и безработных уезжали оттуда в Америку, особенно в США и Аргентину. Значительную долю среди них составляли «ласточковые» иммигранты (так называли итальянцев, приезжавших в основном на заработки, чтобы затем с накопленной суммой денег возвратиться на родину).

Испанская иммиграция началась позднее, чем итальянская, так как до 1873 г. эмиграция из Испании была запрещена мадридским правительством. В ходе промышленного переворота в Испании все большие массы крестьян, ремесленников и мелких служащих «высвобождались» для внешних рынков труда. По числу иммигрантов испанская группа уступала в Аргентине итальянской, но в противоположность итальянской доля испанской иммиграции в общем объеме иммиграции год от года росла, — с 15% в начальный период до 49% в канун первой мировой войны, когда испанцев въехало больше, чем итальянцев.

В 70-е годы основными районами эмиграции из Испании были Галисия, Астурия и Саптадер, где преобладали мелкие крестьянские хозяйства. Баски и каталонцы также приезжали в эти годы, но их было немного. Испанский контингент в первые десятилетия иммиграции редко превышал 3 тыс. человек в год, но накануне войны 1914—1918 гг. он достигает максимума (около 100 тыс. в год) и на первый план выдвигается иммиграция из Каталонии и Арагона. Заметно выросло и число переселенцев из Андалусии. Через порты Андалусии — Кадис, Альмерню и Малагу — в Аргентину на время уборки урожая выезжали сельские поденщики, которых также можно назвать «ласточковыми» иммигрантами. Несмотря на значительную реэмиграцию, высокое положительное сальдо в миграционном движении испанцев и итальянцев произвело наибольшие изменения в струк-

туре населения Аргентины. К 1914 г. здесь проживало 930 тыс. итальянцев и 830 тыс. испанцев, вместе они составляли 23,5% населения республики¹⁹. Эти цифры относятся только к первому поколению иммигрантов. С учетом же второго поколения удельный вес иммигрантских групп заметно возрастает. Только итальянцы и их дети, рожденные в Аргентине, по некоторым неофициальным оценкам, составляли тогда до 28% всех жителей страны²⁰, хотя следует учесть, что данные об иммигрантах включали и сезонных рабочих. Само понятие «иммигрантская группа», применяемое к иммигрантам и их потомкам, становится до определенной степени условным. Часть детей иммигрантов рождалась в «смешанных» браках, да и в семьях, где оба родителя происходили из Европы, дети гораздо больше своих отцов и матерей тяготели к Аргентине, своей новой родине.

Роль иммигрантского населения в национальной жизни страны возрастала благодаря тому, что оно оседало преимущественно в прибрежных провинциях, особенно в провинции Буэнос-Айрес — экономическом, политическом и культурном центре страны.

На третье место после итальянской и испанской сразу же выдвинулась иммиграция из Франции, включавшая наряду с французами и басков из Нижнепиренейского департамента Франции, где до сих пор проживают представители этого народа. Скромная по своим размерам в 50—60-е годы XIX в. в дальнейшем иммиграция из Франции увеличилась в среднем до 3 тыс. человек в год.

На первоначальном этапе в Аргентину устремились в основном жители парижских предместий и деревень юго-запада, главным образом из-за капиталистического перенаселения в этих районах. На втором этапе, с 1890 по 1914 г., основной контингент французских, немецких и английских иммигрантов составляли коммерсанты, инженеры, техники, служащие и квалифицированные рабочие.

Англия эпохи королевы Виктории и кайзеровская Германия поощряли эмиграцию технических кадров в Аргентину, рассматривая ее как одно из средств экономической экспансии. Как правило, английские и немецкие иммигранты работали в торговых домах, банках, транспортных компаниях и на промышленных предприятиях фирм, правления которых находились в Лондоне или Берлине.

С конца XIX — в первом десятилетии XX в. началась массовая иммиграция в Аргентину из национальных окраин Центральной и Восточной Европы, ставшая следствием развития капитализма и обезземеливания крестьянства в этих странах, усиления эксплуатации трудящихся и роста национально-освободительного и революционного движения. Речь идет прежде всего об иммигрантах из царской России, Австро-Венгрии, Болгарии. Примерно половину их составляли лица еврейской национальности. Из этих стран выезжали также поляки, украинцы, русские, белорусы, литовцы, словаки, болгары, румыны и др. К сожалению, аргентин-

ская статистика не выделяла национальные группы среди иммигрантов из этих стран, что затрудняет определение их точного соотношения.

Так называемое «Еврейское колонизационное общество (ЕКО)», основанное бароном Гиршем в 1891 г. в Англии и владевшее в Аргентине обширными землями, активно вербовало евреев. ЕКО имело свои комитеты в России и других странах²¹. Евреи из России селились как отдельными колониями, так и попеременно с другими национальными группами. Для еврейских колонистов в целом была свойственна тяга к натурализации и ассимиляции. Это объяснялось особенностями еврейской эмиграции²². Среди обнаруженных нами в архиве материалов, относящихся к иммиграции из России в Аргентину, имеется сообщение русского протоиерея православной церкви в Буэнос-Айресе Константина Изразцова²³ от 25 октября 1911 г. о положении выходцев из России²⁴. В нем говорится, в частности, о том, что иммиграция в Аргентину из России приобрела большой размах после революции 1905 г., Русско-японской войны и столыпинской реформы. Вплоть до первой мировой войны она держалась на высоком уровне, уступая по своим размерам лишь итальянской и испанской. Всех бывших российских подданных, в том числе евреев, поляков, немцев, эстонцев, литовцев, латышей и др., аргентинская статистика объединяла в графу «русские».

Эмиграцию из России организовывали нелегальные агенты и посредники, связанные с иностранными, главным образом германскими пароходствами, извлекавшими из этого экономические выгоды. Отсутствие специального эмиграционного законодательства вредно отражалось на судьбах переселенцев из России в Аргентине. Эмиграционные законодательства государств Западной Европы предусматривали определенную защиту интересов своих подданных, учитывая экономическую целесообразность эмиграции для своих стран.

В 1905—1907 гг. в целях упорядочения эмиграционного движения царское правительство вынуждено было принять ряд мер для организованной отправки крестьян и мастеровых в Америку²⁵. Но из-за сложности получения иммиграционного удостоверения и его дороговизны эмиграция продолжалась в основном по неофициальным каналам. На положении, в котором оказывались русские иммигранты в Аргентине, отражалось также фактическое отсутствие там официального представительства России.

Средние показатели иммиграции из Англии на протяжении 70—80-х годов выросли с сотни до тысячи человек в год. Затем наблюдается некоторый спад — до 300—500 человек. С 1905 г. число иммигрантов — выходцев с Британских островов удваивается, приблизившись к показателям 80-х годов и даже превысив их в отдельные годы. Однако роль англичан в политической, экономической и культурной жизни Аргентины определялась не этими сравнительно низкими абсолютными размерами (в действительности самих англичан было еще меньше, так как приезжали

из Великобритании лица разных национальностей), а господствующим положением английского капитала в экономике молодой республики.

Последняя из национальных групп, о которой нельзя не сказать отдельно, это немцы. Иммиграция из Германии стала представлять интерес для Аргентины только в последние годы XIX в., хотя первые немцы появились здесь намного раньше, еще в колониальный период. Значительное число немцев эмигрировало в страну после революции 1848 г. (с этим связано распространение в Аргентине традиций немецкой революционной интеллигенции). Статистика в целом, как полагают, преуменьшала фактическую иммиграцию из Германии, так как большая часть немецких коммерсантов, инженеров, техников не являлись палубными пассажирами, а только таковые попадали в списки иммигрантов²⁶. Если присовокупить сюда выходцев из Австро-Венгрии, среди которых, правда, были в основном представители славянских народностей, то немецкоязычную группу можно поставить, очевидно, даже на третье место.

На характер расселения иммигрантов, выбор ими занятий и вклад в культуру принимающих стран во многом влияли их этническая принадлежность и уровень экономического и социального развития страны выхода и страны иммиграции. Судьбы не только разных национальных групп, но и выходцев из одной и той же страны складывались по-разному, скажем, в Канаде, США или Аргентине. Итальянцы, например, в США оказались одной из наименее престижных групп с ограниченными социальными возможностями, а в Аргентине их положение было совсем иным.

Итальянцы и испанцы при общем тяготении иммигрантов к столичному округу расселялись в Аргентине всюду, находили занятия в разных сферах, не испытывая особых языковых или религиозных трудностей.

Иммиграция французов в Аргентину была связана во многом с особым значением, которое приобрела Франция для культурного развития Латинской Америки в XIX — начале XX в. Париж стал своего рода южноамериканской Меккой²⁷. Французская мода превратилась в законодательницу вкусов на Ла-Плате, и почти для каждой богатой семьи побывать в Париже стало требованием престижа. Возвращались в Аргентину в сопровождении многочисленной французской «свиты», состоявшей из парикмахеров, портных и т. д. Препеждали ресторанный и отельный персонал и их родственники. Наряду со сферой обслуживания французы, как уже говорилось, направлялись в промышленность, торговлю, а также в сельское хозяйство Аргентины, где часть их становилась фермерами, а часть — сельскохозяйственными работниками.

Англичане в Аргентине устраивались преимущественно в городах, где им легче было сохранять свой язык и религию. Они занимали привилегированное положение в коммерции и промышленности. Определенная часть английских иммигрантов становилась владельцами скотоводческих поместий, в том числе в Па-

таговии (провинция Чубут), где они развили овцеводство, оказавшееся там очень прибыльным занятием. Если для массовой британской эмиграции более подходящими оказывались, несомненно, условия США и Канады, то небольшие группы англичан находили в Аргентине весьма благоприятные возможности для предпринимательства. Одна из них была связана с финансовым контролем Англии над рيو-платскими рынками²⁸.

Немцы также предпочитали города: Буэнос-Айрес к 1914 г. дал приют по меньшей мере 12 тыс. из них²⁹. Однако, как считал Хиллер, не было ни одной провинции в Аргентине, где бы ни встречались немцы³⁰. Они не создавали замкнутых колоний, зато в большом числе смешанных по составу колоний немцы преобладали. Во всяком случае, замечено, что в Бразилии, где немецкие иммигранты также были одной из наиболее крупных групп, они сохраняли большую, чем в Аргентине, внутреннюю замкнутость³¹.

Сохранение и укрепление немецких национальных меньшинств в Южной Америке, защита их интересов были частью далеко идущих колониальных устремлений нарождающегося германского империализма. В деле создания немецких колоний за океаном большое значение, в частности, придавалось расширению, в том числе и в Аргентине, сети школ на национальном языке со специальным сельскохозяйственным уклоном для обучения немецких колонистов. Уже в начале XX в., по подсчетам доктора Руге — директора «Германиашуле» (самой крупной из немецких школ за границей), в Аргентине было свыше 100 таких школ с 6 тыс. учеников. Аргентинское правительство старалось извлечь пользу из этих школ, в частности для развития зернового хозяйства, и, по мнению немецкого иммигрантоведа В. Шмидта, это ему удавалось³². Со своей стороны, различные немецкие общества, многочисленные кружки, клубы, а также пресса на немецком языке проявляли в Аргентине большую активность для сохранения всего немецкого, поддержания в немецких эмигрантах чувства национальной гордости.

Среди европейских иммигрантов на самом низком социальном уровне находились выходцы из национальных окраин Восточной Европы.

Число проживавших в Аргентине выходцев из России ко времени первой мировой войны превышало 150 тыс. человек, но в организационном отношении русская колония была одной из самых слабых. Иммигранты из России оказались в менее выгодном положении по сравнению с иммигрантами из Италии и Испании, которые имели сходный с Аргентиной климат, язык и т. д. Неудобства бытового характера усугублялись почти полным отсутствием учреждений, представляющих интересы русских иммигрантов. По приезде в Аргентину они чувствовали себя беспомощными, предоставленными самим себе. В обстоятельном донесении из Аргентины, найденном нами в ЦГИА СССР и относящемся к 1912 г., говорилось, что большинство русских здесь вынуждены соглашаться на любые самые невыгодные условия труда. «Очень

часто, — сообщалось в этом документе, — можно встретить на улицах Буэнос-Айреса оборванных, грязных работников с большим мешком за плечами. Смело можно сказать, что это не кто иной, как русский, пробирается с вокзала на «фонду» (гостиницу). Русских гостиниц в Буэнос-Айресе много, и все они процветают, ибо, куда бы ни занесла судьба русского человека, он все-таки тяготеет к Буэнос-Айресу»³³.

Крестьяне, поденщики и ремесленники приезжали из России без семьи на время, как на своего рода отхожий промысел. Зимний сезон в России (с декабря по апрель) приходился в Аргентине на самую горячую пору уборки урожая и повышенной поденной платы. На эти четыре-пять месяцев сезонные иммигранты обрекали себя на жалкое существование: «Все помыслы их сводились к тому, чтобы... каторжным трудом заработать сколько возможно денег и затем ехать на родину» (из письма уполномоченного императорской миссии в Буэнос-Айресе от 20 ноября 1911 г.)³⁴. Однако полгода, как правило, оказывались недостаточным сроком для накопления большой суммы и приходилось оставаться на три-четыре года. За это время часть иммигрантов успевала завести семью и оседала здесь навсегда.

Различные официальные лица в России, отвечавшие на запрос Министерства внутренних дел о возможностях организованной эмиграции в Аргентину русских крестьян, расходились во мнениях о ее целесообразности. Однако конкретная информация, содержащаяся в переписке по этому вопросу, обнаруженная в архиве, представляет большой интерес. Нередко она касается вопросов общего характера, например, каким образом крестьянин Виленской губернии попадал на заработки в Аргентину. Позволим себе в связи с этим привести выдержки из упомянутого ранее неопубликованного письма из Аргентины уполномоченного общества «Русское зерно» в Петербурге:

«...Доведенный до нищеты безработицей, продолжавшейся до весны, крестьянин начинает искать выхода из своего положения. Он слышит, что его односельчанин живет где-то в Аргентине, где эта Аргентина и что такое Аргентина не вмещается в его голове, но важно то, что там можно заработать. В письме его земляка говорится, что можно заработать 100—150 р. в месяц. В правдивости слов своего земляка он не сомневается, а тут еще, кстати, какая-то контора Мисслера (филиал ЕКО. — Л. III.) приглашает на работу, обещая ему золотые горы. Долго ломает себе мужик голову, как бы пробраться в Аргентину, в конце концов собирает все деньги, какие только у него есть, недостающую сумму берет под процент у сельского кулака и едет, вполне отдавшись в руки агента... Привезут его на границу в какое-нибудь местечко, подождут, пока не соберутся еще несколько человек, и ночью «скрадут» границу (т. е. тайно переправят через границу. — Л. III.) От одного агента он переходит к другому. Одних отправляют через Амстердам, других — через Рим, а большинство — через Гамбург или Берлин. Посадив рабочего на пароход, агент свою работу

ТАБЛИЦА 4

Профессиональный состав аргентинских иммигрантов (1876—1909 гг.)

Занятие	Итальянцы	Испанцы	Французы	Русские	Австро-венгры
Крестьяне	1 010 047	254 916	81 886	43 154	26 368
Поденщики	191 676	232 259	13 146	6 019	5 656
Ремесленники	132 866	85 956	18 134	3 794	6 618
Торговцы	28 968	31 057	8 375	8 430	3 764
Другие профессии	111 516	84 087	22 429	7 671	10 987
Без профессии	208 888	139 541	16 682	24 281	10 199
Всего	1 683 961	827 816	160 652	93 349	62 592

Занятие	Немцы	Англичане	Швейцарцы	Прочие	Всего
Крестьяне	16 290	8 596	9 500	31 048	1 481 805
Поденщики	2 567	2 239	1 280	16 525	471 367
Ремесленники	4 189	3 757	2 197	16 870	273 381
Торговцы	5 112	5 378	2 711	48 653	142 448
Другие профессии	7 522	9 228	2 118	20 083	275 641
Без профессии	4 675	5 760	5 277	21 603	436 906
Всего	40 355	34 958	23 083	154 782	3 081 548

считает законченной, положив за каждого 30—80 р. в карман... Дни на пароходе проходили в карточной игре и мечтах о больших заработках. Все были уверены в том, что они с первого же дня будут зарабатывать по 7—8 руб. в день. Показывались письма, в которых земляки, уехавшие раньше в Аргентину, хвалились, что они зарабатывают по одному и более песо в день.

Только в Аргентине я понял причину этих писем, даже удалось присутствовать при составлении подобного письма. Жажда иметь вблизи себя близких по духу и крови заставляет авторов подобных писем покривить душой... Авторы письма преувеличили свой заработок более чем вдвое. В своем письме они умолчали о том, что вновь приехавшему трудно рассчитывать на такой заработок, какой они имеют... Прочитавшему подобное письмо кажется, что стоит только приехать в Аргентину, как золото польется в его карманы. И много русских приехало с таким представлением об Аргентине. Мне пришлось видеть их глубокое разочарование, когда они узнали настоящую поденную плату»³⁵. Даже газета «Русский голос», издававшаяся в Буэнос-Айресе на русском языке, не давала объективной информации об условиях жизни в стране, являясь, по словам советского историка Н. В. Королева, «средством дезориентации и заманивания русских в Аргентину»³⁶.

Несмотря на то что на родине большинство иммигрантов было занято в сельском хозяйстве (табл. 4)³⁷, в Аргентине, в конечном

счете, многие из них оставались в городах. Это подтверждают данные статистики. Так, по переписи 1914 г., около 70% иностранцев, как обозначались иммигранты, жили в городах, в том числе 33% — в федеральной столице (по сравнению с 14% всех уроженцев страны, проживавших в Буэнос-Айресе)³⁸. Предпочтение, которое отдавалось городам, было связано в первую очередь с тяжелыми условиями земледельческой колонизации. Немалое значение имело также быстрое расширение рынка труда в городах и прежде всего в Буэнос-Айресе.

Ниже приводятся данные о расселении иммигрантов по провинциям (в % от общего их числа, проживающих в стране)³⁹:

Год	Буэнос-Айрес	Кордова, Энтре-Риос, Корриентес	Остальная территория
1869	48	42	10
1895	39	52	9
1914	41	49	10

Приведенные цифры также свидетельствовали о тяготении иммигрантов к прибрежной зоне, в частности к провинции Буэнос-Айрес, — району экономически наиболее развитому. С середины XIX в. земли провинции пампы приобрели новую ценность как самые плодородные и пригодные для произрастания пшеницы, льна и кукурузы.

То, что иммигранты оседали в прибрежных провинциях, особенно в Буэнос-Айресе, естественно, усиливало их взаимодействие с принимающим обществом.

Анализ статистических данных показывает, что социальный и профессиональный составы разных национальных групп иммигрантов не были однородными (см. табл. 4). Однако их общей характерной чертой являлось преобладание трудящихся элементов. Это была трудовая иммиграция. Однако в отличие от других переселенческих стран (например, США и Канады), где так называемый «фактор трудоустройства» действовал почти всегда в пользу старожильческого населения, в Аргентине иммигранты из европейских стран, капиталистическое развитие которых ушло далеко вперед, располагали в этом отношении определенными преимуществами по сравнению с местным населением. Уже на ранних этапах иммиграции в специфических условиях Аргентины профессионально-технический уровень иммигрантов, по мнению современного североамериканского экономиста О. Корнблита, обеспечивал европейским иммигрантам более высокие в целом возможности трудоустройства⁴⁰. Впрочем, это не исключало серьезных трудностей, испытываемых иммигрантами в Аргентине, так же как и в других переселенческих странах. В Аргентине иммигранты имели худшие условия жизни, чем в США, по большому числу шансов продать свою рабочую силу.

Аргентина была обязана иммиграции в первую очередь ускорением темпов экономического развития. Переселенцы из капи-

талистической Европы привезли с собой разносторонние трудовые навыки, сыгравшие немалую роль в совершенствовании старых и создании новых отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Некоторые черты аргентинской иммиграции имели сходство с иммиграционным движением в другие страны, иные были присущи только ей.

Сами по себе высокие абсолютные и относительные размеры иммиграции в Аргентину не являлись чем-то исключительным. То же самое можно сказать и о значительной доле в составе иммигрантов трудящихся элементов, и о высоком проценте самостоятельного населения, в котором преобладали бессемейные мужчины от 20 до 40 лет, т. е. самого трудоспособного и активного возраста. Для аргентинской иммиграции было свойственно сочетание, совокупность всех этих признаков, обусловивших высокую социокультурную контактность. Интенсивность этого процесса усиливалась благодаря концентрации иммигрантов в прибрежной зоне, в самом сердце страны, где сложилось основное ядро консолидировавшейся нации. Активным социальным и этническим контактам способствовало преобладание среди иммигрантов представителей родственных этносов — итальянцев и испанцев, близких по языку, религии и другим элементам культуры к аргентинцам.

Характер этнокультурного взаимодействия иммигрантов с аргентинцами

В результате иммиграции Аргентина впитала в себя культурные традиции многих стран и народов, что наложило отпечаток на культуру, быт и нравы аргентинцев.

Однако влияние массовой иммиграции на этнокультурное развитие нации изучено значительно меньше, чем на социально-экономическую и демографическую структуру населения Аргентины. С этим связана возможность двойственных и противоречивых оценок в литературе. Чаще всего преувеличиваются результаты массовой иммиграции из Европы, которая якобы поглотила истинных аргентинцев и всю их предшествующую культуру.

При этом следует отметить, что, как правило, роль иммиграции переоценивают те авторы (обычно это журналисты, писатели), родители которых были выходцами из Европы.

Более объективная, на наш взгляд, оценка заключается в признании «живучести оригинальной культуры», сложившейся в Аргентине в предшествующий период, но не всегда этот факт объясняется до конца. Некоторые авторы видят главную причину сохранения в Аргентине прежних «языка и нравов» в отсутствии принципиальных расовых, языковых, религиозных и социальных различий между креолами и основной массой иммигрантов⁴¹. На самом же деле, взятая в отдельности, без учета конкретных исторических условий «этническая близость» или «равноценность цивилизации» (по терминологии многих зарубежных ученых) может

играть двоякую роль: в одних случаях не мешать развитию внутренних тенденций принимающего общества, в других — усилить воздействие на него, навязать привнесенные извне элементы.

Однако и недооценка воздействия массовой иммиграции на национальную жизнь была бы тем более неверной. Иммиграция в значительной степени модернизировала, преобразовала прежде экономически отсталую и малонаселенную страну. В этом смысле можно действительно говорить о рождении «новой Аргентины». Обновились и многие характеристики населения, в частности его этнический состав стал весьма разнородным. В целом же следует учесть, что большие социально-экономические перемены не были равнозначны этнокультурным изменениям.

Модернизация экономики не коснулась глубинных, структурных форм социально-экономической системы. Деформация в развитии капитализма осталась прежней. Тип хозяйства в целом также не изменился. Господство крупной земельной олигархии и зависимость от Англии сдерживали капиталистическое развитие и препятствовали радикальным изменениям той модели капитализма, которая сложилась в предшествующий период.

Процесс трансформации специфически национальной культуры на новом этапе, связанном с массовой европейской иммиграцией, протекал неоднозначно в разных социальных слоях населения и в разных географических районах страны. В аргентинской национальной культуре, как в каждой буржуазной национальной культуре (вспомним известное высказывание В. И. Ленина⁴²), образовалось два пласта: культура парода и культура господствующих классов, или «просвещенной элиты». Кроме того, здесь исторически сложились различные этнокультурные ареалы. Несомненным, однако, остается тот факт, что на всех уровнях элементы креольской культуры не только не оказались совершенно вытесненными новыми, пришедшими из Европы вместе с массовым наплывом иммигрантов в XIX—XX вв., но, напротив, при всех происшедших изменениях составили основу дальнейшего развития национальной культуры. В аргентинской научной литературе эта мысль в последнее время высказывается все чаще. Причем креольская культура понимается широко, как результат взаимодействия культуры креолов, метисов, гаучо и негров. Аргентинский этносоциолог Х. Кароль Пас пишет, что вклад «креольской культуры — продукта метисированного колониального общества — очевиден и динамичен»^{42а}. И далее: «Под поверхностным слоем перемены продолжается существование креольской культуры — и с меньшей интенсивностью — отдельных традиций аборигенных элементов. В границах культуры района пампы (провинция Буэнос-Айрес, Пампа и юг Санта-Фе) креольская культура представляется как активный субстрат, тесно связанный с реальностями современной народной культуры»⁴³.

На вопрос, почему те или иные проявления креольской культуры не только сохранились под натиском мощного влияния извне, но и органично вплелись в общий процесс социокультурных

изменений, нельзя ответить однозначно: причин много. Несмотря на значительный приток рабочей силы из Европы и интенсивное втягивание Аргентины в международное капиталистическое разделение труда, в стране сохранилась та специфика, хозяйственная и природная, те источники, которые питали и питают до сих пор традиционные формы национальной культуры. В нераспаханных просторах пампы итальянцы, баски, шотландцы, ирландцы, англичане становились гаучо. Большое значение в сдерживании европейского влияния имела государственная политика: аргентинское правительство уже с 70-х годов XIX в. стало препятствовать организации больших, однородных по национальному составу колоний, вводило национальный (испанский) язык во всех высших учебных заведениях, всячески способствовало скорейшему переходу иммигрантов в аргентинское гражданство. Нельзя забывать также, что при всей своей массовости (с 1869 по 1914 г. доля иммигрантов в населении всей страны увеличилась с 12 до 30%; в самом Буэнос-Айресе она достигала 50%) иммиграция вливалась в Аргентину «порциями», состоявшими из представителей разных национальностей. Объединяясь здесь в иммигрантские землячества, эти группы, в отдельности и взятые вместе, не представляли собой в отличие от аргентинского этноса столь же цельного этносоциального организма. Степень национальной консолидации, достигнутой в Аргентине ко времени иммиграции, должна была, на наш взгляд, явиться надежной защитой от размывания креольской культуры. Происходившие перемены не могли привести к разрыву с прежними культурными традициями и изменить коренным образом природу аргентинского этноса. Преимущество в его развитии, несомненно, сохранялась. Как и в некоторых других переселенческих странах, в Аргентине европейские иммигранты вынуждены были приспосабливаться к сложившейся здесь социальной и политической структуре. Не упуская из виду специфики каждой из стран, можно в известной степени отнести и к Аргентине вывод, сделанный советским исследователем Ш. А. Богинной применительно к США: «Прибывавшие одна за другой новые массы иммигрантов включались в уже сложившуюся ткань американского общества, и поэтому их дальнейшее развитие было обусловлено строем этого общества»⁴⁴.

О роли государственно-политического фактора в регулировании этнических процессов в период массовой иммиграции можно судить, например, по деятельности правительства в области школьного образования. Школьные реформы конца XIX — начала XX в. были проникнуты националистическими устремлениями. С 1880-х годов история и география Аргентины, прежде изучавшиеся как часть общего предмета — мировой истории, были выделены в самостоятельные дисциплины. В 1888 г. Ф. Поссе, тогдашний министр образования, издал декрет о введении урока истории Аргентины в программы первых и вторых классов средней школы по шесть часов в неделю (раньше этому предмету отводилось только два часа в неделю в последних классах). В статье о си-

стеме образования в Аргентине 1890—1914 гг. североамериканский историк Г. Спэлдинг сделал вывод, что происшедшие перемены «способствовали расширению круга детей, охваченных националистической пропагандой, а сама пропаганда стала более действенной, так как дети теперь соприкасались с ней в более раннем и податливом возрасте»⁴⁵.

Правительство предпринимало меры для того, чтобы большой прилив европейцев не вызвал ослабления национальных чувств аргентинцев. Одновременно самим иммигрантам старались привить новое этническое самосознание и любовь к стране. На всех школьных зданиях был вывешен аргентинский флаг, а национальные праздники (25 мая — начало Майской революции и 9 июля — провозглашение независимости на Тукуманском конгрессе) превратились для школьников в большие торжества.

По декрету 1899 г. историю и географию, а также испанский язык разрешалось преподавать в школах только уроженцам Аргентины. Законопроект 1896 г. о переводе всех школ на испанский язык не был принят сенатом; два года спустя конгресс одобрил эту меру, но президент наложил на нее вето, заявив, что она нарушает свободу образования и выражает ненужную враждебность к иммигрантам. Однако сама идея использования школы как средства формирования национального самосознания получила широкую поддержку. В учебниках и других книгах все, что касалось истории Аргентины, «стало окружаться ореолом величия; в них выделялись даты, события и люди, которые символизировали славное прошлое и величественное будущее Аргентины»⁴⁶. Известный аргентинский просветитель Х. М. Рамос Мехиа, президент Национального совета по образованию с 1908 по 1912 г., т. е. в период наиболее интенсивного ежегодного притока иммигрантов, усилил националистический акцент в школьном преподавании. При нем школы получали имена национальных героев, иностранные тексты в учебниках заменялись отрывками из сочинений национальных классиков. Аргентинская школа в те годы производила впечатление «явно озабоченной национализмом»⁴⁷. Учебные заведения иммигрантских общин также испытывали все усиливавшееся давление со стороны государства⁴⁸.

Националистический рывок в образовании давал результаты, которые скоро обнаруживали себя и за пределами школы, причем иногда в довольно неожиданной форме. Некоторые старшеклассники по собственной инициативе образовывали группы рьяных блюстителей аргентинского патриотизма, и, если, например, во время национальных торжеств иностранцы оставались в головных уборах, их ожидала расправа со стороны этой агрессивно настроенной молодежи.

Характер этнокультурного взаимодействия различных иммигрантских национальностей с уроженцами страны и между собой был разным и зависел от комплекса явлений социально-экономического, политического и психологического порядка. Нельзя, как это иногда делается, механически соизмерять степень культурного

влияния с удельным весом данной группы иммигрантов в населении. Уже говорилось, что, например, англичане никогда не составляли значительной доли среди прибывавших в Аргентину европейских иммигрантов, особенно остававшихся на постоянное жительство. В начале XX в. их насчитывалось всего около 46 тыс. человек. Зато английский капитал проник во все области общественной жизни. Запимая ключевые позиции в экономике страны, англичане образовали влиятельную прослойку среди финансовой аристократии и оказали сильное воздействие на культуру господствующих классов. То же самое относится и к некоторым другим иммигрантским группам, в том числе французской. Выше говорилось, что французская иммиграция резко уступала по размерам итальянской и испанской, в то же время, влияние французской литературы и языка с 80-х годов прошлого века ощущалось в Аргентине столь же, если не более существенно, сколько и влияние итальянского языка⁴⁹. Можно в связи с этим привести весьма любопытную характеристику аргентинцев французским министром Тибо. В речи по случаю открытия в Париже в 1900 г. памятника национальному герою Аргентины генералу Сан-Мартину (он умер в Париже в 1850 г.) Тибо отметил: «Ваша конституция — американская, ваше животноводство — английское, головные уборы ваших солдат — немецкие, по ваша душа — латинская и ваш ум — совершенно французский»⁵⁰. При всей претенциозности эти слова отражают причудливое смешение элементов, которые в той или иной мере характеризовали некоторые аспекты аргентинской культуры.

Механизм слияния культур иммигрантов и уроженцев страны был сложным, многоступенчатым. Факторы, способствовавшие адаптации, вживанию иммигрантов в новую среду, вступали в противоборство с обстоятельствами, затруднявшими ее. Даже несмотря на близость романских языков большинства иммигрантов и аргентинцев (испанского, итальянского и французского), оставался целый ряд трудностей, преодолеть которые было не просто: эмоциональная связь с европейской родиной, предубеждения этнического и социального характера со стороны принимающего населения и т. д. В подобных условиях наиболее верным залогом успешной культурной ассимиляции и одновременно важным этапом этого процесса становилось активное участие иммигрантов в экономической жизни Аргентины, их социально-экономическая интеграция, или «структурная ассимиляция»⁵¹. Сильные позиции, занятые, например, итальянцами в социально-экономической структуре Аргентины, способствовали восприятию ими культурных ценностей принимающего общества. И хотя одновременно на этой основе легче было культивировать свои этнические особенности, итальянская группа постепенно приобретала новые черты.

Культурная ассимиляция происходила более замедленными темпами, чем структурная. Кроме того, характер ее менялся на разных исторических этапах. В разгар иммиграции и даже в

первое время после ее ослабления, несмотря на активное приспособление к новым условиям, иммигрантские группы еще сохраняли свою культурную специфику. Известный аргентинский социолог Джинно Джермани считает даже возможным говорить о преобладании «культурного плюрализма» над тенденцией к сближению и смешению в Аргентине до 1930 г.⁵² Американец Сэмюэль Бэйли в своем более позднем исследовании⁵³ также пользуется этим термином для передачи характера этнических процессов в Аргентине в период массовой иммиграции. Но, во-первых, он рассматривает «культурный плюрализм» в Аргентине как одну из ступеней культурной ассимиляции иммигрантов, а во-вторых, показывает (на статистических данных о моделях брака среди иммигрантов Буэнос-Айреса в период 1882—1923 гг.), что вытеснение попыток к обособлению началось гораздо раньше, чем принято об этом думать. Так, например, при всех различиях между аргентинцами, итальянцами и испанцами в выборе брачных партнеров так называемый «индекс гомогенных браков» (т. е. внутригрупповых), несмотря на постепенное выравнивание соотношения полов среди этих групп, у аргентинцев стал неуклонно падать с 1898 г., у итальянцев — с 1890 г. и у испанцев — с 1911 г.⁵⁴

Прекращение притока больших масс новых переселенцев из Европы с началом первой мировой войны привело к облегчению их культурной ассимиляции. На этой стадии термин «ассимиляция» можно применить с меньшими оговорками в своем непосредственном значении, т. е. как «растворение иммигрантов в новой среде с утратой ими специфики своей культуры и быта»⁵⁵.

Тем не менее сложность и многоступенчатость этнических процессов, связанных с массовой европейской иммиграцией, растянули на многие десятилетия этнокультурное объединение различных этнических компонентов в рамках единой аргентинской нации.

Отрицательное отношение к иммигрантам, свойственное принимающему обществу, усугублялась тяжелыми условиями жизни в Аргентине. По мере все большего насыщения рынка труда росло соперничество за получение выгодной работы, которое имело место не только между коренными жителями и европейцами по происхождению, но и между иммигрантами разных национальностей и разного «стажа» пребывания в стране. Кличка «гринго» с оттенком презрения, ставшая общим прозвищем иммигрантов, употреблялась и самими иммигрантами-старожилками по отношению к новичкам. Эти сложные, порой напряженные и враждебные отношения запечатлены в художественной литературе, в живых и правдивых воспоминаниях иммигрантов и других очевидцев⁵⁶.

Суровые условия жизни обостряли межэтнические отношения.

Защитной реакцией иммигрантов на психологический фактор «отталкивания» становилось, с одной стороны, сохранение связей с прежней родиной, с другой, — создание в Аргентине имми-

грантских колоний или общин со своими национальными институтами, имитировавшими жизнь в европейских странах. Существование этих колоний поддерживалось постоянным притоком новых иммигрантов. Различные иммигрантские национальные организации облегчали участь людей, вынужденных искать лучшей доли за океаном.

Итальянская, испанская, английская, французская, немецкая, швейцарская и другие колонии имели благотворительные общества, госпитали, клубы, газеты и журналы на родном языке. Итальянцы и испанцы располагали даже собственными торговыми палатами, банками (несколько банков было также у немцев и англичан). Иммигрантские организации способствовали сохранению европейских культурно-бытовых традиций и в этом смысле замедляли культурную ассимиляцию иммигрантов (указанная проблема существует в какой-то мере и в настоящее время). Официальная протекционистская политика правительств европейских стран, не желавших терять безвозвратно своих бывших подданных, начиная с эмиграционных законодательств и кончая денежными субсидиями, подкрепляла живучесть естественной тяги переселенцев к прежней родине. Периодика на родном языке со скрупулезно подобранным перечнем событий, происходящих в родном краю, сохраняли у выходцев из Европы и их детей сознание своей этнической особенности. Однако весь комплекс «субкультуры» иммигрантов служил одновременно определенной ступенью к их интеграции и ассимиляции, становясь как бы частью культуры принимающего общества. Схематично этот процесс можно разделить на две ступени: 1) создание системы национальных институтов, возмещающих разлуку с родиной и одновременно притупляющих тоску по ней; и 2) рождение и укрепление производственных и духовных связей с новой родиной. В качестве примера приведем школьное образование. Школы с обучением на «иммигрантских» языках как нельзя более поддерживали тенденцию сохранения национальных различий. В то же время повышение образовательного уровня и знание испанского языка давали детям иммигрантов большие возможности трудоустройства и обычно они продолжали учебу в государственных учебных заведениях. Именно через участие в общественно-воспитательной и производственной жизни страны прежняя культурная общность распадалась, несмотря на тщетные надежды многих переселенцев сохранить ее на новом месте.

Роль европейских переселенцев в этнокультурных процессах Аргентины была довольно активной. Очень точно об этом писал Эктор Агости: двойственный характер исторического процесса развития аргентинской нации в эпоху иммиграции заключался в том, что «старые (иммигрантские — Л. Ш.) связи, все больше удаляясь от своего источника, испытывали влияние новых условий, новой атмосферы и традиций, оказывая в свою очередь влияние на эти новые условия и их главных действующих лиц»⁵⁷. То, что было присуще «гринго», начинало соеди-

няться с «креольским», «образуя единое целое», и это единство стало оригинальным, самобытным свойством аргентинской культуры»⁵⁸. Появился термин «agringado» по отношению к аргентинцу, воспринявшему элементы культуры «гринго».

Одним из первых живых образцов такой интеграции служит «коколиче» — смешанный итало-испанский жаргон конца XIX — начала XX в., на котором говорили иммигранты и который оказал заметное влияние на общенародный язык аргентинцев. Другим примером «модификации национального» под воздействием иммигрантов являются «сайнете» — короткие сценки полусатирического, полукوميческого характера, наиболее распространенная в первое десятилетие XX в. форма народного театра. Дело в том, что большинству иммигрантов, даже многие годы проживавших в стране, не удалось научиться правильно говорить по-испански. Они искажали произношение и засоряли испанский язык Аргентины диалектными оборотами, свойственными их родным языкам. Именно так возник коколиче и его многочисленные варианты, перенесенные актерами сайнете на театральные подмостки. Актеры на сцене точно копировали то, что они слышали дома, на улице, в боличе (лавка-таверна) и в любом другом месте, где собиралось больше двух человек разной национальности, чтобы обсудить свои повседневные дела. Новые слова обретали гражданскую прописку, обогащая смысловыми оттенками старые испанские термины. Образы и сцены народного театра отражали реальный процесс уничтожения раскола между креолами и гринго. «Нравы и обычаи гринго, выражения и обороты их языка входили в плоть и кровь аргентинского общества и уже переставали восприниматься как присущие только гринго, ибо становились достоянием всего народа»⁵⁹. Национальная культура перестала использовать только креольские традиции. Агости говорит о новой ее основе, которая возникла в результате взаимосвязи и взаимовлияния гринго и креолов. Именно из этой «двойной обусловленности», по его мнению, проистекает самобытный характер современной аргентинской культуры. «Мы уже не являемся ни креолами, ни гринго; мы просто аргентинцы. Но аргентинцы, происходящие от различных предков»⁶⁰, — таков был итог, к которому привели десятилетия взаимодействия культуры иммигрантов и аргентинцев.

Большое значение для этого процесса имело второе иммигрантское поколение, т. е. дети иммигрантов, которые по целому ряду признаков были намного ближе к аргентинцам, чем их родители. Они одновременно воздействовали и на культуру своих родителей, и на культуру принимающего общества, способствуя сближению обеих. Особенно эффективным делали этот процесс смешанные браки. Высокий процент мужчин во всех иммигрантских группах стимулировал смешанные браки, хотя интенсивность заключения таких браков была различной для разных этнических групп. В упоминавшемся нами исследовании С. Бэйли показал на основе анализа соответствующей статистики, что в

период массовой иммиграции количество межгрупповых браков в Буэнос-Айресе увеличивалось и они приобретали роль доминирующей модели браков⁶¹. Решающий период трансформации этнического самосознания иммигрантских групп в этой связи наступил с началом первой мировой войны. После прекращения массового притока новых иммигрантов из Европы фактор «этничности» в выборе супруга и создании семьи стал ослабевать, больший удельный вес в самих национальных общинах приобретали новые поколения детей иммигрантов, родившихся в Аргентине и имевших тесную эмоциональную и интеллектуальную связь с ее местными традициями.

Первое исследование, посвященное выявлению специфики ассимиляции различных иммигрантских групп, их взаимоотношений с принимающим населением и между собой, было осуществлено в Аргентине в 60-е годы XX в. Институтом социологии при Буэнос-айресском университете под руководством профессора Френсис Кори. Результаты этого исследования с некоторой долей обобщения можно отнести и к более раннему периоду. Методом выборочного анкетирования была сделана попытка установить особенности ассимиляционного процесса на примере двух самых важных групп — итальянской и испанской. Все другие группы попали в категорию прочих. Представляется плодотворным и не вызывает сомнения основной вывод авторов о том, что характер ассимиляции иммигрантов зависел от пересечения двух существенных признаков: национального происхождения и социально-экономической принадлежности⁶². Таким образом, различия во взаимоотношениях с аргентинцами наблюдались не только между разными национальными группами, но и внутри них. Отношения, устанавливаемые между иммигрантами одной и той же национальной группы и принимающим населением, оказывались модифицированными на разных социально-экономических уровнях. Исследование показало, что по степени ассимилированности иммигранты разных национальностей, по одной и той же «страты» могли стоять ближе друг к другу, чем иммигранты одной национальной группы, но разного социального происхождения. В наибольшей степени этот вывод справедлив по отношению к «низшим» социальным категориям испанских и итальянских иммигрантов, между которыми не было существенной разницы в том, что касается ослабления связей с прежней родиной и усиления «идентификации с принимающей страной»⁶³. Среди так называемых «высших» страт обеих национальностей показатели ассимилированности были ниже. Причем, для итальянских иммигрантов с высоким социальным статусом была характерна более сложная система «защиты» в виде собственной элитарной субкультуры, чем у соответствующей категории испанцев, которая не нуждалась в том, чтобы утверждать свою этничность подобным образом, зато поддерживала более тесные связи с родиной.

Концепция Ф. Кори подкрепляется результатами других социологических исследований, проведенных в Буэнос-Айресе⁶⁴. Все они подтверждают тезис, выдвинутый ранее Э. Агости, о необходимости учета социального момента во всем, что касается иммигрантов⁶⁵.

Иммиграция и индейцы. Гринго и гаучо

Призыв «управлять — значит заселять» понимался и осуществлялся однозначно — как необходимость заселять неосвоенные земли европейцами. Граница распаханной пампы отодвигалась все дальше к югу, в зону, контролируруемую индейцами, исконными пасельниками, а значит, и хозяевами этих земель.

По выражению аргентинского писателя Карлоса Карлино, столкновение иммигрантов с индейцами становилось неизбежным⁶⁶. Индейцы время от времени делали предупреждающие набеги на поселения колонистов, наводя ужас на их обитателей. Газеты давали широкую огласку подобным эпизодам, преувеличивая жестокость, а также силу и военную организацию аборигенов. Для оправдания антииндейской политики были подняты на щит расовые теории Сармьенто и его последователей. Убеждая общественное мнение в неполноценности индейцев и отсутствии у них какой бы то ни было культуры, легче было пачать открытую войну за экспроприацию их земель.

В 1878 г. военные аргентинские подразделения вторглись за линию фронтеры и к 1879 г. дошли до р. Неукен, где им оказали сопротивление арауканизированные племена во главе с касиком Намукуррой. Когда сопротивление индейцев было сломлено, президент Авельянеда открыто провозгласил начало новой эпохи. Его телеграмма командующему войсками генералу Роке, прозванному «палачом индейцев», начиналась словами: «...на берегах Рио-Негро и Неукен воплотилась мечта многих поколений. Аргентинское знамя, водруженное там, открыло путь цивилизации и иммиграции... которые распространят свои благдеяния до Магелланова пролива, на всю, еще не освоенную Патагонию»⁶⁷. Факт истребления индейцев здесь замалчивается, но по существу оно было встречено почти с восторгом.

В 1870 г. аргентинский писатель Л. Мансилья совершил путешествие к индейцам ранкель, жившим в северной Патагонии, и описал их мирную жизнь и особенности их культуры. Через девять лет это племя было уничтожено, а их территория объявлена национальной⁶⁸. Карательные военные экспедиции генералов Альсины и Роки в 1878—1886 г., вошедшие в историю под внешне безобидным названием «завоевание пустыни», привели к окончательному разгрому федерации племен пампы и Патагонии. План истребления и изгнания индейцев в горы осуществлялся с редкой жестокостью. В колониальные времена индейцы были почти единственной рабочей силой и ценились вы-

ше, чем земля, теперь же их с большим успехом заменяли иммигранты. Войны против аборигенов на юге вылились в открытый геноцид⁶⁹.

В обезлюдевшей северной Патагонии в 80-е годы XIX в. возникли первые овцеводческие фермы, созданные выходцами из Англии. Овцеводство оказалось в здешних условиях чрезвычайно прибыльным занятием, что усилило приток иммигрантов в Патагонию и Огненную Землю и усугубило трагическую участь местных индейцев. Новые хозяева эстансий повели охоту за техуэльче и бна. За каждого убитого индейца они выплачивали своим батракам и пастухам, роль которых выполняли гаучо⁷⁰, деньги. Речь шла не только об индивидуальных убийствах; подчас устраивалась массовая резня. С 1898 г. на Огненной Земле появились первые миссионеры. Одной из своих задач они считали сохранение местных племен от истребления. Миссионеры выдавали вознаграждение скотоводам, привозившим индейцев в миссии. Индейцы и сами укрывались здесь, но они с трудом приспосабливались к новым условиям, резко отличавшимся от их прежнего образа жизни. Болезни, завезенные европейцами, постепенно превращали миссии в своеобразные индейские кладбища⁷¹.

Положение всех индейцев Аргентины в связи с иммиграцией еще больше осложнилось. Политика экспроприации их земель на северо-западе приводила к ухудшению условий жизни. Неразрешимые проблемы нехватки земли, воды и орудий труда вынуждали индейцев этих районов искать дополнительные средства к существованию в работе по найму и превращали их в угнетаемые этнические меньшинства.

Освоение европейскими переселенцами северо-востока Аргентины сопровождалось военными конфликтами и разрушением традиционного жизненного уклада обитавших там немногочисленных индейских групп. В 1884 г. было сломлено сопротивление тоба и мокови, долгое время представлявших постоянную угрозу для колонистов Чако и более южных районов. Последствия завоевания вскоре выразились в кризисе культуры индейцев Чако. Коренные жители — охотники, собиратели и рыболовы были вытеснены в малоприспособленные для их традиционных занятий области и лишены привычных средств самообеспечения. Вынужденный переход к оседлости в условиях постоянного сужения жизненного пространства из-за продолжавшегося натиска со стороны колонистов нарушил традиционную хозяйственную систему тоба, основанную на периодических миграциях отдельных групп в пределах обширной территории и на рациональном использовании ее природных ресурсов. С начала XX в. социальная изоляция индейцев Чако окончательно нарушилась. Подобно своим западным соседям, они были втянуты в капиталистическую систему эксплуатации. С этим были связаны более сложные этносоциальные проблемы, так как коренные жители Чако дольше других групп сохраняли самобытную культуру, осно-

ванную на общинно-родовых отношениях, и устойчивое самосознание⁷².

Индейцы Аргентины не играли активной роли в межэтнических процессах периода массовой иммиграции. Их культурная изоляция и сравнительно небольшая численность, занижаемая к тому же официальной статистикой, приводили к ошибочному представлению об отсутствии в стране индейцев как таковых и, следовательно, самой индейской проблемы.

Носителями национальных народных традиций продолжали оставаться гаучо. Исторические перемены последних десятилетий XIX в., обусловленные превращением Аргентины из страны патриархального пастушеского скотоводства в страну крупного товарного производства с развитым земледелием и животноводством, неизбежно отражались и на их судьбе.

Распашка пампы и интенсификация животноводства предъявляли новые требования к сельским труженикам. Часть бывших гаучо уходила в города. В предместьях больших городов, таких, как Буэнос-Айрес и Росарио, старое особенно близко смыкалось с новым. Недавние гаучо становились полупролетариями и вместе с европейскими иммигрантами закладывали основы рабочего класса Аргентины.

На стыке двух этнокультурных миров рождались новые формы жизни и искусства. От контакта гаучо, выброшенных из эстапсий, с бедняками иммигрантами, селившимися обычно на городских окраинах, возникали своеобразные маргинальные прослойки населения со своим жаргоном и занятиями⁷³. Как считают аргентинские специалисты, именно в такого рода предместьях в конце века родился один из самых популярных в стране жанров песенно-танцевального фольклора — аргентинское танго⁷⁴, центральным героем которого стал «компадре» или «компадрито» (букв. кум, куманек, в переносном смысле — земляк, братишка, браток). Компадрито был сродни люмпену, жителю пригорода, еще не охваченному влиянием фабричного производства. Новый герой танго перешел затем на страницы художественной литературы и явился, подобно гаучо, носителем истинного «аргентинизма» (по выражению Хорхе Л. Борхеса⁷⁵). «Как и гаучо романса, он (компадрито.— Л. Ш.) выламывается из социальной жизни, живет на грани закона, противостоит враждебному окружению, его социальное изгойство сродни изгойству гаучо»⁷⁶, — отмечает В. Б. Земсков. Со временем отдаленные и изолированные друг от друга предместья слились с городом, что в большой степени унифицировало их жизнь и наряду с этим придало своеобразную окраску культурному облику города.

В сельской местности гаучо с трудом приспосабливались к новым условиям, связанным с перестройкой структуры хозяйства прибрежного района и с массовой иммиграцией европейских переселенцев. Даже на скотоводческих эстапсиях и на хуторах труда гаучо нередко предпочитали труд иностранца, так как асендадо, имевший пеонов — уроженцев страны, всегда мог

оказаться перед угрозой остаться без работников, когда шла мобилизация национальной гвардии или во время выборной кампании. Часть гаучо превращалась в деклассированный элемент, в сельский люмпенпролетариат. Культурное влияние их ослабевало. Этому содействовала и политика правительства. В «Кодексе сельской и городской полиции», принятом в 1884 г., гаучо квалифицировались как «vagos y mal entendidos»⁷⁷ (бродяги и бездельники). Согласно «Кодексу», все те, кто скитался по пампе без документа о найме, заверенного судьей, кто носил клинок и другое оружие, кто среди дня находился в публичной и играл в азартные игры, должны были быть подвергнуты высылке в трудовые колонии или другим наказаниям.

В пампе гаучо становились сельскими пролетариями, и само это слово постепенно утрачивало исконный смысл. Однако сельских жителей — уроженцев страны, которые не утратили окончательно связи с привычными занятиями, сохранив некоторые своеобразные черты культуры и сознание преемственности со славным прошлым, продолжали и продолжают до сих пор называть «гаучо»⁷⁸. В местах, где еще нет железных дорог, гаучо, как и раньше, неделями перегоняют стада, спят на земле, пьют мате и едят мясо, жаренное на костре из кизяка. Одеждой им по-прежнему служат неизменный плащ-пончо и сапоги из сыромятной кожи выше колен.

Новая схема социально-экономического развития не распространялась на внутренние районы. Иностранцы капиталы и модернизация хозяйства доходили до них слабо. Экономика развивалась по традиционным образцам: земледелие и отчасти скотоводство, кустарный труд и латифундия⁷⁹. Если в конце XVIII в. в северо-западных провинциях проживало до 70% населения, то в дальнейшем эта доля снизилась — в 1869 г. до 50%, в 1914-м до 30. Аграрные внутренние районы мало привлекали европейцев: здесь их ждали низкие заработки, тяжелые жилищные условия, уныние провинциальной глуши, непривычные для европейцев климат и традиции. По данным статистики 1872 г., из 120 тыс. итальянских иммигрантов, проживавших в стране, на внутренние районы приходилось только 4,2 тыс.; из 44 тыс. французов — 1,9 тыс., из 15 тыс. англичан — 500 человек, из 49 тыс. испанцев — 200 человек⁸⁰.

Особенно нелегко приходилось беднякам иммигрантам, принимавшимся на работу по контракту в западные провинции Мендосы и Тукуман: эти люди не имели средств подолгу жить в Буэнос-Айресе в поисках работы. Трудности начинались с изнуряющей поездки до места назначения, по основным мукам ждали их впереди. С иммигрантами-паденщиками на сахарных плантациях Тукумана, на строительстве оросительных каналов и железной дороги из Мендосы до границы с Чили хозяйничавшие там служащие иностранных компаний обращались, как с рабами. Трудились по 10 часов в день на палящем солнце, под надзором надсмотрщика, за мизерную плату, которую не всегда платили

в срок. Малейшая попытка протеста и тем более побега строго пресекалась. В реках нередко находили трупы тех одиночек, кто осмелился бежать, но был настигнут пулей солдата военного патруля.

Местные жители относились к законтрактованным иностранцам как к пленным, да они и сами чувствовали себя настоящими арестантами. Документальными свидетельствами тягот, ложившихся на плечи иммигрантов-пролетариев во внутренних провинциях Аргентины, служат их письма. Два таких письма, направленных в рабочую газету «El Obrero», чтобы через европейскую печать предостеречь бедняков от поездки в Аргентину, полностью приведены в книге современного аргентинского историка Х. Мафуда⁸¹.

На фоне старых и новых районов освоения наиболее плодородная прибрежная часть пампы с центром в Буэнос-Айресе продолжала оставаться самым крупным очагом притяжения европейских иммигрантов. Буэнос-Айрес рос чрезвычайно быстро. За 26 лет, с 1869 по 1895 г., его население увеличилось более чем в три раза (население всей страны удвоилось), а в последующие 19 лет оно снова почти утроилось. В мировой урбанизации в то время только Чикаго опережал Буэнос-Айрес. К 1914 г. город насчитывал 1,5 млн. жителей, из которых 700 тыс., т. е. около половины, составляли иностранцы — недавние иммигранты из Европы. Буэнос-Айрес превратился в один из крупнейших космополитических городов мира. Целые кварталы его были заселены выходцами из той или иной страны. Живописная зарисовка Буэнос-Айреса начала XX в. — этого «столичного города на краю цивилизации» — принадлежит одному немецкому иммигранту; «...Пасео де Хулио — главная улица в портовой части города. По этой аллее с раннего утра до поздней ночи движется нестрая толпа: здесь испанцы и итальянцы в их застегнутых наглухо шелковых костюмах, румынские, сербские и венгерские крестьяне в коротких просоленных кожаных куртках с меховой шапкой на голове; здесь и гаучо в небрежно наброшенном на плечи разодранном poncho и с поношенной шапкой набекрень. А между ними белокурые, голубоглазые немцы и скандинавы; словом, представлены все народы и расы»⁸².

В 1914 г. в столице на каждого урожденного аргентинца старше 20 лет приходилось около трех иностранцев того же возраста. Это «перенасыщение» иммигрантами пугало некоторые круги аргентинского общества возможной «денационализацией» Аргентины.

Столь значительный наплыв иммигрантов в самом деле осложнял процессы ассимиляции, но угроза «денационализации» была преувеличена. Часть иностранцев относилась к Аргентине как к временному пристанищу и по прошествии определенного срока возвращалась на родину. Кроме того, при всем желании иммигрантов остаться верными своим национальным традициям, как уже говорилось, они вынуждены были жить и работать по

законам новой страны и считаться с ее обычаями. Здесь уместно напомнить и о том, что, начавшись в пору расцвета борьбы за национальное самоутверждение, иммиграция вызвала взрыв националистических настроений со стороны креольского населения. Этот факт особенно ярко отразился в творчестве аргентинских писателей 80-х годов XIX в. По словам М. И. Былинкиной, «подъем националистических веяний выражался в стремлении противопоставить культуре иммигрантов и космополитизации Буэнос-Айреса собственную национальную культуру как материальное воплощение национального духа, чем отчасти и объяснялась популярность литературы гаучо»⁸³.

В 1879 г. вышла вторая книга поэмы Эрнандеса «Мартин Фьерро». В ней перед угрозой «бездушного космополитизма» Эрнандес утверждал достоинства самобытных источников аргентинской культуры. В отличие от Сармьенто поэт стоял на позиции простого народа и воспринимал разрушение прежнего волевого уклада жизни гауча «как угрозу всему креольскому, т. е. истинно ценному, традиционному аргентинскому»⁸⁴.

Иммиграция ускорила создание собственной лингвистической нормы испанского языка в стране. Именно в этой своеобразной ситуации оформилось важное отличие Аргентины от других испаноязычных стран Америки: народный язык гаучо стал употребляться здесь не в виде вульгаризмов, а как разговорная и литературная норма⁸⁵.

Роль иммиграции в социально-экономическом развитии Аргентины

Начало массовой иммиграции повлекло за собой развертывание процесса индустриализации. Создаваемые предприятия были в основном связаны с переработкой продукции сельского хозяйства. В этом отношении в структуре промышленности существенных изменений не произошло. Отличительной чертой данного этапа индустриализации являлось сохранение старых заведений и мастерских, которые нельзя считать в подлинном смысле фабричными предприятиями. Всеобщая перепись 1914 г. зафиксировала 48 779 промышленных предприятий и мастерских, но только 24 204 были отнесены к фабричному типу⁸⁶.

С 1869 по 1914 г. в стране заметно трансформировалась социальная структура. Промышленный пролетариат сложился в самостоятельный класс. Значительно выросла мелкая и средняя буржуазия. Но, несмотря на переживаемый промышленностью Аргентины подъем, она характеризовалась в целом низким уровнем концентрации. В результате ряды рабочего класса множились менее быстрыми темпами, чем так называемые «средние слои». «Генератором» этой социальной прослойки были в основном торговля, транспорт, различные виды городских служб, связанных с централизацией и бюрократизацией органов власти,

с банковской и финансовой деятельностью, с обслуживанием иностранных компаний.

Усиление классовой дифференциации, формирование промышленного пролетариата, укрепление средней и мелкой буржуазии, появление класса средних землевладельцев — вот наиболее существенные черты изменений социальной структуры, происшедших за время массовой иммиграции.

Тенденция концентрации иммигрантов в городах (согласно переписи 1914 г., 1610 тыс. иностранцев приходилось на города и 747 тыс. — на сельскую зону) создавала излишний «урбанизм» в сельскохозяйственной по преимуществу стране. Большое число иммигрантов в городах из-за отсутствия развитой индустрии были заняты в непродовольственных отраслях хозяйства. В то же время более половины лиц, занятых в промышленности в 1895 г., были выходцами из Европы. Иммигранты численно преобладали в новых отраслях производства — химической, металлургической промышленности, строительстве железных дорог, портов, в электропромышленности, судостроении, в то время как уроженцы страны оставались в основном на предприятиях старых отраслей с традиционной техникой и организацией труда — на солильных, сахарных и спиртовых заводах, хлопчатобумажных фабриках⁸⁷. Этот вывод распространяется и на другие сферы: если они были связаны с новыми формами торговли или обслуживания, то там работало больше иммигрантов; напротив, в таких областях, как государственная и церковная служба, домашнее обслуживание, кустарные ремесла, преобладали уроженцы страны. Иное положение сложилось на мясохолодильниках — крупных промышленных предприятиях, принадлежащих главным образом английским компаниям. Там наравне с иммигрантами работали и аргентинские рабочие, бывшие неоны, пришедшие из поместий, свечных заводов, солилен. Освободившись от ручного сельскохозяйственного труда, они становились «в полном смысле слова аргентинскими рабочими»⁸⁸ и с самого начала составляли дополнительный источник формирования городского промышленного пролетариата.

Р. Кортез Конде, рассматривавший проблему иммиграции в связи с созданием промышленности в Аргентине и анализировавший данные переписи 1895 г., пришел к выводу, что иммигранты составляли наиболее высокую долю (81%) среди собственников предприятий⁸⁹ (среди владельцев земли они составляли только 1/3⁹⁰). Соотношение иммигрантов и аргентинцев в среде промышленных рабочих — 60 и 40%⁹¹ — было более близким.

Отмечая огромную роль массовой иммиграции в процессе формирования аргентинского пролетариата, советский историк А. И. Строганов подчеркивает, что ее не следует абсолютизировать: «около половины аргентинского промышленного пролетариата даже в тот период формировалось за счет разоренного местного сельского и городского населения»⁹².

Рост промышленного пролетариата вызвал появление первых рабочих организаций (80-е годы XIX в.), связанных во многом

с европейской иммиграцией и содействовавших социально-экономической и политической зрелости развивавшейся аргентинской нации. Иммигранты импортировали в Аргентину два основных идеологических направления в рабочем движении того времени — социализм и анархизм. Социалистическая партия, созданная в 1896 г., вела активную борьбу за сплочение рабочих разных национальностей, отмену религиозного обучения, свободу объединения рабочих в профсоюзы и т. д. В то же время иммиграция политически незрелых трудящихся из Италии и Испании несла в Аргентину идеи анархизма, которые нашли здесь благодатную почву, особенно среди рабочих, связанных с полукустарной промышленностью⁹³.

В начале 90-х годов, когда рабочее движение в Аргентине только начинало выделяться из общедемократического движения, его лидерами являлись немцы, а также итальянцы, французы и испанцы. Но уже в начале XX в., как утверждает американский социолог С. Бэйли, исследовавший роль иммигрантов в рабочем движении Аргентины, Бразилии и США, итальянцы вытеснили другие национальные группы и стали руководящим элементом этого движения в Аргентине⁹⁴. К уже известным объяснениям этого факта (в США, например, итальянские иммигранты были объектом религиозных предрассудков, встречались с большими языковыми и другими сложностями в восприятии ценностей доминирующей культуры, а отсутствие этих проблем в Аргентине способствовало их лучшим контактам с принимающим обществом и сплочению) С. Бэйли добавляет такой существенный показатель, как «процентнораспределительный фактор». Сравнительно высокий процент итальянских иммигрантов в населении Аргентины обеспечивал им большие возможности реализовывать свои национальные особенности и право на более высокие социальные требования⁹⁵.

Массовые выступления рабочих в защиту своих прав, чаще всего организованные их лидерами-иммигрантами, например рабочие стачки 1902 и 1905 гг. в Буэнос-Айресе, в немалой степени повлияли на пересмотр государственной иммиграционной политики. На рубеже XIX—XX вв. наметился переход от политики поощрения иммиграции к политике ее ограничения, особенно по отношению к лицам, «замешанным в политической деятельности».

Убеждая общественность в том, что иностранные анархисты были виновниками социальных беспорядков, реакционные газеты и журналы разжигали неприязнь к ним, основанную на этнорасовых предрассудках⁹⁶.

Если писатели предшествующих поколений использовали расовые теории, чтобы доказать этнокультурное превосходство европейских иммигрантов над метисным населением Аргентины, то в начале XX в. стали пропагандироваться прямо противоположные взгляды. Иммигранты объявлялись «визшей расой» и потому более склонными к антиобщественным поступкам, чем аргентинцы.

Однако искусственное ограничение иммиграции не могло разрешить противоречий развивающегося в условиях Аргентины капитализма и шло в разрез с ее национальными интересами. Европейская иммиграция способствовала быстрому капиталистическому развитию страны, созданию разветвленной экономической структуры, расширению внутреннего рынка, что позволило Аргентине превратиться к концу XIX в. в экономически наиболее развитую страну Латинской Америки.

Несмотря на преимущественное оседание в городах, иммигранты внесли значительный вклад и в развитие сельского хозяйства, которое оставалось основной отраслью хозяйства. Благодаря иммиграции продукция земледелия превратилась в важную статью экспорта Аргентины. В 1914 г. в сельской зоне насчитывалось свыше 747 тыс. иммигрантов. В период уборки урожая в поместьях работало множество сезонных рабочих, проживавших большую часть года в городах.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Аргентины продолжалось в условиях господства крупного землевладения, несмотря на наметившуюся еще в конце XIX в. тенденцию к дроблению крупнейших латифундий. Особенно трудным доступ к земле оказывался для колонистов в провинции Буэнос-Айрес, где потомственная земельная олигархия удерживала свои монопольные позиции. В этом районе иммигранты становились обычно арендаторами и очень редко землевладельцами. В других провинциях им было легче приобрести землю.

В целом по стране из каждых 100 иммигрантов, осевших на земле в 1880—1914 гг., только 30 удавалось стать собственниками земли. Среди неопов-батраков и сельскохозяйственных рабочих скотоводческих эстансий (которые пасли и стригли овец, клеймили молодняк, работали на бойнях) по переписи 1914 г. выходцы из европейских стран составляли только 21%⁹⁷. Зато в крупных хозяйствах зернового направления физическую работу выполняли в основном иммигранты. Именно им сельское хозяйство Аргентины обязано выдвижением земледелия в ведущую отрасль, отеснившую животноводство на второй план.

Превращение столицы и сравнительно ограниченной прибрежной зоны, густо насыщенных иммигрантами, в наиболее населенную часть страны породило часто встречающуюся в литературе тенденцию распространять на всю Аргентину особенности, присущие населению данного района, в частности его однородный расовый состав (преобладание европеоидных элементов), ощутимое влияние иммигрантов на быт, производство, профессиональную культуру. Однако для такой большой страны, как Аргентина, упомянутое обобщение вряд ли правомерно.

В обширных внутренних районах, особенно в окраинных западных и северо-западных областях, экономические и социальные преобразования происходили очень медленно. Иммигранты к 1914 г. составляли менее 10% населения этих провинций. Вся жизнь в западных областях вплоть до 30—40-х годов XX в. была

окрашена так называемым «колониальным колоритом». Это относилось и к хозяйственному укладу, и к культурному облику населения. Основой сельского хозяйства здесь являлось помещичье землевладение. Этнический состав также изменился незначительно: индейцы и метисы по-прежнему составляли более 70% жителей в пограничных с Перу и Чили районах. Неравномерность капиталистического развития, выражавшаяся в преимущественном развитии приатлантического района, привела к консервации традиционных форм хозяйства и этнической структуры населения во внутренних областях.

Впрочем, в сельской зоне всех провинций процесс ассимиляции иммигрантов происходил замедленными темпами. Наиболее чужеродные вкрапления, такие, как колонии польских, немецких или японских переселенцев, значительно дольше сохраняли свои национальные особенности и замкнутость. Это объяснялось не столько существованием внешне враждебной среды, сколько собственной их отчужденностью, поддерживаемой специфическими условиями расселения в окраинных сельских районах.

Особенности сельской жизни в Аргентине (преимущественно хуторское расселение, большая удаленность ферм друг от друга) затрудняли тесный культурный обмен. Не сельская область, а города, прежде всего самый крупный из них — Буэнос-Айрес, стали очагами зарождения и распространения новых черт аргентинской культуры, явившихся результатом взаимодействия иммигрантов с местным, креольским, населением.

¹ *Malmberg B.* La América hispanohablante. Madrid, 1966, p. 180.

² Registro nacional. Buenos Aires, 1910, t. II, p. 20.

³ *Torino D.* El problema del inmigrante y el problema agrario en la Argentina. Buenos Aires, 1942, p. 51.

⁴ *Palacio E.* Historia de la Argentina. Buenos Aires, 1957, t. II, p. 238.

⁵ *Carlino C.* Gauchos y gringos en la tierra ajena. Buenos Aires, 1976, p. 94.

⁶ *Ibid.*, p. 94.

⁷ *Волков А. В.* Крестьянство и батрачество в Аргентине. М., 1931, с. 12.

⁸ *Hiller G.* Einwanderung und Einwanderungspolitik in Argentinien. Berlin, 1912, S. 46.

⁹ *Ibid.*, S. 69.

¹⁰ Extracto estadístico de la República Argentina correspondiente al año 1915. Buenos Aires, 1916, p. 589.

¹¹ *Dickmann E.* Inmigración y colonización. Buenos Aires, 1946, p. 59.

¹² Из записки, составленной дяконом И. Миленко, письмоводителем при императорской миссии в Буэнос-Айресе, от 29 июля 1911 г. — ЦГИА СССР, ф. 956, оп. 66, д. 657, л. 205—206.

¹³ *Bunge A. E. I.* Setenta años de inmigración (análisis del desarrollo de la inmigración). — Revista de economía argentina, Buenos Aires, junio de 1928, año 10, t. XX, N 120, p. 432.

¹⁴ Сами иммигранты становились гражданами Аргентины по истечении двух лет пребывания в стране, но во избежание воинской повинности этим правом пользовались немногие.

¹⁵ Данные приведены по: Extracto estadístico de la República Argentina, Buenos Aires, 1916, p. 590—595.

¹⁶ *Bourde G.* Urbanisation et immigration en Amérique Latine. Paris, 1974, p. 172.

- 17 Таблицы составлены по: Extracto estadístico..., p. 590—595.
- 18 Bourdè G. Urbanisation..., p. 165.
- 19 Bunge A. E. II. Setenta años de inmigración (análisis de los contingentes migratorios).— Revista de economía argentina, Buenos Aires, julio de 1928, año 11, t. XXI, N 121, p. 27.
- 20 ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 6, д. 1862, л. 27—28.
- 21 ЦГИА СССР, ф. 403, оп. 26, д. 1406, л. 159.
- 22 Ланин Е. Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине. СПб., 1894, с. 14.
- 23 Позднее эта церковь превратилась в центр политической жизни белой эмиграции в Буэнос-Айресе, а Константин Изразцов стал ее ярким приверженцем и выразителем. Подробнее см.: Велуа Г. Воспоминания. Сорок три года в разлуке.— Простор, Алма-Ата, 1967, № 10, с. 89—90.
- 24 ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 8, д. 10386, л. 64.
- 25 Bunge A. E. II. Setenta años..., p. 28.
- 26 Hiller G. Einwanderung..., S. 52.
- 27 Lorin H. Les français en Argentinien.— Revue pour les Français, 1910, N 5, p. 123.
- 28 Oddone J. A. La emigración europea al Rio de la Plata. Montevideo, 1966, p. 67.
- 29 Hiller G. Einwanderung..., S. 52.
- 30 Ibidem.
- 31 Oddone J. A. La emigración..., p. 68.
- 32 Schmidt W., Grotewold Ch. Argentinien. Hannover, 1912, S. 379.
- 33 ЦГИА СССР, ф. 403, оп. 2, д. 228, л. 72.
- 34 Там же, л. 56—57.
- 35 Там же, л. 56—60.
- 36 Королев Н. В. Страны Южной Америки и Россия (1890—1917).— Книжник, 1972, с. 65.
- 37 Memoria de la Dirección de Inmigración. Buenos Aires, 1910, p. 118.
- 38 Cornblit O. European Immigrants in Argentine Industry and Politics. New York, 1967, p. 224.
- 39 Germani G. Política y sociedad en una época de transición. Buenos Aires, 1962, p. 106.
- 40 Cornblit O. European Immigrants..., p. 225.
- 41 Problemes d'immigration en nouveaux pays. Paris, 1965, p. 148.
- 42 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.
- 42a Carol Paz J. L. La Cultura indígena, cultura criolla y cultura popular in la Argentina.— Anuario indigenista, México, 1973, XXXIII, p. 160.
- 43 Ibid., p. 163.
- 44 Богина Ш. А. Роль иммиграции в этническом развитии американской нации.— Материалы Первого симпозиума советских историков-американистов. М., 1971, с. 229.
- 45 Spalding H. A. Education in Argentina, 1890—1914: The limits of Oligarchical Reform.— In: The Journal of Interdisciplinary History, Cambridge, Summer 1972, v. III, N 1, p. 42.
- 46 Ibid., p. 43.
- 47 Posada A. La República Argentina, impresiones y comentarios. Madrid, 1912, p. 221.
- 48 Ibidem.
- 49 Былинкина М. И. Смысловые особенности испанского языка Аргентины. М., 1969, с. 73.
- 50 Schmidt W., Grotewold Ch. Argentinien, S. 371.
- 51 Богина Ш. А. Роль иммиграции..., с. 229.
- 52 Germani G. Política..., p. 197.
- 53 Baily S. L. Marriage Patterns and Immigrant Assimilation in Buenos Aires, 1882—1923.— In: The Hispanic American Historical Review, Durham, 1980, February, v. 60, N 1.
- 54 Ibid., p. 38.
- 55 Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969, с. 260.
- 56 Кошкин Л. В стране будущего. Мои скитания по Аргентине. Л.: М., 1924.

- ⁵⁷ Агости Э. Нация и культура. М., 1963, с. 49.
- ⁵⁸ Chavez F. Civilización y barbarie en la historia de la cultura argentina. Buenos Aires, 1965, p. 37.
- ⁵⁹ Агости Э. Нация и культура, с. 35.
- ⁶⁰ Там же, с. 35—36.
- ⁶¹ Baily S. Marriage Patterns..., p. 34.
- ⁶² Korn F. Algunos aspectos de la asimilación de inmigrantes en Buenos Aires.— América Latina, Rio de Janeiro, abril—junio de 1965, año 8, N 2.
- ⁶³ Korn F. Algunos aspectos..., p. 82.
- ⁶⁴ См., например: Jelin E. Las comunidades de extranjeros en la Argentina y sus asociaciones. Buenos Aires, 1963.
- ⁶⁵ Агости Э. Нация и культура, с. 36.
- ⁶⁶ Carlino C. Gauchos y gringos..., p. 98.
- ⁶⁷ Цит. по: Calamaro E. S. La comunidad argentina. Buenos Aires, 1963, p. 58.
- ⁶⁸ Ibid., p. 65.
- ⁶⁹ Patagonia. 12 000 años de historia. Buenos Aires, 1973, p. 23.
- ⁷⁰ Беркенгейм А. М. Аргентина и ее колонии: жизнь в пампасах Южной Америки. М., 1895, с. 30.
- ⁷¹ Cornet J. Argentine, pampas, gauchos.— Connaissance du Monde, 1967, N 100, p. 46.
- ⁷² См.: об этом в кн.: Miller E. Los tobas argentinos. Armónia y disonancia en una sociedad. México, 1975.
- ⁷³ Carol Paz J. L. La cultura..., p. 166—167.
- ⁷⁴ Mafud J. Suburbio e inmigración.— Clarin, Buenos Aires, 1976, ero 8, supl., p. 2.
- ⁷⁵ Цит. по: Земсков В. Б. Аргентинская поэзия гаучо..., с. 194.
- ⁷⁶ Там же, с. 182.
- ⁷⁷ Mafud J. La vida obrera en la Argentina. Buenos Aires, 1976, p. 31—32.
- ⁷⁸ Schneider S. Notas sobre el gaucho.— In: Cuadernos de cultura, 1956, N 26, p. 66.
- ⁷⁹ Mafud J. La vida obrera..., p. 41.
- ⁸⁰ Ibid., p. 100—101.
- ⁸¹ Ibid., p. 101—109.
- ⁸² Колин Л. В стране будущего..., с. 32.
- ⁸³ Былинкина М. И. Смысловые особенности, с. 32.
- ⁸⁴ Земсков В. Б. Аргентинская поэзия гаучо..., с. 157.
- ⁸⁵ Malmberg B. La America..., p. 187.
- ⁸⁶ Wythe G. Industry in Latin America. New York, 1949, p. 83.
- ⁸⁷ Cornblit O. European Immigrants..., p. 227.
- ⁸⁸ Ortiz R. Historia economica de la Argentina. Buenos Aires, 1955, p. 51.
- ⁸⁹ Cortés Conde R. Corrientes inmigratorias de industrias en la Argentina (1870—1914). Buenos Aires, 1964, p. 63.
- ⁹⁰ Bagú S. Evolución histórica de la estratificación social en la Argentina. Caracas, 1969, p. 36.
- ⁹¹ Cortés Conde R. Corrientes..., p. 63.
- ⁹² Строганов А. И. Основные этапы развития промышленного пролетариата Аргентины.— Проблемы современного рабочего движения Латинской Америки. М., 1980, с. 227.
- ⁹³ Oddone J. Historia del socialismo argentino. Buenos Aires, 1934, t. II, p. 104.
- ⁹⁴ Baily S. L. The italians and the Development of Organized Labour in Argentina, Brazil and the United States (1880—1914).— In: Journal of Social History, Berkeley, 1969—70, Winter, v. 3, N 2, p. 125.
- ⁹⁵ Ibid., p. 130.
- ⁹⁶ Godio J. Historia del movimiento obrero argentino. Buenos Aires, 1970, p. 40.
- ⁹⁷ Cornblit O. European Immigrants..., p. 225.

РАЗВИТИЕ АРГЕНТИНСКОГО ЭТНОСА В XX В.

Аргентинский этнос, история которого, как мы видели, началась еще до массовой иммиграции, оказался достаточно жизнеспособным, чтобы выстоять перед натиском извне и продолжать свое дальнейшее развитие, правда в достаточно обновленном и изменившемся виде.

Роль иммиграции в демографических, социально-экономических и этнических процессах с середины XIX в. до начала первой мировой войны неуклонно росла, затем ее влияние на все сферы социальной жизни Аргентины стало ослабевать. 1914 год считается большинством аргентинских историков годом завершения эпохи массовой иммиграции. С этого времени начался по существу новый этап этнической истории страны — этап интенсивной национальной консолидации, продолжающийся до сегодняшнего дня.

«Перемалывание» иммиграции предшествующих лет еще долго оставалось важным направлением этнического развития Аргентины. Однако соотношение абсолютной и относительной численности иммигрантов быстро менялось в пользу уроженцев страны и все иммиграционные процессы стали носить уже иной характер. С завершением эпохи массовой иммиграции развитие аргентинского этноса не потеряло своего своеобразия, но все же оно пошло по более обычному для латиноамериканских стран руслу, когда этнические процессы определяются не иммиграцией и связанными с ней изменениями, а внутренними этническими ресурсами и закономерностями. Консолидация аргентинской нации идет за счет сплочения внутри основного, численно преобладающего испаноязычного этноса, а также интеграции основного этноса и иноэтнических групп (иммигрантских и индейских).

Консолидация этноса — процесс многогранный, достаточно сложный и противоречивый. На него влияют изменения, происходящие в экономике, политике, общественных отношениях, идеологии. Особая роль принадлежит здесь государству, государственным границам, государственным законам и т. д. Чтобы достаточно всесторонне раскрыть механизм этого процесса, требуются специальные исследования. В настоящей главе мы ограничимся выявлением основных направлений и тенденций этнического развития Аргентины с 20-х годов XX в. до настоящего времени.

Завершение массового переселенческого движения в Аргентину из Европы

Снижение размеров иммиграции и одновременное возрастание эмиграционного потока из Аргентины в Европу начались еще до 1914 г. как реакция на безработицу, вызванную перенасыщением рынка труда в стране. Но с началом первой мировой войны поток европейских эмигрантов резко сократился: если в июле 1914 г. Европу покинуло около 30 тыс. человек, то в августе того же года — только 8 тыс.

Обращение к статистике¹ дает наглядное представление о характере падения размеров европейской иммиграции и особенно — иммиграционного сальдо (табл. 5).

Иммиграция в Аргентину в 1914 г. оказалась в полтора раза меньше, чем в 1913-м, а в 1915 г. уменьшилась еще в два раза. В результате в 1914 г. впервые с начала массового движения европейских переселенцев в страну сальдо внешних миграций стало отрицательным. Таковым оно сохранялось в течение всей войны, несмотря на снижение эмиграции. После первой мировой войны приток населения в Аргентину из Европы поднялся выше уровня эмиграции, и все же этот перевес не шел ни в какое сравнение с началом века.

После 1914 г. изменилась обстановка и в Европе и в самой Аргентине. Первая мировая война дала двойной толчок развитию производительных сил Аргентины, так как импорт из воюющих

ТАБЛИЦА 5
Внешние миграции населения (1913—1946 гг.)

Год	Иммиграция	Эмиграция	Сальдо	Год	Иммиграция	Эмиграция	Сальдо
1913	471 014	247 910	203 104	1930	254 845	185 609	69 236
1914	284 449	286 708	—2 259	1931	244 776	233 549	9 227
1915	137 716	168 567	—30 851	1932	205 369	208 520	—3 151
1916	162 018	182 034	—20 616	1933	181 293	178 623	2 670
1917	109 063	140 040	—30 977	1934	102 386	100 311	2 075
1918	115 032	123 439	—8 407	1935	123 042	104 689	18 953
1919	148 754	136 584	12 170	1936	140 024	106 294	23 730
1920	155 332	104 731	50 601	1937	149 557	124 208	25 349
1921	162 015	97 703	64 312	1938	149 364	124 253	25 111
1922	222 582	121 484	101 098	1939	135 935	129 708	6 227
1923	281 575	118 757	162 818	1940	123 725	116 970	7 940
1924	228 768	114 033	114 735	1941	141 095	136 155	4 940
1925	230 806	147 862	82 944	1942	140 014	135 374	4 640
1926	255 429	166 919	88 510	1943	138 651	136 841	1 810
1927	298 985	186 897	112 088	1944	191 971	190 559	1 412
1928	280 440	193 945	86 495	1945	189 829	289 903	—74
1929	239 364	151 614	87 750	1946	231 023	228 498	2 525

стран резко сократился и в то же время спрос на аргентинские продукты и товары значительно возрос. Аргентина стала не только одной из ведущих стран Латинской Америки, но и крупнейшим мировым экспортером продуктов земледелия и животноводства. В структуре сельского хозяйства и в общей картине распределения земли существенных изменений не произошло, но экономический подъем отразился на положении земледельцев, в том числе мелких арендаторов — медьеро, в прошлом мало отличавшихся от батраков. По закону 1921 г. помещики не могли сгонять арендаторов до истечения срока арендного договора, а срок аренды продлевался с 1—2 лет до 4 лет. Это содействовало закреплению мелких арендаторов на земле и сокращению числа издольщиков². Отток населения из Аргентины снизился и с 1917 по 1925 г. не превышал 150 тыс. человек в год.

В Европе в этот период произошли серьезные исторические события. Война обострила социальные конфликты в капиталистических странах. В России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, изменившая обстановку во всем мире.

Снижение эмиграции из Европы было вызвано прежде всего общим сокращением численности ее населения. И хотя голод и разруха первых послевоенных лет гнали людей за океан, поток этот не был столь значительным, как до войны. Несмотря на кратковременное увеличение рождаемости с наступлением мира, европейский континент в результате войны вступил в новую фазу демографического цикла с замедленными темпами прироста населения. Правительства некоторых европейских государств в этой ситуации стремились сдержать эмиграцию и ввели временные ограничения на выезд³.

В 1923 г. иммиграционная волна все же приблизилась к некоторым довоенным отметкам, но уже в следующем году в связи с неблагоприятной экономической конъюнктурой в Аргентине она значительно снизилась. Этому содействовал в какой-то мере и выход в декабре 1923 г. очередного правительственного декрета о мерах по «отбору» иммигрантов. К старым ограничениям на въезд «нежелательных элементов» добавились новые, в том числе запрещающие допуск одиноких женщин с детьми до 15 лет.

Последний взлет иммиграционной кривой в графике переселенческого движения через океан пришелся на 1927 г., но и он был непродолжительным.

Следует отметить, что в 1920—1930 гг. произошли изменения в этническом составе иммигрантов, главным из которых было возрастание доли нероманоязычного населения. Заметно увеличилось число выходцев из Польши: в то время как до войны они едва достигали 13% всей европейской иммиграции, в названный период поляки составили уже $\frac{1}{3}$ иммиграционного контингента, заняв место вслед за итальянцами и испанцами. Из панской Польши в Аргентину приезжало в эти годы много украинцев, представителей угнетаемого этнического меньшинства. Украинские крестьяне создали в Аргентине два компактных очага рас-

селения — в провинциях Мисьонес и Чако. В городах украинцы, как и поляки, попадали в число самых обездоленных иммигрантов, берущихся за всякую, главным образом неквалифицированную, работу. Только небольшой части из них со временем удалось стать мелкими собственниками и поселиться в частных домах пригородов Буэнос-Айреса, Ла-Платы, Бериссо, Росарио и других городов, где тогда группировалась в основном эмиграция из славянских стран⁴.

С 1930 г. в массовом переселенческом движении в Аргентину из Европы наметился длительный упадок. Начало ему положил мировой экономический кризис 1929—1930 гг., в большой степени отразившийся также на состоянии аргентинской экономики, которая чутко реагировала на любые колебания мировой хозяйственной конъюнктуры⁵. 1930 год аргентинские историки считают годом окончания массовой европейской иммиграции, учитывая при этом, что иммиграция продолжалась в очень ограниченных размерах, а по отношению к общей численности населения, достигшей более 10 млн. человек, ее вклад стал почти невесомым.

Спад в иммиграционном движении продолжался до 1947 г. После мирового экономического кризиса иммиграционная политика Аргентины стала более либеральной, но с началом гражданской войны в Испании в 1936 г. вновь были введены административные строгости из страха перед численным ростом и усилением позиций «левых» элементов. После выхода в 1938 г. очередного иммиграционного декрета с перечнем требований, предъявляемых к иммигрантам, возможности легального въезда в Аргентину резко уменьшились. Основную долю составляли лица, принимаемые в порядке воссоединения семей⁶. Особенно мало европейцев прибывало в годы второй мировой войны — фактически в этот период иммиграция из Европы свелась к нулю. Если же в целом в указанный период и отмечалось небольшое положительное сальдо, то оно было обусловлено возросшей в эти годы иммиграцией в Аргентину из соседних стран.

Новая иммиграция и ее значение для Аргентины

Окончание второй мировой войны вызвало оживление переселенческого движения из Европы⁷ (табл. 6), прерванного в 1930 г., но по своим масштабам и характеру это движение представляло для Аргентины качественно новую фазу по сравнению с иммиграцией начала века и было временным явлением. После войны спрос на рабочую силу в некоторых развитых европейских государствах значительно увеличился и они стали притягивать население более отсталых стран Европы, в том числе Испании и Италии. Отсюда в Аргентину выезжали в основном родные и близкие тех, кто осел там еще до войны. Роль неэкономических предпосылок переселения возросла. Так, в послевоенное время заметно усилился приток в Аргентину немцев (8—9%), что было в значительной мере

ТАБЛИЦА 6
Иммиграционное движение после второй мировой войны

Год	Иммиграция	Эмиграция	Сальдо	Год	Иммиграция	Эмиграция	Сальдо
1947	302 052	260 301	41 751	1962	457 323	414 960	42 363
1948	428 469	297 826	130 643	1963	429 859	412 670	17 189
1949	483 492	329 242	254 250	1964	485 117	429 669	55 448
1950	523 564	372 067	151 497	1965	508 390	473 293	35 097
1951	446 608	323 810	120 798	1966	512 788	481 794	30 994
1952	302 361	241 422	60 939	1967	569 448	548 812	20 630
1953	178 253	145 705	32 548	1968	635 158	625 093	10 065
1954	229 824	177 114	52 710	1969	763 671	719 271	44 400
1955	288 966	229 840	59 126	1970	870 587	821 893	48 694
1956	411 704	264 049	47 655	1971	784 679	755 471	29 208
1957	502 923	438 789	64 134	1972	915 662	845 038	70 624
1958	490 789	435 181	55 608	1973	950 101	887 222	62 879
1959	471 977	448 081	23 896	1974	1 219 646	1 083 862	135 784
1960	405 799	448 776	47 023	1975	1 458 422	1 274 547	183 875
1961	513 165	456 874	56 291				

связано с иммиграцией бывших гитлеровцев, спасавшихся от грозившего им в Европе возмездия⁸.

В историографии аргентинской иммиграции не принято останавливать внимание на этом столь немаловажном для страны факте, тем больший интерес представляет вышедшая в 1962 г. в Гамбурге книга прогрессивного историка М. Франка о деятельности нацистов в Аргентине⁹. Ее автор показывает, что предпочтение, отданное бывшими гитлеровцами Аргентине, не было случайным. Еще до разгрома фашистской Германии здесь насчитывалось около 60 тыс. немцев — членов нацистской партии, а всего в националистических организациях фашистского типа состояло примерно 300 тыс. человек¹⁰. В июне 1943 г. в Аргентине произошел военный переворот, в результате которого в стране была установлена власть так называемой «Группы объединенных офицеров». Ее идеолог полковник Перон, прошедший школу военной подготовки в Германии и Италии, призывал к осуществлению националистических планов создания в Южной Америке «великой Аргентины». По словам Франка, «Перон, чья звезда поднималась тогда с головокружительной быстротой, остался предан идеалам немецкого военного национализма, которые он развивал еще будучи молодым офицером». В 1944 г. под давлением США и Англии, входивших в антигитлеровскую коалицию, и в результате антифашистского движения, развернувшегося в самой Аргентине под руководством Коммунистической партии, были разорваны отношения со странами «оси». В том же году правительство

Аргентины вынуждено было объявить о роспуске фашистской партии, но бывшие ее члены, число которых, по выражению цитировавшегося автора, могло составить население небольшого города, остались в стране, а кое-кто продолжал пользоваться доверием у аргентинских властей. Так, сын состоятельного предпринимателя Людвиг Фроиде, бывший руководитель немецких нацистов в Аргентине, возглавил Секретариат Перона. Личной секретаршей Евы Перон стала также немка. Эти люди оказывали большое влияние на диктатора и его жену, заботясь о том, чтобы некоторые фирмы, чье нацистское прошлое еще не было забыто, получили миллионные контракты в больших строительных начинаниях Перона. Но самое главное, чего они добились своим влиянием, были спасение и переброска военных преступников. Они снабжали бежавших из капитулировавшей Германии в Швейцарию и Италию гитлеровцев деньгами, фальшивыми документами и проездными билетами в Аргентину¹¹.

Нашедшие пристанище в Аргентине нацисты постарались тщательно замаскироваться, чтобы скрыть прежнюю «деятельность». Советский журналист И. Болдырев писал в своих воспоминаниях: «...я видел своими глазами маленькие кабачки, над которыми красовались обычные вывески, написанные готическим шрифтом. Там собирались „бывшие“, пили ценное пиво и часто предавались не только воспоминаниям... Бар „Бодензее“ на перекрестке улиц Монро и Крамер в Буэнос-Айресе был известен как место встреч бывших офицеров генерала Гудериана, бывших эсэсовцев. Словом, всех „бывших“»¹². Болдырев рассказывает также о так называемых «сельскохозяйственных колониях», которые разместились вдоль реки Рио-Негро в Южной Аргентине. «Подобные хозяйства иным могут показаться этакими безобидными кооперативами, где выращивают зерно, фрукты, овощи или сахарный тростник. Но так это выглядит только внешне. Бывшие военные преступники, поселившиеся на берегах Рио-Негро, вкладывают свои капиталы в „багалью“ — контрабанду. При их самом активном участии... вывозят такие ценные стратегические материалы, как касситерит, колумбит, танталит. Там же, в своих „колониях“, они сколачивают неонацистские организации, выращивают „коричневую смену“»¹³.

Эта группа иммигрантов малочисленна, в культурном отношении обособленна и «чужеродна» основному этносу страны.

Особенностью послевоенной иммиграции было то, что наряду с центральной прибрежной областью, где, как и раньше, оседали иммигранты, центрами тяготения их стали районы промышленного и сельскохозяйственного освоения на юге и на севере страны.

Главная же отличительная черта новой иммиграции заключалась в сокращении числа выходцев из Европы и одновременном увеличении размеров латиноамериканского контингента, что подтверждают данные этнического состава эмигрантов (сальдо, тыс. человек)¹⁴:

	1945—1949	1950—1954	1955—1959	1960—1964
Итальянцы и испанцы	256,3	276,1	73,9	3,9
Латиноамериканцы	—3,6	89,5	166,4	201,4
Прочие	76,3	52,8	10,1	13,0
Всего	329,0	418,4	250,4	218,3

Если до середины XX в. преобладающим компонентом среди переселенцев были итальянцы и испанцы, то с 50-х годов их вытеснили парагвайцы, боливийцы и чилийцы — выходцы из соседних стран, в которых условия жизни были хуже, чем в Аргентине. В эти годы Аргентина и сама превратилась в поставщика квалифицированных научных и технических кадров на внешний рынок, особенно в США. С 70-х годов и до настоящего времени иммиграция в Аргентину почти исключительно латиноамериканская по своему происхождению. Это обстоятельство изменило в корне характер этнических процессов, уменьшив воздействие иноэтничных элементов на национальную жизнь. Аргентина стала страной внутриконтинентальной иммиграции. Изменился сам тип иммиграции — она приобрела характер сезонного отходничества, в котором принимают участие жители прилегающих к Аргентине стран, поэтому сами по себе высокие показатели иммиграции послевоенных десятилетий, особенно в 60—70-е годы, нельзя брать в расчет при ее оценке. Не говоря уже о том, что надо соотносить эти показатели со значительно возросшей численностью населения Аргентины, следует иметь в виду, что основная часть иммигрантов — это сезонные рабочие, возвращающиеся на родину после истечения срока контракта. Мощный отлив реэмигрантов из страны снижает воздействие иммиграции на рост населения и характер этнокультурных процессов. Для того чтобы доказать этот тезис, достаточно привести, например, такое сравнение: если за десятилетие с 1904 по 1913 г. положительное иммиграционное сальдо составило 1483 тыс., то за десятилетие с 1961 по 1970 г. — лишь 361 тыс. (см. табл. 5, 6), т. е. в 4,5 раза меньше. Фактический же «вклад» иммиграции в развитие аргентинского этноса оказался еще меньшим, если вспомнить, что к 1914 г. население Аргентины насчитывало 7,9 млн., а в 1970 г. — 23,4 млн. человек. Доля иммигрантов, к которым, как и прежде, статистика относит лиц, родившихся вне Аргентины, упала с 30% в 1914 г. до 9,3 % в 1970 г.; по данным на 1977 г., она составила лишь 7,3%.

В аргентинской литературе современную иммиграцию в целом называют «ласточковой», так как в страну приезжают в основном сезонные сельскохозяйственные рабочие — «брасерос». В период сафры на временные заработки в провинции Жужуй, Сальта и Тукуман устремляется большой поток боливийских поденщиков; в разгар хлопковой страды в Чако трудится много парагвайцев; на время сбора йербы-мате в Мисьонес приезжают парагвайцы

и бразильцы; в сезон созревания винограда в Мендосе и в период стрижки овец и сбора яблок в Патагонии работают чилийцы.

Судя по статистике, примерно 5% латиноамериканских сезонных рабочих ежегодно оседает в стране. В действительности же, и число самих иммигрантов, и тех из них, кто остается сверх максимально разрешенного срока (до 6 месяцев), превышает официальные данные. Несмотря на правительственные заслоны, большое распространение имеет нелегальная иммиграция. Через протянувшиеся на тысячи километров границы, минуя органы контроля, в Аргентину проникает множество безработных, не имеющих на своей родине ни крова над головой, ни средств к существованию.

Для легализации иммигрантов, остающихся после истечения срока контракта или прибывших без оформления и решивших не возвращаться на родину по политическим, экономическим, расовым или религиозным мотивам, существует сложная многоступенчатая система получения разрешения на жительство. От подачи заявления до приобретения соответствующего документа проходит более четырех месяцев, в течение которых требуется не раз приезжать в столицу и выстаивать многочасовые очереди в миграционном управлении Буэнос-Айреса, а это далеко не все могут себе позволить. Приходится, в конце концов, возвращаться на родину или, пока удастся, перебиваться на нелегальном положении¹⁵. В целом даже с учетом сделанных оговорок иммиграция из соседних стран носит сезонный характер и, следовательно, не может оказывать значительное влияние на изменение состава населения Аргентины и обновление его этнокультурного облика.

Усиление внутренних миграций населения

О падении значения иммиграции извне для этнических процессов в Аргентине убедительно свидетельствует исследование аргентинского социолога Альфредо де Латтеса. Он проанализировал изменение роли различных факторов в перераспределении населения между провинциями на территории всей страны с середины XIX в. до 1960 г. При сравнении данных статистики населения за четыре межцензовых периода (1869—1895, 1895—1914, 1914—1947, 1947—1960), оказалось, что если в первые два периода главным источником роста населения была внешняя иммиграция, то в следующие два им стал естественный прирост¹⁶. Для изменения соотношения численности населения между провинциями на протяжении всех четырех периодов большое значение имели внутренние миграции. В общем объеме этих перемещений Латтес выделил иностранный компонент и уроженцев Аргентины. Их участие во внутренних миграциях и в перераспределении населения провинций было различным в каждый из выделенных промежутков времени: в первые два периода, т. е. до 1914 г., европейские переселенцы играли роль главного фактора этого процесса. После первой мировой войны с уменьшением размера иммиграции эффект

ее воздействия на изменение численности и состава жителей провинций снизился, а с 1947 г. она заняла последнее место среди факторов перераспределения населения. В противоположность этому воздействие миграций уроженцев страны, относительно спокойное в первые два периода, значительно усилилось в третьем и особенно в четвертом периодах.

Сказанное можно подтвердить следующими данными ¹⁷:

Фактор перераспределения населения, %	1869—1895	1895—1914	1914—1947	1947—1960
Естественный прирост	14,4	14,6	43,9	32,9
Миграция иностранцев	70,6	68,5	25,2	20,9
Миграция уроженцев страны	15,0	16,9	30,9	46,2

Внутренние миграции уроженцев Аргентины и естественный прирост населения с середины XX в. приобрели решающее значение в формировании этнического состава провинций и страны в целом. Увеличение роли второго фактора вело к росту этнической однородности аргентинского населения, а усиление внутренних миграций уроженцев страны — к ослаблению региональной замкнутости и стиранию культурных различий внутри нации.

География внутренних миграций расширялась. А. Латтес показал, что если на ранних этапах эти миграции были пространственно ограниченными, локальными и носили довольно хаотичный характер, то после 1914 г. они приняли более выраженную общую направленность — от периферии к центру в Буэнос-Айресе и втянули в это движение более удаленные от центра провинции ¹⁸. В результате в столицу и прилегающие области — основные очаги консолидации нации — вливались люди из «заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий», где сильны патриархальные и личные отношения зависимости и сословности ¹⁹. Здесь они проходили через горнило социализации, поднимаясь до общеаргентинского уровня. В настоящее время внутренними миграциями охвачены жители самых отдаленных окраин, что в итоге ведет к достижению более высокой степени консолидации нации.

Учитывая приведенные выше данные, можно отметить, что на новом этапе этнической истории, начавшемся с первой мировой войны, аргентинский этнос прошел еще по крайней мере три периода в своем развитии.

I. В 20—30-е годы XX в., т. е. в первые десятилетия после резкого ослабления европейской миграции, этнические процессы были все еще в большой степени связаны с ней. Но существенное отличие данного периода от более раннего заключалось в том, что теперь этнические процессы определялись взаимодействием аргентинцев не со вновь прибывающими группами чужестранцев, а с тем контингентом иммигрантов, который сложился за предшествующие десятилетия и частично «аргентинизировался».

В целом доля иммигрантов в населении Аргентины продолжала уменьшаться, и среди них все больший удельный вес приобретали «старожилы». Естественный прирост стал главным фактором увеличения общей численности населения. Все это содействовало упрочению тенденции к ассимиляции иммигрантов аргентинским этносом.

II. За время второй мировой войны в связи с прекращением притока населения из-за границы этнический состав Аргентины стабилизировался. Обстоятельства военного времени способствовали росту экономики Аргентины. В Европе резко увеличился спрос на аргентинскую продукцию и в то же время приток в страну иностранных капиталов и товаров сократился, что стимулировало развитие сельского хозяйства и промышленности. Это был период самого быстрого роста рядов пролетариата за всю историю Аргентины. Индустриализация и урбанизация происходили не благодаря притоку рабочей силы из-за границы, а за счет прилива населения из сельской зоны в города. Все это объективно вело к преобладанию консолидационной тенденции в развитии основного этноса и благоприятствовало интеграции иммигрантов.

III. В 50-е годы XX в. роль иммиграции в национальном развитии окончательно отошла на задний план. Аргентина перестала быть центром притяжения европейских иммигрантов. Их заменили латиноамериканские брасерос. Для периода консолидации аргентинской нации, продолжающегося до настоящего времени, характерно возрастание роли внутренних миграций, вызванное новым подъемом индустриализации и усилением скрытого аграрного перенаселения. Превращение Аргентины за последние 30 лет из аграрной страны в индустриально-аграрную, механизация сельского хозяйства, сокращение производства зерновых и рост мясо-молочного сектора высвободили большую армию сельских тружеников. Правительственный план так называемой «аграрной трансформации» привел к сокращению мелких крестьянских хозяйств, что также вызывает уход сельских жителей в города²⁰.

Полюс притяжения для выходцев из так называемых «бедных» провинций по-прежнему находится в восточном районе, где расположены наиболее крупные города — Буэнос-Айрес, Росарио, Кордова, Санта-Фе. Особенно быстро концентрируется население вокруг федеральной столицы, превратившейся в крупный мегаполис страны. Окраины Большого Буэнос-Айреса (столица с пригородами) слились с такими городами бассейна Ла-Платы, как Сан-Николас и Лухан. Растут старые города столичной провинции — Баия-Бланка, Мар-дель-Плата и другие, появляются новые индустриальные центры — Кампана, Сарате, Олавария. В то же время большинство внутренних районов страны освоено слабо. Наличие двух контрастных экономических полюсов внутри одной страны — «пространственный дуализм» социально-экономического развития — советский ученый Я. Г. Машбиц назвал одной из главных черт экономико-географической структуры современных

развивающихся стран²¹. Для таких стран, как Аргентина, указанное явление особенно характерно и определяется оно прежде всего ее зависимостью от иностранных монополий. Глубокое нарушение равновесия в региональном экономическом развитии создало условия для перемещения масс населения из окраинных районов в прибрежную зону, которая может предложить им более широкие возможности трудоустройства, более высокие заработки и лучшие условия в обеспечении таких социальных услуг, как образование, жилище и медицина²².

От прилива населения из глубинных областей еще больше возросла гипертрофия столицы, изменилась демографическая, социальная и этническая структура населения Большого Буэнос-Айреса. Мигранты принесли с собой своеобразие культурных традиций севера и запада Аргентины. Этот процесс получил название «аргентинизации» столицы, что отражает его специфику и отличие от имевшего место ранее процесса «европеизации» Буэнос-Айреса.

Иммигранты последних десятилетий, в основном выходцы из соседних стран с более низким уровнем жизни, также участвуют во внутренних передвижениях населения, правда, с меньшей интенсивностью, чем европейские переселенцы в предшествующие периоды. Уроженцы страны и иммигранты следуют общей тенденции концентрироваться в крупных городах, что способствует межэтническому взаимодействию и в конечном итоге — ассимиляции иммигрантов. Усиленный рост городов (Аргентина является одной из самых урбанизированных стран Латинской Америки) и концентрация производства резко ускоряют этот процесс.

Проблема «cabezas negras» и консолидация аргентинской нации

По мере роста численного преобладания аргентинцев над иммигрантами снижались напряженность и острота этнических взаимоотношений, характерные для прежних периодов. Тем не менее в новых условиях этнокультурное сплочение внутри аргентинской нации и втягивание в этот процесс иммигрантов сопряжены со своими трудностями. Консолидация нации ускорилась, но процесс этот не идет прямым и гладким путем. Этниотестирующие факторы вступают в противоборство с этнодифференцирующими, что проявляется в рамках основного этноса и во взаимодействии различных национальных групп и этнических меньшинств.

Угасание иммиграции отразилось прежде всего на изменении социальной структуры населения Аргентины, так как в формировании основных общественных классов стали принимать участие новые социальные и этнические группы. Эти вопросы наиболее детально изучены Д. Джермани²³. Если в период массовой иммиграции промышленная буржуазия, сложившаяся как класс в конце XIX — начале XX в., из торгово-скотоводческой буржуазной прослойки, тесно связанной с землевладельческой олигархией,

и крупная буржуазия иностранного происхождения входили в единую социально-политическую группировку, то новая аргентинская буржуазия, появившаяся после 30-х годов из средних слоев города и деревни, испытывала трудности в признании со стороны потомственной элиты, державшейся за свои привилегии. Это отразилось на политической ориентации молодой буржуазии, стремившейся к усилению своих позиций. Группа новых предпринимателей оказалась наиболее благосклонной к режиму Перона, пришедшего к власти в 1946 г., в то время как старая буржуазия была настроена против него, находя поддержку консерваторов землевладельцев.

Среди низших слоев населения происходил сходный процесс размежевания. Только здесь исходные этнические различия были сильнее. Новый рабочий класс формировался из аргентинцев во втором и более поколениях в противоположность тому рабочему классу, который составлял первоначальный слой городского пролетариата и происходил в основном из иммигрантов и их детей. Этнические различия между старыми и новыми слоями промышленных рабочих усложняли в 30—40-е годы процесс консолидации пролетарских рядов. Что касается политических расхождений, то, как считает Джини Джермани, в среде рабочего класса они были выражены слабее, чем в среде буржуазии, хотя в действительности аргентинский пролетариат также оказался расколотым на несколько политических течений в соответствии с его социальной и этнической разнородностью.

Внутренние миграции, которыми сопровождался рост индустриализации и урбанизации, создавали также свои социокультурные проблемы. Они привели во взаимодействие этнические пласты населения, которые долгое время мало соприкасались друг с другом, и эта исторически сложившаяся обособленность наложила свой отпечаток на тех и других.

Сельские жители внутренних провинций, пополнявшие ряды столичного пролетариата, особенно выходцы из периферийных областей, в расовом отношении отличались выраженными индейскими или даже негритянскими чертами. Но от типичных портеньо, т. е. коренных буэнос-айрессцев, они отличались не только физическим типом, но и внешним обликом, манерой поведения. В столице они получили оскорбительное прозвище «cabecitas negras». Дословно это выражение переводится как «черноголовые», но понимать его буквально нельзя, потому что прозвище было им дано не за какие-то конкретные «зримые» признаки (цвет волос или кожи), а за некую сумму расовых и социокультурных отличий, в которые входили также их провинциальные вкусы, привычки, вплоть до манеры одеваться, причесываться или отпускать усы.

Прогрессивный аргентинский публицист Уго Ратьер писал, что «со временем контрастная фигура cabecita negra окрасила пейзаж города»²⁴. При этом автор имел в виду Буэнос-Айрес 50—60-х годов XX в. Но первые cabecitas negras попали в столицу

намного раньше. Ими были представители высших слоев населения внутренних провинций. Еще в 70-е годы XIX в., когда провинции прекратили борьбу против гегемонии Буэнос-Айреса, их правящая элита первой оценила преимущества новой ситуации для достижения более высокого положения. Интересно отметить, что отдельные представители бывшей провинциальной верхушки выдвинулись потом в Буэнос-Айресе благодаря своим националистическим позициям, противостоящим преклонению ортодоксальных либералов перед Европой.

Вслед за элитой в столицу потянулись выходцы из средних слоев общества, в том числе учителя. Среднее образование считалось в конце XIX — начале XX в. очень престижным, особенно в семьях со скромным достатком. Учителя из провинций пользовались в Буэнос-Айресе большим спросом. Их приток способствовал устранению иностранного влияния на подрастающее поколение.

В 30-е годы XX в. начался массовый исход в столицу жителей внутренних провинций. В 40-е годы их прибывали уже «легионы», по выражению Уго Ратьера. В 1936—1943 гг. в среднем ежегодно из внутренних аграрных районов в Буэнос-Айрес переселялось до 72 тыс. человек, а в 1943—1947 гг. — до 117 тыс. Соответственно их доля в населении Большого Буэнос-Айреса быстро росла. Так, в 1936 г. они составляли 16% его населения, в 1943 г. — 28 и в 1947 г. — 38%. Наибольшее число мигрантов в те годы происходило из соседних со столичной и ближайших к ним провинций (Энтре-Риос, Кордова, Корриентес, Санта-Фе, Сантьяго-дель-Эстеро, Ла-Пампа и Тукуман). Отсталые и малонаселенные пограничные провинции, например Ля-Риоха и Катамарка, давали небольшой по абсолютной численности приток, но он составлял высокий процент от их собственного населения²⁵.

Мигранты начинали работать в качестве слуг, горничных (многих из них хозяева привозили из своих эстансий), кондукторов трамваев, официантов или посудомойщиков в кафе. Затем они вовлекались в фабричное производство, получая здесь больше, чем служащие, но все же не пользуясь престижем, который город давал последним.

Недоброжелательное отношение жителей прибрежной зоны к внутренним мигрантам определялось не столько их несходством со сложившимся стереотипом, сколько усиливавшейся благодаря им конкуренцией на рынке труда.

И дело здесь не ограничивалось унижительными прозвищами и кличками, которыми награждали мигрантов портеньо. Конфликт принимал иногда форму «войны цветов»: в уличных боях группа «белых» собиралась наказывать группу «черноголовых», чтобы не позволить им «вылезать вперед»²⁶. Однако классовая солидарность, присущая рабочим всех стран, помогала преодолевать расовые и социальные предрассудки по отношению к выходцам из более отсталых провинций, и именно в рабочей среде

раньше и быстрее всего происходило и происходит физическое и культурное смешение аргентинцев.

По мере включения в состав пролетариата менялись социальный и внешний облик бывших «провинциалов», их вкусы и привычки, дававшие повод для прозвищ. Фигура «черноголового» становилась все менее заметной для глаз. Но, сливаясь с потомственным аргентинскими рабочими и приобретая новый классовый опыт, мигранты из внутренних районов вносили специфическую струю в национальную жизнь²⁷.

Социальная неорганизованность и политическая незрелость выходцев из внутренних провинций, «еще не осознавших себя органической частью единого рабочего класса», позволила буржуазии на первых порах противопоставить это новое пополнение старым квалифицированным кадрам и путем разного рода обещаний и подачек привлечь его на свою сторону в борьбе за власть. По словам советского историка И. Е. Шокиной, именно эти «новобранцы промышленного пролетариата из провинций, воспитанные в консервативных католических традициях, не прошедшие школу классовой борьбы, оказались легкой добычей националистической пропаганды»²⁸. В 40-е годы они стали опорой перонизма.

Перонистское движение, зародившееся под лозунгом «политически суверенной, экономически независимой и справедливой родины»²⁹, прошло затем сложный и противоречивый путь развития. Однако перонисты всегда старались направить борьбу трудящихся масс в русло реформ, которыми будто бы можно решить все социально-экономические проблемы. К тому же перонизм, как писал член Исполкома КПА Искаро Рубенс, проповедовал классовое примирение в противоположность классовой борьбе и защищал частную собственность на средства производства в противоположность коллективной собственности — основе социализма³⁰. Демагогические призывы к «национальному единству» и «национальному социализму» были основаны на преувеличении роли национального фактора в целом и национальной исключительности Аргентины, якобы обеспечившей ей ведущее место среди стран Латинской Америки. В этом наглядно проявилось воздействие господствующих классов антагонистических обществ на национальное самосознание, на формирование новинизма и национализма. По словам Ю. В. Бромлея, «стремясь использовать национальные чувства в своих интересах, в частности в конкурентной борьбе, буржуазия обычно пытается представить эти интересы как общенациональные, а соответственно, и преувеличить значение национальных факторов»³¹.

Спровоцированный перонистами взрыв буржуазного национализма в 40—50-х годах XX в. одновременно обострил патриотические чувства аргентинцев, став фактором роста национального самосознания. Этот процесс коммунисты пытались направить в нужное русло. XI съезд КПА (1946) призвал коммунистов к созданию единого фронта борьбы для разоблачения буржуазно-на-

ционалистической идеологии, для объединения и демократизации рабочего движения на принципах классовой борьбы.

Патерналистская тактика в отношении рабочего класса принесла перонистам успех прежде всего в массах провинциальных рабочих, жаждавших самоутверждения. В период острой борьбы перонистов с оппозиционной коалицией (1945—1946) быть «черным», т. е. «черноголовым» означало быть перонистом и наоборот³². Приверженность «черноголовых» к господствующей политической силе укрепила их социальный статус в большом городе, поэтому они перестали «подбирать крошки с хозяйского стола»³³. Более того, Перон предпринял ряд мер для включения провинциалов в организационные структуры рабочего класса (создание централизованной системы профсоюзов, автоматическое членство рабочих в профсоюзах и т. д.).

В 50—70-х годах началось постепенное стирание различий между «старыми» и «новыми» слоями промышленного пролетариата, характерное для 40-х годов³⁴. Однако дальнейшее расширение его рядов происходит опять-таки за счет «свежего» пополнения из провинций. За пределами фабрик, где недавние выходцы из провинций трудятся вместе с остальными рабочими, они все же оказываются как бы отчужденными от жизни большого города. Бедные кварталы городских окраин становятся массовым пристанищем все новых и новых «*hombre del interior*» (людей из внутренних провинций).

В окраинных городских зонах дольше сохраняются культурные особенности выходцев из внутренних районов. Поддерживая друг с другом традиционные отношения, они пытаются как-то сохранить свою культурную общность. Но в новых условиях она неизбежно трансформируется. В результате городские окраины становятся маргинальной, пограничной зоной, в социокультурном отношении переходной между традиционно отсталыми областями и городом. В то же время существование этих переходных зон и своего рода иерархии этнического самосознания (аргентинцы, портенйо, «*hombre del interior*»...) отражает непреодоленность проблемы культурных различий внутри аргентинского этноса, незавершенность консолидации нации.

По мнению аргентинского социолога Марио Маргулиса, приверженность провинциалов к городским окраинам вызвана не только объективными экономическими факторами (нехватка жилья и дороговизна жизни в Буэнос-Айресе, близость к фабрикам и заводам); она представляет собой социально-психологическую реакцию на дискриминацию и вытекает из стремления «к сплочению своей группы в качестве защиты от города, от чуждых им социальных моделей и ценностей»³⁵. Тенденция мигрантов из внутренних провинций к формированию своего рода «субкультур», о которой говорит М. Маргулис, по существу мало чем отличается от механизма адаптации к принимающей среде, используемого европейскими иммигрантами. Это явление, как уже

указывалось, замедляет процессы ассимиляции и в то же время становится одной из промежуточных ее стадий.

Со временем прозвище «*sabecitas negras*» по отношению к выходцам из внутренних провинций вытесняется другим — «*negro de villas*» (черный из квартала бедноты) или просто «*villero*» (житель квартала бедноты). Поначалу возможности контакта с городом для них ограничиваются почти исключительно сферой труда. Но, чем дольше становится пребывание бывших сельских пролетариев в городских предместьях, тем заметнее ощущаются перемены в их культуре. Они приобретают новые «социальные характеристики, усваивают новую ценностную ориентацию, постигают свое новое место в производстве, коллективе, жизни»³⁶. По мнению социологов, этому процессу становления новой личности по-своему способствует разрыв родственных связей, особенно свойственный молодежи, покидающей родные места. Семейные традиции перестают быть в новой жизни опорой, защищающей от влияния новой среды.

В последние десятилетия содержание понятия «*sabecitas negras*» получило новый оттенок, на этот раз под воздействием латиноамериканской иммиграции. Перед лицом новых «черноколых», как стали называть теперь выходцев из соседних стран, уроженцы внутренних провинций Аргентины превратились в «креолов». Прежде слово «креол» было синонимом «типичного» аргентинца, теперь креолами называют аргентинцев из внутренних провинций, противопоставляя их аргентинцам прибрежного района и новым иммигрантам. Происшедшая со словом «креол» метаморфоза не случайна: она отражает динамику развития консолидационных процессов; с одной стороны, до наших дней сохраняется явление, характерное для более ранних стадий формирования и развития этноса, имя которому — «регионализм», с другой. — усиливается сознание этнического родства всех аргентинцев, которое стало более очевидным на фоне начавшейся иммиграции из соседних стран.

В отличие от иммигрантов из других стран Латинской Америки не говоря уже о европейцах или азиатах, выходцы из пограничных с Аргентиной районов имеют много общего с аргентинцами, но раньше культурные различия между ними были выражены еще слабее. Сейчас этого сказать нельзя. В культуре жителей граничащих с Аргентиной местностей имеется целый ряд специфических особенностей, отличающих их от аргентинцев, и прежде всего — это большая сохранность индейских элементов. Культурные особенности создают для латиноамериканских иммигрантов в Аргентине свои трудности кроме тех социально-экономических проблем, с которыми они сталкиваются особенно в городах.

Наиболее заметны и в то же время показательны языковые различия между аргентинцами и их соседями по другую сторону границы. Так, по признанию одного из жителей провинции Корrientес, «...мы говорим на гуарани тихонько, боясь, чтобы нас не услышали. А парагвайцы? Посмотрите, как они ведут себя

в компании! Они говорят на гуарани в полный голос, не стыдясь, что все вокруг на них смотрят!»³⁷. В аргентинской провинции Корриентес индейский язык гуарани считается признаком принадлежности к низшим слоям, что во многих случаях заставляет людей скрывать знание гуарани. Аргентинцы все реже учат своих детей этому языку и употребляют его только по необходимости, парагвайцы же пользуются им как родным.

Такая же примерно разница существует между жителями провинции Жужуй и направляющимися туда из соседних областей боливийцами. Культурное и языковое родство населения всей этой зоны когда-то было бесспорным. Но в аргентинской провинции сейчас уже не говорят на кичуа (диалект кечуа). От языка инков у креолов Жужуя остались лишь отдельные слова и литургические стихи, посвященные католическим святым. Боливийцы же говорят на кечуа как на родном языке, и в городе, например, чтобы объясниться, им нужен переводчик.

Иммиграция парагвайцев, боливийцев, чилийцев и т. д. приобрела особое значение для Аргентины из-за недостатка рабочих рук в зонах выращивания товарных культур, так как местные жители продолжают мигрировать из этих зон в восточные провинции страны. Между тем, как отмечается даже в местной прессе, латиноамериканские иммигранты встречают в Аргентине большие трудности. Им приходится принимать любые условия и соглашаться на зарплату более низкую, чем у местных жителей, так как они еще неорганизованы, не имеют профсоюзов, отстаивающих их интересы, и того опыта борьбы, которым располагают аргентинские сельскохозяйственные рабочие. Их социальная дискриминация подкрепляется расовой. Местная буржуазия зовет их индейцами и «*sabecitas negras*». Новые «черноголовые» живут в районах бедноты компактными и довольно замкнутыми группами. В городах побережья они выделяются среди аргентинцев своей внешностью и манерами, подобно тому как это было с прежними «*sabecitas negras*».

Официальная политика Аргентины в отношении иммигрантов из соседних стран носит явно негативный характер. В одном из правительственных проектов середины 60-х годов среди причин, отрицательно влияющих на социальные характеристики населения, была названа нелегальная иммиграция, которая якобы «по моральным, интеллектуальным и физическим свойствам уступает приемлемому уровню и создает перенаселенность вокруг больших городов в стихийно возникающих кварталах бедноты»³⁸. Физические свойства поставлены здесь на последнее место, по имени они больше всего не устраивают высшие круги общества. Расизм «сверху» является той приправой, которая способствует сохранению этнорасовых предрассудков на бытовом и производственном уровнях.

Ассимиляция латиноамериканских национальных групп происходит, очевидно, в ограниченных масштабах главным образом в силу сезонного характера иммиграции.

Что же касается культурного взаимодействия тех, кого сейчас называют креолами, с аргентинцами восточных провинций, то этот вопрос еще далеко не изучен. Приводимые в литературе факты говорят не только о влиянии города на креолов из провинций, но и об обратном воздействии. Речь идет о духовной, в частности музыкальной, культуре аргентинцев. Еще в эпоху Перона выходцы из провинций открыли новый для жителей городов восточного побережья мир народной музыки, восходящей к индейским и отчасти к негритянским мотивам, которой те раньше не знали. Своеобразный музыкальный фольклор северных и западных провинций Аргентины занял место рядом с танго в период, когда оно переживало пик своей популярности. Постепенно эта новая для Буэнос-Айреса музыка завоевала широкую аудиторию самих портеньо. Даже во время расцвета современной моды в музыке мелодии внутренних областей пользуются большой популярностью. Возрождение традиционного фольклора сопровождается реабилитацией аргентинской гитары, забытой в период массовой иммиграции.

Народная музыка жителей внутренних провинций, имеющая древние корни, стала общепризнанным достоянием. Подобные же процессы, возможно не в столь выраженной форме, идут и в других областях духовной культуры. Такого рода стирание культурных различий привело к тому, что новые выходцы из провинций, продолжающие переселяться в большие города, уже не воспринимаются там как нечто инородное, не так сильно выделяются из общей массы, как прежде. В более широком плане столкновение нескольких культурных потоков — аргентинских портеньо и европейских иммигрантов — с встречным потоком «креолов» из провинций дает новый импульс развитию национальной культуры. В данном случае к Аргентине можно применить общую формулу о своеобразии Латинской Америки, ставшем одновременно важной причиной ее нынешнего скачка в сфере профессиональной культуры. Латинская Америка «в самой себе сосредотачивает те ценности, которые другими странами ввозятся извне — передовыми из отсталых, отсталыми из передовых. Тут между архаикой и модерном есть теснота сосуществования, глубина взаимодействия внутри одного культурного ареала»³⁹. В Аргентине этот ареал создан современным урбанизмом, благодаря которому органически соединены, «придвинуты максимально друг к другу», прежде разобщенные, исторически и географически удаленные начала. И эта «культурная многомерность», как показывает, в частности, опыт художественной латиноамериканской литературы, таит в себе большие возможности для продвижения вперед.

* *

*

По переписи 1970 г., общая численность населения Аргентины составляла 23,4 млн. человек, из них 21,2 млн. относились к аргентинцам и 2,0 млн. — к иммигрантам⁴⁰. По результатам последней переписи 1980 г. население страны достигло 27,9 млн. человек⁴¹. К сожалению, пока мы не располагаем данными переписи по этническому составу населения и отдельных иммигрантских групп. Судя по данным 1970 г., соотношение между аргентинцами и иммигрантами увеличилось в пользу аргентинцев, кроме того, внутри обеих этих категорий населения произошли важные изменения. В то время как сплоченность аргентинцев растет, этно-социальное единство среди иммигрантских групп все больше размывается.

Из 2 млн. иммигрантов, проживавших в стране к моменту переписи 1970 г., более 540 тыс., или свыше $\frac{1}{4}$, составляли латиноамериканцы⁴² (табл. 7). Среди европейских иммигрантских групп первое место по-прежнему занимали итальянцы и испанцы, но из 1,5 млн. европейцев более 1 млн. человек прибыли в Аргентину еще до второй мировой войны, т. е. фактически прижились здесь и если не полностью, то частично ассимилировались.

ТАБЛИЦА 7

Состав иммигрантов по странам происхождения и времени прибытия (на 1970 г.)

Страна происхождения	Время прибытия				Всего
	до 1914 г.	между 1914— —1946 гг.	между 1947— —1959 гг.	между 1960— —1970 гг.	
Боливия	950	18 250	31 750	41 350	92 300
Бразилия	9 150	15 800	8 500	11 650	45 100
Чили	3 950	22 100	59 400	47 700	133 150
Парагвай	9 850	46 800	60 800	100 750	218 200
Уругвай	10 850	18 300	6 350	15 600	51 100
Другие страны Америки	1 150	4 500	4 600	8 200	18 450
Испания	122 500	203 650	160 700	22 650	509 500
Италия	93 150	222 800	305 750	15 350	637 050
Другие страны Европы	33 450	203 800	62 850	15 050	315 150
Страны					
Африки	500	950	1 200	1 150	3 800
Азии	8 100	22 200	7 700	5 050	43 050
Океании	50	300	100	50	500
Всего	292 900	781 400	709 700	284 800	2 193 300

За прошедшие со времени предпоследней переписи два десятилетия абсолютные и относительные размеры иммигрантских групп европейского происхождения снизились еще больше в результате старения европейских иммигрантов и слабого притока новых переселенцев из Европы. С 1971 по 1975 г. по данным иммиграционной статистики⁴³, сальдо для европейских иммигрантов в Аргентине составляло соответственно:

1971 г. (—) 3800 человек	1974 г. (—) 4905	»	
1972 г. (—) 620	»	1975 г. (—) 3251	»
1973 г. (—) 9431	»		

Не получая достаточного пополнения, национальные иммигрантские общины приобретают все более «аргентинский» характер и, как бы ни старались члены этих общин сохранить свои традиции, они все яснее осознают себя аргентинцами.

Иммигрантские группы в основном двуязычны, что наряду с двойственным самосознанием указывает на их «переходный» характер. При этом в условиях этнической ситуации современной Аргентины для иммигрантов функции государственного испанского языка становятся шире и существеннее, чем функции их родных языков. Вытеснение родного языка государственным особенно заметно в речи второго поколения. Такого рода языковая ассимиляция существенно способствует этнической ассимиляции в целом. Как показывают результаты современных социологических обследований, даже в самых крупных колониях, итальянской и испанской, внутренние культурные связи приходят в упадок, вытесняясь внешними⁴⁴.

Современную численность аргентинских индейцев установить трудно из-за различий в критериях выделения этой группы населения. По имеющимся данным, в 1978 г. их насчитывалось около 399 тыс.⁴⁵ Являясь уроженцами страны, все они относятся к аргентинцам. В действительности же в Аргентине существует по крайней мере 12 мелких индейских этнических меньшинств, сохраняющих свои языки и сознание принадлежности к той или иной индейской народности. В 70-е годы XX в. появились межэтнические федерации индейцев по борьбе за улучшение условий жизни и культурного развития, за подлинное этническое равноправие. Но это движение наталкивается на сильное противодействие со стороны правящих кругов страны.

Что касается самих аргентинцев, то за прошедшие после первой мировой войны десятилетия XX в. их численность больше чем утроилась, главным образом благодаря естественному приросту. Аргентинский этнос стал более сплоченным, хотя в нем сохраняются внутренние социальные и культурные различия, свойственные всем капиталистическим нациям и Аргентине в особенности в силу ее зависимости от иностранного капитала. Подавляющая часть аргентинцев являются таковыми не только по названию, но и по языку, культуре и самосознанию, которое глубоко укоренилось по всей стране. Национальное самосознание и чувство

патриотизма, нередко подогреваемое сверху в узкоклассовых интересах, проявились вновь в недавнем военном конфликте с Англией из-за Фолклендских (Мальвинских) островов.

По мнению аргентинского писателя Хорхе Асиса, разоблачившего авантюризм организаторов военных действий на Мальвинах и империалистическую политику Англии и США, война тем не менее показала крепнущие сплоченность, политическую зрелость и самосознание аргентинцев. Их реакцией на предпринятые англичанами военные действия были «единство, патриотизм, растущее убеждение в том, что перед лицом надвигающейся опасности необходимо забыть о внутренних раздорах и объединиться против агрессора»⁴⁶.

Рост этнической консолидации аргентинской нации продолжается путем преодоления внутреннего регионализма и включения в свою структуру этноэтнических групп.

¹ Dirección General de Inmigración, Buenos Aires, 1946.

² Очерки истории Аргентины. М., 1969, с. 280.

³ *Stahinger de Caramuti O.* La política migratoria argentina. Buenos Aires, 1975, p. 91.

⁴ Los ucranianos en la Argentina.— *Estudios latinoamericanos*, Warszawa, 1976, N 3, p. 293.

⁵ *Вассерман Л.* Развитие промышленности в Аргентине в первой трети XX в.— Научные труды Азербайджанского гос. ун-та, серия ист. и филос. наук, Баку, 1979, № 6, с. 69—70.

⁶ *Spitta A.* Die deutsche Emigration in Argentinien 1933—1945.— *Universitäts-schwerpunkt Lateinamerikaforschung*, 48 Bielefeld I, Arbeitspapiere, Juni 1978, N 14, S. 8.

⁷ Dirección General de Inmigración. Buenos Aires, 1972; Anuario estadístico de la república Argentina 1979. Buenos Aires, 1980.

⁸ *Марианский А.* Современные миграции населения. М., 1969, с. 113.

⁹ *Frank M.* Die letzte Bastion Nazis in Argentinien. Hamburg, 1962.

¹⁰ *Ibid.*, S. 74.

¹¹ *Ibid.*, S. 75.

¹² *Болдырев П.* Свидание на серебряной реке. Рига, 1972, с. 79.

¹³ Там же, с. 80.

¹⁴ *Panettieri J.* Inmigración en la Argentina. Buenos Aires, 1970, p. 140.

¹⁵ *Clarín*, Buenos Aires, 1976, 2 de septiembre, p. 16.

¹⁶ *Lattes A.* Las migraciones en la Argentina entre mediados del siglo XIX y 1960.— *Desarrollo económico*, Buenos Aires, 1973, v. 12, N 48, p. 856.

¹⁷ *Ibid.*, p. 857.

¹⁸ *Ibid.*, p. 862—863.

¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 576—577.

²⁰ *Яценко Я. Г.* Миграционные процессы в современной Аргентине.— В кн.: География и развивающиеся страны (современные проблемы развития и размещения производительных сил). Материалы конференции. М., 1979, с. 29.

²¹ *Машбиц Я. Г.* Развивающиеся страны как объект экономико-географических исследований.— В кн.: География и развивающиеся страны..., с. 19.

²² Censo nacional de población, familias y viviendas — 1970. Resultados provisionales. Buenos Aires, 1970, p. 18.

²³ *Germani G.* La estratificación social y su evolución histórica en Argentina, p. 111—112.

²⁴ *Ratier H.* El cabecita negra. Buenos Aires, 1979, p. 51.

²⁵ *Margulis M.* Migración y marginalidad en la sociedad Argentina. Buenos Aires, 1968, p. 55.

- ²⁶ *Ratier H.* El cabecita negra..., p. 12.
- ²⁷ *Ibid.*, p. 51.
- ²⁸ *Шокина И. Е.* Перонизм в истории национально-освободительного движения Аргентины (1946—1955). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1969, с. 8.
- ²⁹ Там же, с. 2.
- ³⁰ *Искаро Р.* Авангард рабочего класса, руководитель масс.— В кн.: Коммунисты мира о своих партиях. Прага, 1976, с. 47.
- ³¹ *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983, с. 194.
- ³² *Ratier H.* El cabecita negra..., p. 11.
- ³³ *Ibid.*, p. 13.
- ³⁴ *Строганов А. И.* Основные этапы развития промышленного пролетариата Аргентины.— В кн.: Проблемы современного рабочего движения Латинской Америки. М., 1980, с. 240.
- ³⁵ *Margulis M.* Migración..., p. 85, 86.
- ³⁶ *Галкина А. Д.* Социально-политический облик сельского пролетариата.— Латинская Америка, 1982, № 3, с. 49.
- ³⁷ *Ratier H.* El cabecita negra..., p. 81.
- ³⁸ *Ibidem.*
- ³⁹ Лат. Америка, 1982, № 6, с. 61—62.
- ⁴⁰ Censo nacional de población, familias y viviendas. Resultados provisionales. Buenos Aires, 1970, p. 34.
- ⁴¹ Censo nacional de población y vivienda. Resultados provisionales. Buenos Aires, 1980, p. 5.
- ⁴² Составлено по: Censo nacional de población... Buenos Aires, 1970.
- ⁴³ Составлено по: Anuario estadística de la república Argentina 1979. 1980. Buenos Aires, 1980, p. 146.
- ⁴⁴ *Jelin E.* Las comunidades de extranjeros en la Argentina y sus asociaciones. Buenos Aires, 1963 (цит. по: *Korn F.* Algunos aspectos de la asimilación de Inmigrantes en Buenos Aires.— América Latina, Rio de Janeiro, 1965, v. 8, N 2, p. 92).
- ⁴⁵ *Mayer E., Masferrer E.* La población Indígena de América en 1978.— América indígena, 1979, v. 39, N 2, p. 336.
- ⁴⁶ *Асис Х.* Глубокая рана.— Лит. газета, 1982, 7 июля.

Основным итогом работы можно считать предложенную в ней общую концепцию формирования аргентинского этноса, наметившую основные этапы его эволюции.

Первооснова аргентинского этноса сложилась к концу колониального периода. Она не сводилась к сумме своеобразных черт культуры, носителями которых были креолы и метисы региона. Культурное единство населения в пределах современной Аргентины возникло на базе испанского языка и католической религии, испытавших естественные модификации в новой природно-хозяйственной и социокультурной среде. В то же время складывавшиеся в течение трех столетий внутренние социально-экономические связи в границах этой обширной территории и развитие местных производительных сил привели к появлению сначала экономической, а впоследствии и этнической обособленности от Испании и соседних испанских колоний в Южной Америке, которая осознала прежде всего наиболее просвещенной частью креольского населения. В конечном счете узы, возникшие у креолов на новой земле, под новым небом, оказались более прочными, чем корни, связывавшие их с Испанией.

Креолы, жившие преимущественно в городах, стали наиболее однородным и сплоченным ядром формирующегося этноса. Другим этнообразующим фактором явились метисы — крестьяне северо-запада и пастухи-скотоводы гаучо — основа сельского населения прибрежных провинций пампы. Обособленность гаучо как социальной группы закрепила культурные особенности, которые родились на аргентинской почве. Именно поэтому своеобразные культурные традиции гаучо в дальнейшем с такой быстротой проникли в культуру других групп населения, а сами гаучо стали органичной частью консолидировавшегося этноса.

Испапо-индейская метисация оказала существенное влияние на сложение новых групп уроженцев колонии. Но роль самих аргентинских индейцев в этносоциальных процессах была весьма специфичной. Лишь в северо-западных районах и на северо-востоке стала возможной широкая эксплуатация труда покоренных индейцев земледельцев. Индейцы — охотники обширного района пампы, от Атлантического побережья на востоке до отрогов Анд на западе, были завоеваны лишь частично и гораздо позже, чем в других областях. Сохранению ими независимости способствовало наличие фронтеры, так как вся южная часть страны вплоть до 80-х годов XIX в. оставалась индейской. Необходимость защиты от незамиранных племен стала своеобразным сплачивающим фактором для населения колонии. В пределах завоеванной территории разрозненные индейские общности сохранились лишь

в окраинных районах колонизации. Социально-культурная изоляция этих мелких этносов свела к минимуму их участие в формировании нового аргентинского этноса.

Негры, как и индейцы, не образовали в Аргентине значительного этнического компонента. Массовый ввоз африканских рабов через Буэнос-Айрес начался сравнительно поздно (после Утрехтского договора 1713 г.), причем предназначались они в основном для рудников Андского нагорья. Роль негров и мулатов в формировании аргентинского этноса была довольно кратковременной. С прекращением ввоза рабов и отменой рабства негритянская группа стала размываться.

Еще недостаточно оформившееся этносоциальное единство всех этнорасовых групп и социальных слоев колониального общества проявилось тем не менее в общем для большинства уроженцев страны недовольстве колониальным режимом, которое еще более окрепло в период освободительной борьбы против английских интервентов в начале XIX в. Формирующуюся испаноязычную этническую общность того времени, еще весьма аморфную и в структурном, и в культурном планах, мы условно называем «рио-платской», поскольку четкого единого самосознания тогда еще не было.

В результате Майской революции 1810 г. и последовавшей за ней войны за независимость Объединенных провинций Ла-Платы от Испании на базе рию-платской общности сплавивается собственно аргентинская этническая общность и одновременно начинают складываться предпосылки перерастания ее в нацию. На этом новом этапе этнической истории Аргентины большую роль в быстром росте самосознания сыграл государственно-политический фактор.

Война за независимость сплотила народ вокруг креольского правительства. Как и в других бывших испанских колониях в Америке, в Аргентине она содействовала осознанию массами населения своей общности по рождению и по сходству культуры. Справедливо замечание кубинского ученого-марксиста А. Нуньеса Хименеса (для Аргентины также) о том, что «после войны между бывшей колонией и Испанией образовался такой же широкий океан в политике и культурной жизни, как Атлантический»¹.

Создание собственной государственности сопровождалось преобразованиями сословной структуры общества: приспособлением феодальных институтов к потребностям капиталистического развития, появлением и неуклонным расширением сферы действия буржуазного права собственности. Но в отличие от европейских стран, где эпоха перехода от феодализма к капитализму в результате буржуазных революций ознаменовалась коренной социальной перестройкой общественной структуры и гигантскими переменами во всех областях жизни, в Латинской Америке, в частности в Аргентине, сохранялась система латифундий, т. е. крупной помещичьей земельной собственности, и другие феодальные пережитки. Все это сдерживало и осложняло социально-экономическое

и этническое развитие Аргентины после обретения ею независимости.

Вслед за созданием республики появился единый этноним — «аргентинцы», но наряду с ним длительное время продолжали сосуществовать и прежние названия: «гаучо», «креолы» (уроженцы Аргентины) и др. Изменения в социально-политическом устройстве и в этническом самосознании оказались необратимыми и обусловили в конечном счете победу исторически сложившейся тенденции к национальному объединению, несмотря на сохранение внутренних противоречий между главными политическими группировками и попытки к региональному обособлению.

Даже период диктатуры Росаса, отбросившей назад многие прогрессивные завоевания революции, не смог остановить развитие капиталистических отношений, объективно способствовавших качественным изменениям этносоциального характера и тем самым сложению нации. Своеобразие этно-национального развития аргентинцев в тот период состояло в том, что выразителями прогрессивной и националистической идеологии явились аргентинские писатели и просветители, вынужденные эмигрировать из страны. Литература, особенно так называемая «литература гаучо», закрепившая оригинальные формы разговорного языка и сделавшая гаучо своим героем, стала одним из важнейших инструментов формирования национального сознания.

После падения диктатуры Росаса (1852) и объединения всех провинций в единое централизованное государство (1862) был достигнут существенный прогресс в этно-национальном развитии, благодаря чему этническая консолидация поднялась на качественно новую ступень (что во многом предопределило характер этнических процессов последовавшего затем периода массовой европейской иммиграции): численность испаноязычных уроженцев Аргентины превысила 1,5 млн. человек; этнорасовые различия стали отходить в прошлое, вытесняясь социально-классовыми; гаучо были включены в социально-экономическую систему аргентинского общества; государственная консолидация (строительство железных дорог, отмена таможенных барьеров во внутренней торговле, создание сети национальных школ и т. д.) укрепила политическое, хозяйственное и культурное единство страны.

Сложившиеся накануне иммиграции основные элементы буржуазно-капиталистической структуры нации еще не достигли в тот период необходимого развития. Впрочем, неразвитость пролетариата и незрелость капитализма характерные черты всех латиноамериканских наций на стадии их формирования и в более позднее время.

Что касается такого принципиального и сложного вопроса, как влияние иммиграции на дальнейшее развитие аргентинской нации, то существующие на этот счет взгляды весьма противоречивы. Во многом это объясняется диалектичностью этнических процессов описываемого периода.

В результате колоссальной «встряски», которой аргентинский этнос подвергся в эпоху массовой европейской иммиграции, он испытал большие демографические, социально-экономические и этнокультурные изменения. Однако они не подорвали основу существенных признаков аргентинского этноса, заложенных еще в колониальный период и сложившихся в общих чертах до начала массовой европейской иммиграции. Преемственность с прошлым воплотилась в обновленном этносе, определив главные контуры его этно-национальной культуры.

Сохранение языка, религии, аргентинского самосознания, традиций национальной художественной литературы говорит о том, что аргентинский этнос выдержал «натиск» извне. Он «переваривал» иноэтнические элементы, вбирая и адаптируя их на собственной национальной основе. И хотя по степени влияния на них иммиграции аргентинцы явно выделяются среди народов Латинской Америки, однако происшедшие изменения не выходят за рамки допустимых в процессе развития этноса. Ю. В. Бромлей отмечает, что каждый этнос практически перманентно подвергается этноэволюционным изменениям, но «пока существует этнос, как правило, сохраняется и преобладающая часть его традиционных свойств, правда, нередко в сильно модифицированном виде. В результате культурная информация этноса в каждый момент бывает обычно многослойной. Она включает наряду со сравнительно недавно сложившимися традициями также «слои», возникшие еще в период формирования этноса»².

Резкое ослабление европейской иммиграции с началом первой мировой войны облегчило ассимиляцию иммигрантов, но этот сложный, многоступенчатый процесс растянул завершение этапа консолидации аргентинской нации, продолжающейся и в наши дни.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в советской исторической литературе получило распространение неоправданное утверждение о завершении консолидации аргентинской нации к концу XIX в.³ В данном случае, видимо, принимались во внимание результаты социально-экономического развития Аргентины, обеспечившие окончательную победу капитализма над феодализмом, и недоучитывался собственно этнический фактор. Между тем, в последние десятилетия XIX в., т. е. в разгар массовой европейской иммиграции, сплочение аргентинской нации затормозилось и только в годы первой мировой войны этот процесс вновь усилился.

В период между двумя мировыми войнами иммиграция в Аргентину заметно уменьшилась, а в годы второй мировой войны полностью сошла на нет. Так называемая «новая иммиграция», возобновившаяся после 1946 г., не может быть сопоставима с прежней ни по относительной численности, ни по своему характеру и воздействию на этническую структуру населения страны. С середины 50-х годов XX в. иммиграция в Аргентину представляет собой по сути дела сезонное отходничество сельскохозяйственных рабочих из соседних с ней южноамериканских стран.

С 30-х и особенно с 50-х годов XX в. мощным стимулом усиления процессов интеграции и сплочения всех этнических компонентов стали внутренние миграции населения Аргентины, вызванные индустриализацией страны, исходом сельского населения в города, в том числе приливом жителей внутренних областей с застойной экономикой в наиболее быстро развивающийся восточный район. Современные внутренние миграции охватили наиболее широкую зону за всю историю страны. Общее направление этих движений — от периферии к центру в Буэнос-Айресе. Здесь наиболее интенсивно «перемешиваются» разные расовые типы и культурные нормы, стираются культурные различия в пользу общего для всех аргентинского варианта.

Но, разумеется, рано еще говорить о гомогенности аргентинской нации и тем более населения Аргентины в целом. Существование региональных социокультурных различий обусловлено главным образом характером генезиса аргентинского капитализма, диспропорциями в развитии хозяйства, подчиненного интересам крупных межгосударственных монополий.

С комплексом противоречий, характеризующих социально-экономическое развитие Аргентины последней четверти XX в.⁴, тесно связаны и трудности межэтнических взаимоотношений. Проблемы сохранившихся индейских этнических меньшинств и иммигрантских национальных групп продолжают составлять существенную черту современной этносоциальной ситуации в Аргентине.

¹ Нуньес Хименес А. Происхождение и характер кубинской культуры.— В кн.: Расы и народы. М., 1980, вып. 10, с. 203.

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 234.

³ См., например: Очерки истории Аргентины. М., 1961, с. 205; Былинкина М. И. Смысловые особенности испанского языка Аргентины. М., 1969, с. 4.

⁴ Арнедо Альварес А. Аргентина и современный мир.— Лат. Америка, 1978, № 1, с. 15—17.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.

Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу.— Полн. собр. соч., т. 24.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25.

* * *

ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 6, д. 657, 709, 1862; оп. 8, д. 1038.

ЦГИА СССР, ф. 403, оп. 2, д. 139, 140, 228

ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 197, д. 310.

ЦГИА СССР, ф. 111, оп. 1, д. 182.

Ионин А. С. По Южной Америке. СПб., 1903. т. 1.

Колиш Л. В стране будущего. Мои скитания по Аргентине. М.; Л., 1894.

Константиновский Я. Мое пребывание в Аргентине. Одесса, 1893.

Чихачев П. А. Поездка через буэнос-айресские пампы.— Отечественные записки, СПб., 1844, т. 34, отд. 2.

* * *

Anuario estadístico de la república Argentina 1979. 1980. Buenos Aires, 1980.

Argentina. Comisión directiva del segundo censo de la República Argentina 1895. Buenos Aires, 1898, т. II.

Boletín demográfico Argentino. Buenos Aires, 1899—1903.

Censo nacional de población 1960. Buenos Aires, 1968, т. III.

Censo nacional de población, familias y viviendas. Resultados provisionales. Buenos Aires, 1970.

Censo nacional de población y vivienda. Resultados provisionales. Buenos Aires, 1980.

Censo indígena nacional. Buenos Aires, 1967, т. 1 (Provincias de Buenos Aires y Zona Sur).

Extracto estadístico de la República Argentina correspondiente al año 1915. Buenos Aires, 1916.

Argentina. Leyes y decretos. Legislación Indigenista de Argentina. México, 1957.

Azara F. de. Viajes por América Meridional. Madrid, 1941, т. I—II.

Catálogo de pasajeros a Indias durante los siglos XVI, XVII, XVIII. Sevilla, 1940, т. I—II.

Colección de obras y documentos relativos a la historia antigua y moderna de las provincias del Río de la Plata. Buenos Aires, 1836—1837, т. I—VI.

Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamérica, 1493—1810. Madrid, 1953—1960, v. I—III.

Concolorcorvo. El Lazarillo de ciegos caminantes. La Habana, 1972.

Documentos para la historia Argentina. Buenos Aires, 1913—1955, т. 1—10.

Encomiendas de indios diagitas documentadas en el Archivo Historico de Córdoba por Anibal Montes.— Revista del Instituto de Antropología, 1961—1964, т. II—III.

Losano P. Historia de la conquista del Paraguay, Río de la Plata y Tucumán, Buenos Aires, 1873—1875.

Mansilla L. V. Una excursión a los indios ranqueles. México; Buenos Aires, 1947.

Parish W. Buenos Aires y las provincias del Río de la Plata, desde el descubrimiento y conquista por españoles. Buenos Aires, 1853.

Агости Э. Нация и культура. М., 1963.

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Былинкина М. И. Смысловые особенности испанского языка Аргентины. М., 1969.

Ермолаев В. И., Штрахов А. И. и др. Очерки истории Аргентины. М., 1961.

Земсков В. Б. Аргентинская поэзия гаучо. М., 1977.

Искаро Р. Возникновение и развитие профсоюзного движения в Аргентине. М., 1978.

- Кодовилья В.* Избранные статьи и речи. М., 1970.
- Коваль Б. И.* Влияние Великого Октября на Латинскую Америку.— Новая и новейшая история, 1977, № 6.
- Королев Н. В.* Страны Южной Америки и Россия (1890—1917). Кипшев, 1969.
- Культура Аргентины.* М., 1977.
- Марианетти Б.* Аргентина. Современное положение и перспективы. М., 1966.
- Мариатеги Х. К.* Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.
- Машбиц Я. Г.* Латинская Америка. М., 1969.
- Народы Америки.* М., 1959, т. II.
- Нации Латинской Америки.* М., 1964.
- Национализм в Латинской Америке:* политические и идеологические течения. М., 1976.
- Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике.* М., 1974.
- Плетнев Э. Н.* Международная миграция рабочей силы. М., 1962.
- Строганов А. И.* Основные этапы развития промышленного пролетариата Аргентины.— В кн.: Проблемы современного рабочего движения Латинской Америки. М., 1980.
- Шейнбаум Л. С.* Формирование населения Аргентины.— В кн.: Расы и народы. М., 1974, вып. 4.
- Шейнбаум Л. С.* Индейцы гуарани в этнической истории Аргентины.— В кн.: Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979.
- Этнические процессы в странах Южной Америки.* М., 1981.
- Этнические процессы в странах Карибского моря.* М., 1982.
- Agulla J. C.* Soziale Strukturen und soziale wandlungen in Argentinien. Buenos Aires, 1967.
- Alonso Pineiro A.* La historia argentina que muchos argentinos no conocen. Buenos Aires, 1976.
- Alsina J.* La inmigración en el primer siglo de la Independencia. Buenos Aires, 1910.
- Andrews G. R.* The Afro-Argentines of Buenos Aires 1800—1900. Madison, 1980.
- Astrada C.* El Mito gaucha. Martin Fierro y el hombre argentino. Buenos Aires, 1948.
- Bagú E.* Evolución histórica de la estratificación social en la Argentina. Caracas, 1969.
- Baily S. L.* The Italians and the development of organized labor in Argentina, Brasil and the United States (1880—1914).— Journal of Social history, Berkeley, 1969—1970, v. 3, № 2.
- Bauer A.* Argentinien. Buenos Aires, 1915.
- Berne P.* L'immigration europeenne en Argentine. Paris, 1945.
- Besio Moreno N.* Buenos Aires. Puerto del Rio de la Plata. Capital de la Argentina. Estudio critico de su población. 1536—1936. Buenos Aires, 1939.
- Bidabehre F. A.* El problema inmigratorio (sus características en la República Argentina). Buenos Aires, 1940.
- Blanco Acevedo P.* El gaucha, sa formación social. Montevideo, 1955.
- Bourde G.* Urbanization et immigration en Amerique Latine. Paris, 1974.
- Canals Frau S.* Las poblaciones indígenas de la Argentina. Su origen, su pasado, su presente. Buenos Aires, 1953.
- Carlino C.* Gauchos y gringos en la tierra ajena. Buenos Aires, 1976.
- Carol Paz J.* La cultura indígena, la cultura criolla y la cultura popular en la Argentina.— Anuario Indigenista, México, 1973, XXXIII.
- Cervillo R.* Grandeza civilizadora de España. Su aporte en la formación de nuestra nacionalidad.— Revista de Antropología y ciencias afines. Tucumán, 1952, v. I.
- Comadrán Ruiz J.* Evolución demográfica argentina durante el periodo hispano (1535—1810). Buenos Aires, 1969.
- Coni E.* El gaucha. Buenos Aires. 1945.
- Cortés Conde R.* Movimiento inmigratorio y surgimiento de industrias en Argentina (1870—1914). Buenos Aires, 1964.
- Cornblit O.* European Immigrants in Argentine Industry and Politics.— The Politics of Conformity in Latin America. N. Y., 1967.
- Correas E.* Por la cultura de Cuyo. Buenos Aires, 1943.
- Chavez Fermin J.* Civilización y barbarie en la historia de la cultura Argentina. Buenos Aires, 1965.
- Dickmann E.* Población e inmigración. Buenos Aires, 1946.

- Difrieri H. A.* Población indígena y colonial.— In: La Argentina. Suma de geografía. Buenos Aires, 1961, t. VII.
- Endrek E.* El mestizaje en Córdoba. Siglo XVIII — principios del XIX.— Cuadernos de historia, 1966, N 33.
- Foerster Roberts F.* The Italian emigration of our times. London, 1924.
- Furlong Cardiff G.* Los Jesuitas y la cultura rioplatense. Montevideo; Buenos Aires, 1933.
- Germani G.* Política y sociedad en una época de transición. Buenos Aires, 1962.
- Germani G.* La estratificación social y su evolución histórica en Argentina.— In: Argentina conflictiva. Buenos Aires, 1972.
- Gonzalez Arrili B.* Los indios pampas. Buenos Aires, 1960.
- Gori G.* Inmigración y colonización en la Argentina. Buenos Aires, 1964.
- Guarnieri J. C.* El gaucho a través de testimonios de su tiempo. Montevideo, 1951.
- Guillermo G.* La clase trabajadora nacional.— Cuadernos de crisis, Buenos Aires, 1975, N 18.
- Hiller G.* Einwanderung und Kolonization in Argentinien. Berlin, 1912.
- Ibarra Grasso D.* Argentina indígena y prehistoria americana. Buenos Aires, 1967.
- Imbelloni Y.* La formación racial argentina. Buenos Aires, 1947.
- Inchauspe P.* El gaucho y sus costumbres. Buenos Aires, 1955.
- Ingenieros J.* Sociología Argentina. Buenos Aires, 1946.
- Konetzke R.* La emigración española al Río de la Plata durante el siglo XVI.— In: Miscelánea americana. Madrid, 1952, t. III.
- Korn F.* Algunos aspectos de la asimilación de inmigrantes en Buenos Aires.— América Latina, Río de Janeiro, abril — junio, 1965, año 8, N 2.
- Kossok M.* El virreinato del Río de la Plata. Su estructura económico-social. Buenos Aires, 1959.
- Latour O. F.* Cantares históricos de la tradición Argentina. Buenos Aires, 1960.
- Lattes A.* Las migraciones en la Argentina entre mediados del siglo XIX y 1960.— Desarrollo económico, Buenos Aires, 1973, v. 12, N 48.
- Lattes Z.* El proceso de urbanización en la Argentina.— Desarrollo económico, 1973, v. 12, N 48.
- Mafud I.* La vida obrera en la Argentina. Buenos Aires, 1976.
- Malmberg B.* La América hispanohablante. Madrid, 1966.
- Margulis M.* Migración y marginalidad en la sociedad Argentina. Buenos Aires, 1968.
- Masini J. L.* La esclavitud negra en Mendoza. Época independiente. Mendoza, 1963.
- Molas Rodríguez R.* Historia social del gaucho. Buenos Aires, 1968.
- Montoya A. J.* Historia de los saladeros argentinos. Buenos Aires, 1956.
- Morjani R. H.* El indio en la colonización de Buenos Aires. Buenos Aires, 1940.
- Mörner M.* Panorama de la sociedad del Río de la Plata durante la primera mitad del siglo XVIII.— Estudios Americanos, 1959, N 92—93.
- Mörner M.* La corona española y los foráneos en los pueblos de indios en América. Estocolmo, 1970.
- Muñiz R.* Los indios pampas. Buenos Aires, 1966.
- Oddone J. A.* La emigración europea al Río de la Plata. Montevideo, 1966.
- Palavecino E.* Áreas y capas culturales el territorio Argentino.— Notas del Museo Historia natural San Rafael, Mendoza, 1977, N 18.
- Panettieri J.* Inmigración en la Argentina. Buenos Aires, 1970.
- Puigbo R.* Los aborígenes argentinos: su aporte étnico y socio-cultural.— América Indígena, 1975, v. XXXV, 1.
- Ratier H.* El cabecita negra. Buenos Aires, 1976.
- Razori A.* Historia de la ciudad argentina. Buenos Aires, 1945, t. I—III.
- Rojas R.* El problema indígena en Argentina.— América indígena, 1943, v. III, N 2.
- Rosenblat A.* La población indígena y el mestizaje en América. Buenos Aires, 1954, t. I—II.
- Que es la Argentina?* Buenos, 1970.
- Sabsay F.* La sociedad Argentina. Génesis del Estado Argentino. Buenos Aires, 1973.
- Sarmiento D. F.* Facundo o civilización y barbarie en las pampas argentinas. Buenos Aires, 1955.
- Serbin A.* Las organizaciones indígenas en la Argentina.— América Indígena, México, 1981, v. XLI, N 3.
- Solari M. M.* Historia de la cultura Argentina. Buenos Aires, 1957.
- Solberg C.* Immigration and Urban Social Problems in Argentine and Chi-

- le, 1890—1914.— *The Hispanic American Historical Review*, May, 1969, v, XLIX, N 2.
- Spalding H. A.* Education in Argentina. 1890—1914: The limits of Oligarchical Reform.— *The Journal of Interdisciplinary History*, Cambridge, Summer 1972, v. III, N 1.
- Szuchman Mark D.* The Limits of the Melting Pot in Urban Argentina: Marriage and Integration in Cordoba, 1869—1909.— *The Hispanic American Historical Review*, Durham, Febr., 1977, v. 57, N 1.
- Stahringer de Caramuti O.* La política migratoria argentina. Buenos Aires, 1975.
- Torino D.* El problema del inmigrante. Buenos Aires, 1912.
- Zorraquin Becú R.* La organización política argentina en el periodo hispanico. Buenos Aires, 1959.
- Zorraquin Becú R.* La movilidad indígena y el mestizaje en la Argentina colonial.— *Jahrbuch für Geschichte for Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas*, Köln, 1967, Bd. 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ

vk.com/ethnograph

Введение	3
<i>Глава первая</i>	20
Формирование испаноязычной этнической общности на Рио-де-ла-Плате	20
Исходные компоненты населения и их взаимодействие	20
Метисация как фактор этнической консолидации	29
Региональные различия в формировании населения колонии	32
Ввоз негров и изменение расовой и социальной структуры населения колонии. Включение в нее гаучо	44
Социально-политические факторы интенсификации процесса этнообразования в конце XVIII — начале XIX в.	56
<i>Глава вторая</i>	
Становление аргентинской нации	69
Майская революция 1810 г.— узловым момент в формировании аргентинского этноса	69
Специфика развития этноса в период диктатуры Росаса	82
Предпосылки роста национального самосознания и сложения аргентинской нации	88
<i>Глава третья</i>	
Роль массовой европейской иммиграции в развитии аргентинской нации (70-е годы XIX в.— начало первой мировой войны)	100
Социально-политические условия иммиграции	100
Общая характеристика иммиграции и основных национальных групп. Динамика численности, социальный состав, расселение	104
Характер этнокультурного взаимодействия иммигрантов с аргентинцами	116
Иммиграция и индейцы, Гринго и гаучо	125
Роль иммиграции в социально-экономическом развитии Аргентины	130
<i>Глава четвертая</i>	
Развитие аргентинского этноса в XX в.	137
Завершение массового переселенческого движения в Аргентину из Европы	138
Новая иммиграция и ее значение для Аргентины	140
Усиление внутренних миграций населения	144
Проблема « <i>cabecitas negras</i> » и консолидация аргентинской нации	147
Основные источники и литература	164
Заключение	159

Лина Соломоновна Шейнбаум

АРГЕНТИНСКИЙ ЭТНОС

**Этапы
формирования
и развития**

Утверждено к печати
Ордена Дружбы народов Институтом этнографии
им. Н. И. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства *Н. Г. Белей*
Художник *В. Я. Батагичев*
Художественный редактор *Н. А. Фильчагина*
Технические редакторы *Е. В. Лойко, Ф. М. Хенох*
Корректоры *В. А. Нарядчикова, В. А. Шварцер*

ИБ № 28495

Сдано в набор 16.01.84

Подписано к печати 19.04.84.

Т-09629. Формат 60×90^{1/16}

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 12,4. Усл. кр. отт. 10,75

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 41.

Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.

4-я типография издательства «Наука».
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 23.